

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

7–8 '2006

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№ 7-8'2006

■ ПЕРВАЯ КОЛОНКА

А. Ослон

Опросы общественного мнения и общество 4

Общество

■ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Г. Кертман

“Кандидат против всех”: эпитафия 9

■ СЕМАНТИКА

Л. Паутова

“Стабильность по-украински” vs
“стабильность по-русийски” 21

А. Черняков

Обыденные смыслы базовых понятий
социально-политического лексикона 38

■ ПРОФЕССИИ

Е. Вовк

Адвокат: профессия и профессиональная этика
в обыденных представлениях 55

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 59

Форум

■ БЕСЕДА

Как не съесть собаку. *Интервью с Иваном Климовым
об армии как экстремальной группе* 79

■ АРМИЯ

К. Банников

Стойкие солдатики с оловянными глазами.
Метаморфозы культуры в механическом социуме 85

Главный редактор
Александр Ослон

Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
“Общество”

Григорий Кертман
“Форум”

Леонид Блехер
Георгий Любарский

“Мастерская”
Иван Климов

“Цифры”
Людмила Преснякова

“Между прочим”
Анатолий Черняков

Арт-директор
Анна Данилова

Ответственный секретарь
Мария Каневская

Маркет-менеджер
Светлана Басманова

Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская

Корректор
Наталья Шарова

Оригинал-макет
Любовь Софейчук

Рисунки
Екатерина Василевская
Андрей Мирзоян

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215· 280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

Номер подписан в печать
28.08.2006 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
www.fom.ru

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии
ООО “Группа Море”
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

■ НАУКА СОЦИОЛОГИЯ

А. Ослон

Общественное мнение в контексте
социальной реальности97

■ КНИЖНЫЕ ДЕБРИ

А. Ослон

Эксперты на страже социальной реальности.
Вытиски из книги П. Бергера и Т. Лукмана
“Социальное конструирование реальности”114

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Г. Кертман, И. Климов, И. Шмерлина

Так говорил респондент...54
Юмор на телевидении76
О хамстве и хамах77
Профессиональные психологи в России95

Опросы общественного мнения и общество

В “первой колонке” прошлого номера я писал о мозаике социальных определений опросов общественного мнения, о том, как по-разному в разных социальных полях – политическом, государственно-управленческом, деловом, медийном, профессиональном, массовом – видится роль опросов через призму свойственных этим полям прагматических смыслов. В продолжение темы возникает вопрос о смыслах опросов по отношению к обществу в целом.

Сначала рассмотрим стандартную версию ответа на этот вопрос. Здесь речь идет об обществе, основанном на базовом постулате “равенства/свободы” его членов как естественном праве и, следовательно, на признании каждого из них самостоятельным индивидуумом со своим собственным мнением. Из этого вытекает теория “равной значимости мнений свободных людей”, а из нее – теория “права голоса” и соответствующий метод голосования, с процедурой принятия решений по “правилу большинства”¹. Комплекс теорий “свободы/равенства/голосования/большинства” возник в XVII–XVIII веках, привел к конструкции социального порядка, известного как демократическое устройство общества, и ознаменовал собой наступление эпохи Просвещения. Одним из важнейших элементов

¹ “...Когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица сообщество, то они тем самым сделали это сообщество единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению большинства”

Локк Дж. Два трактата о правлении / В кн.: Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 317.

этой конструкции является наличие институтов “плевбисцитов/референдумов/выборов/опросов”, предназначенных для сбора и учета мнений граждан. Таков “классический” смысл опросов общественного мнения: они позиционируются как один из столпов демократического общества.

Однако не все так просто. Демократические идеи несли в себе разрушительный заряд по отношению к традиционному обществу, уходящему корнями в античность и средневековье и основанному на жестком разделении социальных сегментов и регламентации социальных ролей в каждом из них. Такое “герметичное” устройство – в котором крестьянин не мог стать придворным, вассал принадлежал сюзерену, ремесленник был бесконечно ниже аристократа, – воспроизводилось из поколения в поколение, и общество было неизменно-устойчивым. Тогда

как постулаты “равенства/свободы” предполагали слом сословных перегородок, атомизацию общества, его распыление на множество равных и свободных индивидуумов. Оказалось, что в “царстве свободы” возникает необходимость в особых социальных проектах, обеспечивающих “скрепление” общества, сохранение и охранение его целостности. Исторически сложились два типа таких проектов – “коллективистский” и “индивидуалистский”.

“Коллективистский” проект основан на идеях Жан-Жака Руссо (1712–1778), предложившего в качестве “несущего каркаса” общества идею “общественного договора”, в соответствии с которым каждый свободный член общества передает свои права в пользу этого общества. А общество рассматривается как высший суверен и действует согласно “общей воле” большинства, выявляемой голосованием и распространяющейся на каждого человека². Как показывает история, на практике эта теория неизбежно приводит к возникновению концентрирующих в себе власть институтов – носителей “общей воли” со своим персоналом-менклатурой и отчужденного от них общества. Таким – “руссоистским” – было, например, советское государство/общество, устойчивость и целостность которого поддерживали институты государственной власти, использующие силовое принуждение к исполнению требований “общей воли”. Сущность таких институтов предопределил тот же Руссо: “Исправьте взгляды людей – и нравы их сами собою сделаются чище”. В “коллективистском” обществе именно государственная власть в конечном счете берет на себя определение “общей воли”, навязывает ее и тем самым удерживает общество от распада. Опросы в таком случае становятся излишними и если используются, то лишь в качестве демократической декорации.

В конкурирующем с “коллективистским” – “индивидуалистском” проекте, основанном на идеях Адама Смита (1723–1790), за членами общества остаются их права и свободы, но с условием соблюдения принятых в обществе законов. Фундамент устройства общества составляют частная собственность и рыночные отношения, и если законы тому способствуют, оказывается, что члены общества могут действовать эгоистично, во имя собственной выгоды, но такое их одновременное поведение ведет тем не менее к росту общественного блага³.

² “Статьи <общественного договора> сводятся к одной-единственной статье, а именно: полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины; ибо, во-первых, если каждый отдает себя всецело, то создаются условия, равные для всех; а раз условия равны для всех, то никто не заинтересован в том, чтобы делать их обременительными для других”

Руссо Ж.–Ж. Об общественном договоре. М.: 1988. С. 208.

³ “Главной заботой великих теоретиков индивидуализма было действительно отыскать набор институтов, которые могли бы побуждать человека по его собственному выбору и на основании мотивов, направляющих его обычное поведение, вносить максимально возможный вклад в удовлетворение потребностей всех остальных; их открытием стало то, что система частной собственности обеспечивает такие побуждения...”

Хайек Ф. Индивидуализм: истинный и ложный / В кн.: Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2001. С. 33.

Поэтому на институты власти, управляющие обществом от имени “общей воли”, ложится ответственность за установление разумных законов и пресечение их нарушений. Но в такой конструкции власть не может

⁴ “Отличительная особенность священного состоит в том, что оно опасно и в высшей степени важно: вы должны подходить к нему серьезно, уважительно, с необходимыми приготовлениями. Несвященное образует другой мир”

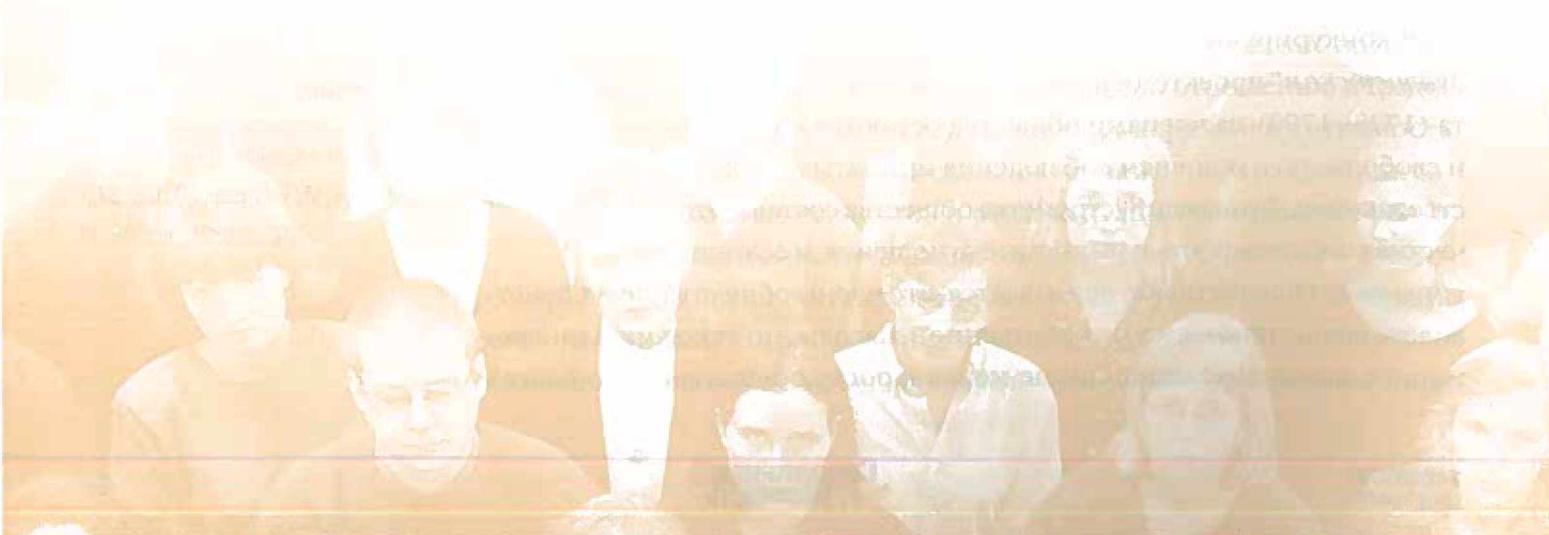
Коллинз Р. Социологическая интуиция / В кн.: Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 435.

⁵ “Ритуалы – это не средство достижения последующей цели, как в различных способах практических действий; вы не можете сказать, что нет разницы, как вы делаете их, пока не достигнете цели, поскольку форма ритуала – это и есть его цель. Он исполнен значения, если выполняется правильно, и ничего не стоит, если совершен неправильно”

Коллинз Р. Там же. С. 435.

своей мощью принудить членов общества соблюдать законы и, следовательно, обеспечить целостность общества – иначе она превратится в свой силовой, “руссоистский” антипод.

Для скрепления индивидуалистского общества, удержания его от распада используются совсем другие – не силовые, а символические – механизмы. Они принуждают видеть в обществе высшую ценность, наделяют то, что служит ему во благо, священным, сакральным смыслом, а тому, что вредит обществу, придают греховный характер⁴. Подобно религиям, “институты скрепления” создают свою святую, общество, и возбуждают в членах общества внутренние моральные убеждения (гражданские чувства) по отношению к символам общества – к его истории, героям, памятникам, к его властным, силовым и прочим учреждениям и, конечно, к его законам и конституции. Это происходит в форме исполнения особых квазирелигиозных действий – ритуалов⁵. И именно ритуалы создают и поддерживают существование в сознании людей символов, идей и понятий, несущих указанные сверхценные смыслы. Так происходит превращение индивидуумов, озабоченных собственным благом, в членов общества и, следовательно, созидание самого общества.

Среди ритуалов, скрепляющих общество, есть очевидные – например, инаугурация президентов, коллективные парады и празднования, церемонии награждений, выноса знамен и т. д., и т. п. А есть ритуалы подспудные, незаметные, постоянно активизирующие в языке и в сети коммуникаций сакральные понятия индивидуалистского общества: “мы”, “народ”, “право”, “свобода”, “гражданин”, “закон”, “страна”, “государство” и т. д. А также – среди прочих базовых, скрепляющих понятий – “общественное мнение” и “опрос”⁶. Так что когда перед вами – публикация результатов опроса общественного мнения (в том числе и в нашем журнале), то имейте в виду, что сам факт такой публикации, кроме всего прочего – элемент демократического ритуала, участвующего в формировании демократии⁷.

⁶ “...практика обращения к последнему опросу стала ритуалом, не слишком отличающимся от того, чем было для древних греков обращение за советом к оракулу”

Николаев В.Г. Реферат статьи Lipari, L. Polling as ritual / Journal of communication, N.Y., 1999, V. 49, № 1, p. 83–102 // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология: РЖ РАН, № 4. М.: ИНИОН, 2000. С. 79.

⁷ “Опросы не только черпают свою легитимность из ожидания, что они будут выражением общественной воли, но и сами легитимируют идею, что такая воля существует. Стало быть, опросный ритуал также частично выполняет функцию определения границ и контуров общественной воли – опросы идентифицируют, кто есть «мы» и кто есть «они». Также он легитимирует демократические институты, которые предположительно служат коллективу. Таким образом, как форма политического ритуала опросы являются одним из коммуникативных средств, с помощью которых поддерживает и проектирует себя коллективное «мы» демократии”

Николаев В.Г. Там же. С. 79.

Александр Ослон
 президент Фонда “Общественное мнение”,
 главный редактор журнала

OFFICE

Г. Кертман

“Кандидат против всех”: эпитафия

Позиция “против всех”: динамика популярности

Как известно, практика голосования “против всех” представляла собой одну из наиболее оригинальных и вместе с тем спорных особенностей отечественной избирательной системы. Ни в российском “политическом классе”, ни в среде экспертов не было единства относительно целесообразности присутствия соответствующей графы в избирательном бюллетене. И всякий раз, когда на тех или иных выборах доля избирателей, проголосовавших “против всех”, оказывалась непривычно высокой, в СМИ появлялись алармистские прогнозы о предстоящем параличе избирательной системы и нередко раздавались голоса в пользу ликвидации этой графы.

Сейчас она ликвидирована, и ближайшие избирательные кампании покажут, как устранение “кандидата против всех”, неизменно “участвовавшего” во всех выборах на протяжении 13 лет, повлияет на явку и политические предпочтения избирателей. Пока же попытаемся выяснить, насколько дорожили россияне самой возможностью отдать свои голоса за этого “кандидата”, как интерпретировалась и расценивалась ими такая модель электорального поведения и каких последствий они ожидают от устранения позиции “против всех”.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что в последние годы практика голосования “против всех” стремительно входила в моду: если в октябре 2004 года лишь 14% респондентов заявили, что им когда-либо доводилось на выборах отдавать свой голос против всех кандидатов или партий, то в ноябре 2005 года – 23%, а в июне 2006 года – уже 31%¹.

Соответственно доля утверждающих, что они никогда не распоряжались своим голосом подобным образом, менее чем за два года сократилась с 81 до 62% (затрудняющихся с ответом на этот вопрос немного). Совершенно очевидно, впрочем, что в действительности число избирателей, имеющих такой электоральный опыт, росло далеко не столь высокими темпами – хотя оно, безусловно, несколько увеличилось: если бы приведенные показатели адекватно отражали перемены в электоральной практике россиян, это означало бы, что за 20 месяцев (октябрь 2004 – июнь 2006 года) каждый шестой взрослый гражданин

¹ Здесь и далее в статье приводятся данные общероссийских опросов населения от 30–31 октября 2004 года, 19–20 ноября 2005 года и 17–18 июня 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

нашей страны (17%) впервые проголосовал “против всех” – что абсолютно нереально².

По-видимому, стремительный рост доли респондентов, заявляющих, что им доводилось голосовать подобным образом, отражает прежде всего изменения в восприятии данной модели электорального поведения: последняя становится в глазах россиян все более приемлемой, легитимной, и поэтому избиратели, когда-либо голосовавшие “против всех”, сейчас гораздо охотнее признаются в этом, чем еще год-два назад. В пользу этого предположения говорит и тенденция к росту числа *допускающих* для себя возможность проголосовать на каких-либо выборах против всех кандидатов или партий (вопрос этот задавался респондентам тогда, когда такая возможность еще существовала): с 37% в октябре 2004 года до 52% – в ноябре 2005 года. При этом доля *исключающих* для себя такую возможность сократилась за это время не слишком ощутимо – с 44 до 40%, – зато резко (с 18 до 8%) снизилась доля затрудняющихся с ответом. Можно, пожалуй, предположить, что некоторые из числа затруднявшихся с ним в 2004 году колебались потому, что усматривали в подобном электоральном выборе нечто предосудительное, тогда как год спустя сомнения таких избирателей развеялись.

Большинство россиян, добавим, убеждены, что в случае, если избиратель не хочет голосовать ни за одного из участвующих в выборах кандидатов (или ни за одну из партий), ему следует скорее явиться на избирательный участок и проголосовать против всех, нежели проигнорировать выборы. Причем если осенью 2004 года такую точку зрения разделяли 52% опрошенных, то год спустя – уже 58% (доля сторонников противоположной точки зрения – в подобной ситуации лучше вообще не ходить на выборы – за это время снизилась с 29 до 22%).

В свете сказанного неудивительно, что большинство (54%) участников последнего из рассматриваемых здесь опросов (проведенного в июне 2006 года) высказались за то, чтобы графа “против всех” присутствовала в избирательных бюллетенях. Противоположное мнение вдвое менее популярно (28%). Естественно, сторонники первой точки зрения безоговорочно преобладают среди тех, кто когда-либо ставил отметку в этой графе (83% против 11%, полагающих, что она не нужна); но и респонденты, никогда не голосовавшие подобным образом, чаще высказываются за данную графу, чем против нее (42 и 39%).

Стоит подчеркнуть, что особенно решительно выступают за сохранение спорной позиции представители относительно “ресурсных” социально-демографических групп: молодежь и люди среднего возраста – по 61% (среди относительно пожилых – 38%); обладатели высшего и среднего специального

² Чтобы удостовериться в этом, точные расчеты не нужны. В самом деле, общенациональных выборов в стране за это время не было. Выборы в региональные законодательные собрания прошли в меньшинстве регионов. Доля голосовавших “против всех” на этих выборах составляла, за редкими исключениями, от 8 до 12% от числа принявших участие в голосовании – то есть 3–4% от числа потенциальных избирателей в соответствующих регионах (явка, как правило, варьировалась в интервале 30–40%). Но и среди этих избирателей многие (если не большинство), надо полагать, распорядились своими голосами подобным образом не впервые... Так что число избирателей, именно в этот период в *первый раз* проголосовавших “против всех”, при самых “щедрых” допущениях – и даже с учетом проходивших кое-где выборов муниципального уровня – никак не могло составить более 2–3% совершеннолетних граждан России.

образования – также по 61% (среди окончивших только среднюю школу – 53%, а среди не имеющих среднего образования – 33%); респонденты с доходом на члена семьи свыше 3000 рублей – 60% (среди тех, чей доход ниже 2000 рублей, – 44%). Следовательно, графа “против всех” чаще представляет ценность не для “аутсайдеров”, а для тех, кто сравнительно прочно стоит на ногах.

Но в чем, собственно, состоит ценность этой графы для избирателей?

Легитимация голосования “против всех” – две версии

В массовом сознании сосуществуют и конкурируют два принципиально различающихся варианта легитимации голосования “против всех”. Согласно одному из них, такое голосование оправданно применительно к конкретным электоральным ситуациям – когда избиратель не считает возможным отдать свой голос ни одному из претендентов на него. Согласно другому – оно оправданно совершенно безотносительно к конкретным электоральным ситуациям: как выражение протеста против условий жизни в стране и действий правящей элиты.

Проиллюстрируем различие между этими вариантами двумя репликами участниц новосибирской фокус-группы³, отвечавших на вопрос модератора о том, какие избиратели чаще голосуют “против всех”, – информированные или неинформированные.

“Кто лучше осведомлен в политике. И знает уже, и понимает, что действительно здесь выбрать не из кого. И уже в этом случае – ставит «против всех»”.

“Я вот могу про себя сказать. Я всегда голосую против всех. Всегда, да. Я в политике совершенно не разбираюсь. Я туда даже и нос не сую, потому что я знаю, что кроме меня мне никто ничего не сделает. Хоть заобещайтесь там. Это бесполезно. Кроме моего голоса, у меня ничего нету. И я кому-то его отдам, и тот будет чай с плюшками пить – а я без плюшек? Ну нет!” (ДФГ, Новосибирск).

Это различие отчетливо проявляется, в частности, в ответах респондентов, заявивших в октябре 2004 года, что они в принципе допускают для себя возможность проголосовать “против всех” (таковых тогда, напомним, оказалось среди участников опроса 37%), на вопрос о том, почему они занимают такую позицию.

Примерно половина ответивших на этот открытый вопрос – 16% от всех опрошенных – заявили, что могут проголосовать “против всех” в случае, если среди претендентов на выборную должность не окажется, на их взгляд, приемлемых кандидатов.

“Бывает, что выбрать не из кого”; “когда нет достойных людей среди предлагаемых кандидатов”; “кого-то не знаю, кого-то знаю с плохой стороны”; “если не увижу достойного кандидата”; “смотря какие кандидаты – может, ни один не подойдет”; “если никто мне не будет импонировать”; “если я людей знаю, то чем мерзость – то лучше ничего” (открытый вопрос).

В последние годы голосование “против всех” становилось в глазах россиян все более приемлемой, легитимной моделью электорального поведения

³ Дискуссионные фокус-группы на тему о голосовании “против всех” проходили 13 июня 2006 года в Москве, Новосибирске и Самаре.

Еще 3% опрошенных, демонстрируя, по существу, сходную позицию, связывали возможность голосовать «против всех» с недостаточной осведомленностью и со сложностью выбора.

«Если не будет достоверной информации о депутатах»; «когда не буду знать, за кого голосовать»; «бывает, что затрудняюсь в выборе или не вижу достойного кандидата»; «может, не будет хватать информации о кандидате» (открытый вопрос).

Очевидно, что в принципе эти респонденты ориентированы на иной электоральный выбор: они идут на избирательные участки для того, чтобы отдать свои голоса за наиболее достойных, по их мнению, кандидатов. Голосование «против всех» рассматривается ими как запасной и – при определенных обстоятельствах – вынужденный вариант электорального поведения.

Для других же респондентов перечень участников тех или иных выборов, внесенных в избирательный бюллетень, изначально не представляет ни малейшего интереса: в логику их электорального поведения сопоставление достоинств и недостатков кандидатов или партий никоим образом не вписывается. Голосуя «против всех», эти респонденты высказываются не против конкретных претендентов на их голоса, а против «политического класса» в целом. Некоторые из них (6% от всех опрошенных) обосновывают такой электоральный выбор пороками отечественных политиков и своим тотальным недоверием к ним.

«Все обещают – и почти ничего не делают, только все для себя»; «никому нельзя верить, власть портит»; «надоело, одно словоблудие кандидатов»; «ранее выбранные нами не оправдали наше доверие»; «сейчас многие рвутся к власти, но для людей ничего не делают»; «не верю никому»; «депутаты преследуют одну цель – вначале деньги, а потом народ»; «разочаровалась во всех, никому не верю»; «толку нет ни от кого» (открытый вопрос).

Немало и тех, кто вообще не упоминает в этом контексте о политиках. Для них (5% респондентов) голосование «против всех» – способ заявить власти, что их не устраивает положение дел в стране или в регионе.

«Из чувства протеста, что жизнь не меняется к лучшему»; «выборы пока еще для людей ничего не дали, нет улучшения жизни»; «я так протестую»; «из-за плохой экономической ситуации в области, чтобы обратили внимание на нашу область»; «попротестовать»; «протестую против низкого жизненного уровня, инфляции»; «хочу выразить свой протест, недовольна обстановкой в области»; «протест против свинской жизни» (открытый вопрос).

Очевидно, что эти избиратели, равно как и процитированные чуть выше обличители нравов российских политиков, ни в коей мере не склонны рассматривать свое участие в выборах как действие, напрямую влияющее на формирование властных институтов. А некоторые респонденты (1%) именно уверенностью в том, что их голоса ничего не решают, и объясняют свою готовность голосовать «против всех», так прямо и заявляя.

«От моего голоса ничего не зависит»; «за меня и так решат, кто будет у власти»; «правды нет, кого захотят – выберут»; «ничему не верю, нас ни о чем не спрашивают» (открытый вопрос).

Графа «против всех» чаще представляет ценность не для «аутсайдеров», а для тех, кто сравнительно прочно стоит на ногах

Итак, перед нами – две группы избирателей. И те, и другие допускают для себя возможность проголосовать “против всех”, но даже само это словосочетание имеет для них различный смысл. Для одних: против всех этих, конкретных партий или кандидатов, здесь и сейчас представленных в избирательном бюллетене. Для других: *против всех*, пребывающих у власти или претендующих на прохождение во властные структуры.

По существу, эти интерпретации голосования “против всех” принадлежат совершенно различным, в известном смысле противоположным политическим дискурсам. В первом случае мы имеем дело с дискурсом взыскательного избирателя, слишком дорожающего своим голосом, чтобы отдавать его кому ни попадя. Во втором – с дискурсом участника политического процесса, который избирателем, строго говоря, вообще не является, поскольку отвергает саму возможность отдать свой голос кому бы то ни было – по крайней мере до тех пор, пока он недоволен властями и положением дел в стране.

В пределах этого, второго дискурса, глубоко укорененного в отечественной политической культуре, власть предстает самодовлеющим монолитом, несущим исключительно моральную ответственность перед народом, но практически не зависящим от последнего. Именно бинарная оппозиция “власть – народ” (“они – мы”) оказывается здесь универсальной интерпретационной схемой, определяющей восприятие любых политических событий, процессов и институтов; в частности – института выборов. Причем идею народного суверенитета, формирования власти волеизъявлением граждан этот дискурс, органически связанный с социальным и политическим инфантилизмом, категорически отторгает.

Разумеется, людям, воспринимающим политическую реальность в данном ракурсе, известно, что в выборах участвуют различные партии и кандидаты – как входящие в структуры власти, так и только претендующие на вхождение в них; как принадлежащие к “партии власти” (в самом широком смысле), так и оппонирующие ей. Но это обстоятельство ими, как явствует из процитированных выше реплик, игнорируется: в рамках упомянутой бинарной оппозиции все партии и кандидаты, независимо от их позиций и статусов, оказываются на одном “полюсе” – они принадлежат миру “власти”, будучи равно далеки от “народа” и равно ответственны перед ним за положение дел в стране или регионе. Соответственно различия между ними представляются, опять-таки в рамках этой бинарной оппозиции, непринципиальными для рядовых представителей другого “полюса”, явившихся на избирательный участок. Выборы здесь интерпретируются не как механизм формирования властных структур избирателями, а как специфический канал связи, позволяющий народу сообщить власти о своем отношении к ней. И голосование “против всех” в этом контексте обретает ценность как способ пожуричь власть и призвать ее пересмотреть свое отношение к народу.

Такая логика совершенно отчетливо просматривается, например, в реплике участницы фокус-группы, утверждающей, что “против всех” обычно голосуют социально активные и интересующиеся политикой граждане, и обосновывающей свое мнение следующим образом.

“Потому что, действительно, идет тот человек, который заинтересован. Чтобы показать власти, что он против всех, чтобы они задумались там, наверно, как с народом дружить и жить” (ДФГ, Новосибирск).

Тот же мотив слышен в комментарии участника другой групповой дискуссии по поводу упразднения графы “против всех”.

“Это еще один барьер между властью и народом, я считаю так. Вместо того, чтобы как-то сблизить – делается все наоборот” (ДФГ, Самара).

Иначе говоря, голосование “против всех” сближает власть с народом, сигнализирующим ей таким электоральным выбором о недовольстве ее деятельностью; в ответ она, предполагается, должна устыдиться и сделать выводы – изыскать способы улучшить жизнь подведомственного населения.

Отметим между прочим, что если “избиратель”, следующий подобной логике восприятия политики, когда-либо сочтет, что жизнь некоторым образом налаживается, то он, скорее всего, проголосует за те политические силы, которые в тот момент будут находиться у власти. Ведь эта логика, исключая дифференцированный подход к претендентам на выборные должности, превращает любые выборы, по существу, в плебисцит о доверии власти и предполагает лишь две электоральные позиции: за или против. Но именно поэтому упразднение одной из этих двух принципиально допустимых для такого “избирателя” позиций – графы “против всех” – воспринимается им сегодня как упразднение выбора как такового. И вызывает, естественно, крайнее возмущение.

“Я категорически против, потому что я всегда голосовала против всех. Мою позицию перечеркнули” (ДФГ, Новосибирск).

“Что может избиратель? Один раз если на президентские выборы прийти на избирательный участок. И поэтому эта позиция, которая для таких вот людей, которые, будем так говорить, разочарованы уже в наших и властях, и выборах, дала возможность просто озвучить свою точку зрения” (ДФГ, Самара).

Причем голосование “против всех”, трактуемое подобным образом – не ситуационный выбор, а послание, адресованное властям, – рассматривается многими как весьма ответственное политическое поведение и даже как проявление гражданских добродетелей. Вот, например, как характеризуют такой электоральный выбор и делающих его избирателей участники фокус-групп.

“Развито чувство гражданского долга. Это патриоты” (ДФГ, Москва).

“Представьте, человек поперся на избирательный участок. Значит, осознанно. Иначе спал бы, да и все. Или на Волгу пошел” (ДФГ, Самара).

“То есть они пошли как бы вот, специально дошли до избирательного пункта...” (ДФГ, Москва).

“Это и есть наш выбор. Тех кандидатов, которых нам предлагают, мы отвергаем, они нам не нужны. Вот это и есть – против всех. Это самый натуральный долг и голосование. Не ставит птичку, где попадет... а против всех: не нужны нам эти депутаты. Вот и все” (ДФГ, Новосибирск).

Иначе говоря, демонстративный отказ от участия в формировании властных структур интерпретируется как исполнение гражданского долга именно в силу своей демонстративности – в отличие от аналогичного по политическим последствиям неучастия в выборах, равно как и от бездумного голосования за первого попавшегося кандидата. Более того, такое электоральное поведение квалифицируется как исполнение гражданского долга и по контрасту с поведением избирателя, остановившего свой выбор на той же графе избирательного бюл-

летения, но по иной причине – из-за недостаточной осведомленности о претендентах на его голос.

“Кто идет уже намеренно, намеренно уже – знает, что от власти нечего ждать, и уже намеренно идет исполнить свой гражданский долг, чтобы поставить птичку «против всех». Многие, скорей всего, вот так. А вторые идут – уже им бюллетень подают, они смотрят на него, ну и не знают – ни того, ни другого, ни третьего. И ставят «против всех»” (ДФГ, Новосибирск).

Обратим внимание: в описанной здесь ситуации “достойный” гражданин отличается от “недостойного” отнюдь не большей информированностью относительно партий или кандидатов, перечисленных в бюллетене. Его превосходство определяется иным знанием: ему доподлинно известно, что “от власти нечего ждать”. Поэтому он изначально – совершенно независимо от того, кто участвует в избирательной кампании и какие копыя там ломаются, – понимает, в чем именно состоит его гражданский долг, и в день выборов может со спокойной совестью прошествовать в кабину для голосования мимо второго избирателя, растерянно пялящегося в бюллетень.

Любопытно, что избиратель, голосующий “против всех”, может удостоиться похвалы за гражданскую ответственность даже в том случае, когда его электоральный выбор обусловлен не глобальными претензиями к власти, а бытовыми неурядицами.

“Бывают такие ситуации, когда что-то не решается там у людей, бытовые проблемы. Выборы. И они говорят, бабушки вот эти, пенсионерки, говорят: “Вот я пойду на выборы и я проголосую против всех”. То есть осознанная позиция гражданская” (ДФГ, Самара).

Такая интерпретация понятий “гражданский долг”, “гражданская позиция” органична исключительно в контексте “плебисцитарного” понимания выборов. Вне этого контекста она выглядит совершенно абсурдной.

Но, как мы говорили выше, наряду с данным вариантом легитимации голосования “против всех” есть и иной вариант, соответствующий дискурсу взыскательного избирателя.

Голосование “против всех”: мотивации и электоральная практика

Поскольку практика голосования “против всех” основывалась на двух принципиально различных мотивациях, для понимания ее природы в целом было бы неплохо выяснить, насколько распространена была каждая из этих мотиваций. Точный расчет здесь, впрочем, едва ли возможен. Попытаемся порассуждать на эту тему, приняв в качестве отправной точки распределение ответов на упомянутый выше открытый вопрос. Напомним, в 2004 году 37% опрошенных заявили, что допускают для себя возможность проголосовать “против всех”, и их спросили, почему они это допускают. Если сгруппировать полученные ответы, то обнаруживается, что 19% респондентов так или иначе связывают возможность распорядиться своими голосами подобным образом с отсутствием на тех или иных выборах кандидатов, которые бы их устроили, либо с дефицитом информации, позволяющей сделать взвешенный выбор, тогда как 12% – с неприятием российских политиков в целом и недовольством условиями жизни.

Демонстративный отказ от участия в формировании властных структур, выражаемый посредством голосования “против всех”, интерпретируется многими как исполнение гражданского долга – в отличие от аналогичного по политическим последствиям неучастия в выборах

Использование клише “протестное голосование” для обозначения практики голосования “против всех” некорректно, поскольку голосующие таким образом и голосующие в соответствии с протестной мотивацией – это пересекающиеся, но не совпадающие множества

За точность этих данных поручиться трудно, поскольку далеко не все ответы можно однозначно идентифицировать как легитимирующие ту или иную позицию. Когда, например, респондент заявляет: “нет достойных” или “веры нет никому из них”, – мы не можем с уверенностью сказать, что именно он име-

ет в виду. Возможно – что он проголосует “против всех” лишь в том случае, если не обнаружит среди участников конкретных выборов достойных, по его мнению, кандидатов или если никто из участников не вызовет у него доверия. А возможно – что он априори не считает никого из потенциальных участников каких-либо выборов достойным и никому из них столь же безусловно не верит. Подобные амбивалентные ответы встречаются довольно часто.

Существенно и то, что в ходе опроса, проведенного годом позже, доля допускающих возможность проголосовать “против всех” составила уже 52% (увеличившись более чем на треть), и мы не знаем, изменилось ли среди них – и если изменилось, то как именно – соотношение между разборчивыми избирателями, не желающими “зарекается” от такого электорального выбора, и убежденными приверженцами “кандидата против всех”:

повторно открытый вопрос не задавался.

Но и применительно к ситуации 2004 года было бы рискованно утверждать, что в практике голосования “против всех” мотив, связанный со сложностями принятия электорального решения, более значим, нежели мотив “протестный”. Дело в том, что вероятность соответствующего электорального выбора у респондентов, излагающих эти мотивы – в ответ, повторим, на вопрос о том, допускают ли они принципиальную возможность проголосовать “против всех”, – совершенно различна. В самом деле, если респондент рассматривает такое голосование как “запасной” и нежелательный вариант электорального поведения, возможный лишь при полном отсутствии среди кандидатов сколько-нибудь приемлемых фигур, то шансы, что ему не придется обращаться к графе “против всех”, достаточно высоки. Когда же респондент говорит, что может обратиться к ней в порядке протеста против всех политиков, властей и условий существования в России, то, скорее всего, он именно так и поступит – если, конечно, доберется до избирательного участка.

Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что на практике граждан, голосующих “против всех” для того, чтобы выразить власти свое недовольство, по крайней мере не меньше, чем избирающих такой вариант голосования ситуационно, из-за неприятия конкретных кандидатур. Этот сюжет, надо сказать, довольно оживленно обсуждался на фокус-группах, и в целом возобладало мнение, что ни одна из мотиваций не является доминирующей, что их “вклады” в совокупное голосование “против всех” во всяком случае сопоставимы. Скорее всего, так оно и есть.

В связи с этим стоит отметить, что общепринятое использование клише “протестное голосование” для обозначения практики голосования “против всех” некорректно, поскольку голосующие таким образом и голосующие в соответствии с протестной мотивацией – это пересекающиеся, но не совпадающие множества. С одной стороны, как мы только что убедились, граждане, склонные ино-

гда отмечать в бюллетене соответствующую графу, зачастую следуют логике электорального поведения, обозначенной здесь как дискурс взыскательного избирателя, – весьма далекой от протестной мотивации. С другой же стороны, эта мотивация, как известно, нередко реализуется в голосовании не “против всех”, а за политиков, всерьез оппонировавших властям⁴ либо идущих на выборы в ауре эпатажа, скандала, маргинальности. Причем как способ реализации протестных интенций голосование “против всех” значительно менее действенно, нежели электоральная поддержка каких-либо оппозиционных сил. Ведь представляя собой декорированный под акцию политического волеизъявления отказ от участия в формировании властных структур, такое голосование – как бы оно субъективно ни интерпретировалось избирателем – на практике способствует сохранению статус-кво.

Когда голосование “против всех” отождествляется с “протестным голосованием”, гражданам фактически внушается мысль о том, что “естественным” поведением для человека, недовольного властями, являются не поиск наиболее адекватных альтернатив в существующем политическом спектре (что требует определенной рефлексии) либо иные, более активные формы политического участия, а институционализированный “бунт на коленях”. И тем самым – стимулируется политический инфантилизм.

Означает ли сказанное, что и сама графа “против всех” провоцировала безответственное политическое поведение и поэтому способствовала профанации выборов? В общем-то – да, означает. Но, как мы видели, эта графа представляла ценность для двух категорий избирателей: с одной стороны, для самых инфантильных, с другой – для самых зрелых, наиболее ответственно относящихся к своему политическому выбору. И вот эта амбивалентность практики голосования “против всех” не позволяет однозначно оценить роль соответствующей позиции избирательного бюллетеня. Показательно, что аргументы в ее защиту на фокус-группах выдвигали не только респонденты, изначально руководствующиеся “плебисцитарной” логикой восприятия выборов, но и те, кто считает, что выборы в России постепенно обретают “плебисцитарные” очертания, что выходящие на них – или допускаемые к участию в них – политические силы настолько схожи, что реального выбора у избирателя не остается.

“Нет, но сейчас выборы превращаются в выборы без выбора, вот в последнее время. Никакого выбора нет абсолютно. Есть партия власти, есть, как говорится, репейник к ней (“репейником” этот респондент называет ЛДПР. – Г.К.). Есть там пара таких, можно сказать, камуфляжных кандидатов, а вот настоящей оппозиции нет. А без этого нет никакой демократии” (ДФГ, Москва).

Независимо от того, прав или неправ этот респондент в оценке сложившейся ситуации, нельзя не признать, что его довод в пользу графы “против всех” принадлежит дискурсу взыскательного избирателя.

Можно, кстати, предположить, что тенденция к росту популярности этой графы в последние годы частично обусловлена именно снижением альтернатив-

⁴ Достаточно вспомнить выборы перестроечной эпохи, когда графы “против всех” еще не существовало: выборы народных депутатов в 1989 году и первого президента России – в 1991 году.

ности выборов (и политического процесса в целом), способствующим актуализации в массовом сознании бинарной оппозиции “власть – народ”. Впрочем, само это снижение альтернативности, в свою очередь, во многом обусловлено политическим поведением избирателей, изначально руководствующихся такой оппозицией. Но анализ подобных причинно-следственных связей увел бы нас слишком далеко от рассматриваемой темы.

Возможные последствия устранения “кандидата против всех”

Участников массового опроса (июнь 2006 года) попросили высказать свои соображения по поводу положительных и отрицательных последствий, к которым может привести отмена графы “против всех” (вопросы задавались в открытой форме). Те или иные *позитивные* последствия изъятия данной графы смогли назвать 26% опрошенных.

Чаще всего респонденты говорили, что в этом случае избирателям придется определяться, голосовать за реальных кандидатов или партии.

“Люди вынуждены будут сделать свой выбор”; “заставит принять определенное решение”; “пришел на выборы – так выбирай”; “многие будут вынуждены определяться”; “люди не будут переключать свою ответственность за выбор”; “выберут кандидата натурального, а не виртуального” (открытый вопрос; 10%).

Довольно многие выражали надежду на то, что устранение такой графы побудит избирателей серьезнее, ответственнее относиться к голосованию.

“Избиратели будут более серьезно относиться к процессу выборов”; “люди будут больше думать”; “народ будет больше интересоваться политической жизнью”; “люди будут более ответственно подходить к выборам”; “тщательнее будут выбирать”; “народ будет внимательно читать программы кандидатов и вдумчиво голосовать станет” (открытый вопрос; 7%).

Кстати, в этом же ключе высказывались и некоторые участники фокус-групп – они “обещали” теперь внимательнее следить за ходом избирательных кампаний и более вдумчиво подходить к своему электоральному выбору.

Относительно часто респонденты говорили также о том, что упразднение графы “против всех” позволит избежать повторных выборов и, соответственно, сэкономить бюджетные средства.

“Эта графа срывает часто выборы”; “выберут кого-то – не будет затрат на повторные выборы”; “больше шансов, что выборы состоятся”; “уменьшение затрат бюджета на повторные выборы” (открытый вопрос; 6%).

Отрицательные последствия упразднения графы “против всех” взяли предсказать 38% участников опроса.

Чаще всего говорилось, что это приведет к снижению явки на выборы.

“Меньше избирателей придут на выборы”; “упадет процент голосующих”; “снизится явка”; “никто не пойдет голосовать”; “люди перестанут вообще ходить на выборы” (открытый вопрос; 15%).

Многие заявляли, что такое изменение избирательного законодательства нарушает права избирателей, лишает их возможности выразить свое мнение.

“Нас лишают права выбора”; “человека лишат права высказать свое мнение”; “человек имеет право голосовать так, как считает нужным”;

“не будет свободного волеизъявления”; “ущемление прав избирателей”; “сужение выбора, возникновение полицейского государства” (открытый вопрос; 10%).

Близка к этой и позиция тех респондентов, которые утверждали, что мнение части избирателей не будет услышано.

“Нельзя будет народу выразить свою позицию”; “избиратели не смогут выразить протест”; “будет негде ставить галочку”; “убрали индикатор общественного мнения” (открытый вопрос; 6%).

Причем в некоторых развернутых высказываниях такого рода “плебисцитарное” понимание выборов выражено с предельной четкостью.

“Эта графа дает возможность народу выразить свое несогласие с политической партии”; “у людей не будет возможности выразить свою волю, не смогут заставить повернуться депутатов лицом к народу, чтобы думали о народе” (открытый вопрос).

По мнению части респондентов, избиратели станут голосовать бездумно, за первых попавшихся кандидатов.

“Люди будут голосовать наобум, лишь бы поставить галочку”; “будут голосовать методом тыка”; “будут ставить наугад”; “люди будут голосовать абы как, не думая” (открытый вопрос; 4%).

Кое-кто полагает, что отмена графы “против всех” приведет к массовой порче избирательных бюллетеней.

“Избиратели будут писать все что угодно на бюллетенях”; “будет много испорченных бюллетеней, все перечеркивать будут”; “все вычеркнут или порвут” (открытый вопрос; 2%).

Отметим, что на фокус-группах последняя идея пользовалась немалой популярностью. Участники дискуссий давали волю фантазии, изобретая самые различные методы демонстрации позиции “против всех” в отсутствие соответствующей графы: “обещали” рисовать чертиков, жечь бюллетени на избирательных участках, наносить на бюллетени упраздненную графу посредством специальных штампов и т. д.

Участники опроса склоняются к мнению, что отмена данной графы принесет больше отрицательных последствий, чем положительных. Так считают 36% респондентов, тогда как противоположной точки зрения придерживаются 26%. И очень многие – 38% – затрудняются с прогнозом.

Но вот что любопытно: перевес сторонников графы “против всех” над ее противниками значительно более весом (54% против 28%), нежели перевес ожидающих отрицательных последствий ее отмены над теми, кто считает, что положительных последствий будет больше (повторим, 36% против 26%). Поясним: вопрос о том, нужна ли такая графа, задавался респондентам раньше, чем их спрашивали о возможных последствиях ее упразднения. В первом случае участники опроса высказывались спонтанно, во втором – после попытки взвесить “за” и “против”. И оказывается, что те, кто затруднился оценить соотношение положительных и отрицательных последствий отмены этой графы, вначале значительно чаще высказывались за нее, чем против (табл. 1). Более того, среди пришедших к выводу о том, что ее отмена

Участники опроса склоняются к мнению, что отмена графы “против всех” принесет больше отрицательных последствий, чем положительных

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Если говорить в целом, каких последствий от отмены графы "против всех" будет больше – положительных или отрицательных?		
		положительных	отрицательных	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	26	36	38
Как Вы думаете, в избирательных бюллетенях нужна или не нужна графа "против всех"?				
Нужна	54	24	88	43
Не нужна	28	70	8	19
Затрудняюсь ответить	17	6	4	38

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Скажите, пожалуйста, Вы лично участвуете в выборах всегда, часто, редко или никогда не участвуете в выборах?			
		всегда	часто	редко	никогда
Доли групп, %	100	41	19	25	13
Вы голосовали или не голосовали на каких-нибудь выборах против всех кандидатов или партий?					
Голосовал(-а)	31	27	43	44	7
Не голосовал(-а)	62	69	52	50	82
Затрудняюсь ответить	6	4	6	6	11

принесет больше пользы, нежели вреда, каждый четвертый ранее – без раздумий – говорил, что такая графа нужна. Это позволяет предположить, что пристрастие россиян к "кандидату против всех" до некоторой степени обусловлено силой привычки, и недовольство по поводу его ликвидации будет, по крайней мере, не столь сильным, как может показаться при беглом взгляде на результаты опроса.

Вероятно, не следует ожидать и обвального снижения явки. Надо иметь в виду, что наиболее "дисциплинированные" избиратели сравнительно редко голосовали "против всех". Такой электоральный выбор более свойствен избирателям, посещавшим выборы лишь время от времени (табл. 2).

Так или иначе, последствия отмены графы "против всех" будут, по-видимому, неоднозначными. В какой-то мере ее упразднение будет содействовать росту политической компетентности, ответственности, зрелости избирателей, в какой-то – снижению явки, разочарованию в выборах как таковых, росту политического отчуждения и протестных настроений. Вряд ли сейчас можно предсказать, какая тенденция окажется более значимой в долгосрочной перспективе. Но во многом это будет определяться тем, насколько конкурентным будет политический процесс в России в целом и в регионах, насколько широкий спектр альтернатив будут обнаруживать избиратели на политической арене. А это, в свою очередь, в значительной степени зависит уже от иных аспектов избирательного законодательства. И, разумеется, не только от него. ■

Л. Паутова

“Стабильность по-украински” VS “стабильность по-российски”

Тема *стабильности* за последние годы стала ключевой в политических баталиях, рекламных роликах, наконец, просто в обыденных разговорах. Трактовки самого понятия весьма разнообразны: от привычных рекламных сюжетов про “неповторимый устойчивый вкус” до респектабельных девизов в стиле “Компания N – десять лет стабильности на российском рынке”, “Остров стабильности”, “Наши цены – самые стабильные” и проч. Показателен плавный переход темы стабильности в область иронии и анекдотов. Типичным примером является крылатая фраза, многократно цитируемая и в ответах наших респондентов, и в дискурсе СМИ и интернета: “Вчера послали, сегодня послали, завтра, по-видимому, тоже пошлют... Наметилась определенная стабильность”. В конце 90-х появляется жаргонизм “стабилизец”. Этот эвфемизм, образованный при помощи того же суффикса, что и известное матерное слово, довольно определенно указывает на скептицизм в отношении усилий по достижению стабильности и их результата. Сейчас лозунги, апеллирующие к стабильности, многими воспринимаются как надоевшие, демагогичные и формальные. Однако дискурс стабильности по-прежнему занимает исследователей и актуализирует все новые аспекты изучения темы. Фонд “Общественное мнение” неоднократно обращался к теме стабильности, исследуя, в частности, представления россиян о самом этом понятии и обозначаемом им явлении¹.

Между тем в разных странах представления о стабильности, безусловно, различаются. Конкретная социальная, экономическая, политическая и культурная ситуация существенно модифицирует глубинную смысловую матрицу сознания стабильности. В данной статье будет рассмотрено, насколько представления о стабильности определяются социально-политическими условиями конкретного государства. Цель нашего сравнительного исследования (проводилось оно среди студентов) – выявление сходной смысловой матрицы сознания стабильности и межстрановых различий в смыслообразовании. Рассуждая на эту тему, делая ассоциации и даже рисуя, наши респонденты наполняли тестируемое понятие определенными смыслами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ “Представление о стабильности и справедливости в России и Украине (идеологическое и повседневное измерение)”. 06-03-91311а/У.

¹ Опросы 13–14 января 2001 года, 1–2 марта 2003 года, 3–4 сентября 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Заметим, что современные клише обыденного знания формируются стихийно, но “исходные” понятия, как правило, заимствуются из лексикона политической, научной и культурной элиты. Поэтому прежде всего обратимся к тому, как наукообразное, книжное и достаточно “сухое” понятие “стабильность” превращается в эмоционально окрашенные и противоречивые политические образы.

“Играя в стабильность”: политические интенции в России и на Украине

Анализ исторических и социологических данных позволяет сделать вывод, что слово “стабильность” было частью политического и повседневного советского дискурса 70–80-х годов. Именно тема стабильности дополняла, а порой мягко вытесняла и дискурс борьбы, революции, и более спокойный дискурс дороги, надежд на перемены. Отсутствие негативизма в отношении стабильности/застойности жизни могло в конце концов перерасти в позитивное отношение к такому положению вещей: от идеологически наполненного “Эх, хорошо в стране советской жить!” до спокойного “Все идет своим чередом...” и “Стабильность – признак мастерства”.

В современном обществе основные тенденции социального сознания в значительной степени зависят от телевизионной риторики. Обратимся к тем фреймам стабильности, которые активно использовались в дискурсе СМИ 70–80-х годов. Это прежде всего клише, связанные с ростом гонки вооружений и проблемами Ближнего Востока: “стратегическая стабильность”, “внешнеполитическая стабильность”, “международная стабильность”, “финансовая стабильность”, “стабильность нефтяного рынка” и др. Тот факт, что современная риторика “стабильности” неоригинальна, отмечает в своих работах и социолог Б. Дубин [Дубин]. Дополнительным источником интенции стабильности были, по-видимому, и страхи, связанные с техногенными катастрофами, о которых также часто сообщали СМИ.

Однако для некоторых ощущение тупика в развитии советского общества, его деградации в 70–80-х годах стало поводом для осмысления стабильности как негативного явления – она воспринималась как болото, застой, “тухлая жижа” [Юрьева. С. 12] и т. п.; именно тогда, к примеру, родилась знаменитая песня Б. Окуджавы: “Римская империя времени упадка создавала видимость полного порядка...”

Дискурс перестройки отодвинул на второй план идею стабильности и маркировал ее как застой и стагнацию (“Перемен требуют наши сердца”, – пел Виктор Цой). На первый план вышли темы ускорения, движения, реформ, нового политического мышления, трансформации, свободы, демократии. Однако образ стабильности довольно скоро вернулся, только в более сложных, противоречивых, а порой и радикальных формах.

Когда и кем впервые был выдвинут политический лозунг стабильности в России и на Украине, сейчас установить сложно, оставим эту проблему историкам. Однако заметим, что одной из первых попыток идеологизации стабильности еще на исходе перестройки были заявления ГКЧП в августе 1991 года. После идеологему “Стабильность и развитие, демократия и патриотизм, уверенность и порядок” официально выдвинуло в 1995 году общественно-политическое дви-

жение “Наш Дом – Россия” – не реализованный до конца проект “партии власти”. Позже, в 1995 году, была создана депутатская группа “Стабильность”.

Дефолт 1998 года, безусловно, явился мощным импульсом развития политической и обывательской идеологии стабильности. Именно после этого события в обиход вошли выражения “восстановление стабильности”, “обеспечение стабильности”, “достижение и укрепление стабильности”. Некоторые звучные рекламные слоганы, воспроизводившие идею стабильности, были, однако, дискредитированы суровой реальностью экономического кризиса: “Надежен как скала” и “Стихии не подвластен” (ОНЭКСИМ-банк), “Есть вечные ценности” (ИНКОМбанк). На смену им, однако, пришли новые слоганы: “Я знаю, что будет завтра” (Faberlic), “Все будет хорошо!” (“Русское радио”). Чуть позднее идея стабильности стала компонентом политического имиджа Евгения Примакова. Ассоциативные цепочки “Примаков – стабильность”, “Примаков – стабильность экономики на основе динамики развития” превратились буквально в бренд, который, однако, имел четкую отсылку к образам прошлого. Так, сам Примаков в своем интервью 24 ноября 1999 года напомнил избирателям, что, “согласно недавнему соцопросу, двумя лучшими руководителями СССР россияне назвали Леонида Брежнева и Юрия Андропова, которые как раз и символизировали стабильность и порядок”².

Взрывы 1999 года в России явились мощным катализатором риторики стабильности и позволили в конечном итоге появиться апеллирующим к ней лозунгам кампании “Единства” и В. Путина. Именно страх перед террористическими актами и неуправляемым развитием событий во многом способствовал

² Интерфакс. Архив новостей.

приходу В. Путина в Кремль. В конце 2000 года прозвучало заявление президента: «2000 год стал годом стабильности и единства России»³.

Процессы легитимации и контрлегитимации стабильности в России многообразны и сложны. Сухая и сдержанная идеологическая риторика «Единой России» позиционирует стабильность как «магистральный общественный запрос», «задачу № 1», «наше все». Аффективная риторика КПРФ маркирует стабильность как «квазистабильность», «имитацию», «иллюзию». Poleмичный тон

Представления о стабильности в России и на Украине сильно различаются. Конкретная социальная, экономическая, политическая и культурная ситуация существенно модифицирует глубинную смысловую матрицу сознания стабильности

правых направлен против «опасной стабильности», «псевдостабильности», «застоя». На фоне балансирующего, осторожного дискурса стабильности ЛДПР экстремистская направленность национал-большевиков впечатляет («Какая стабильность у революционера?»). В зависимости от политических целей и идеологического кода стабильность искусно препарируется, маскируется, симулируется. Идея стабильности может быть доминирующей или дополнительной, позитивной или негативной, удобно-догматичной или диалектичной. Поскольку концепт «стабильность» удачно стыкуется с другими политическими идеями, его потенциал очень велик.

В постсоветской Украине понятие «стабильность» (стабільність) также активно использовалось властью, для того чтобы сделать акцент на своей надежности, успешности и легитимности [Головаха. С. 25]. Именно под лозунгом стабильности выстраивалась политика президента Л. Кучмы («Украина будет двигаться дорогой стабильности, роста и гражданского мира», «Стабильность и семья – прежде всего»). Однако в последние годы его правления и в оппозиционных, и в научных кругах появились самые разные оценки такого явления, как стабильность. Основные смысловые различия были, по существу, схожи с российскими: «стабильность или застой», «нестабильная стабильность как феномен украинской стабильности» [Шаповаленко], «Украина – движение в остановившемся времени»⁴, «стабильность, которую предлагает Кучма». Все различия так или иначе персонифицировались в образе тогдашнего президента («гарант стабильности»), а позднее – В. Януковича. Напомним, что предвыборная кампания этого политика проводилась под лозунгом «За мир и стабильность!»

Очевидно, что дискурс «оранжевой революции» был нацелен против риторики стабильности. Образ реформ, изменений и новой Украины был несовместим с догматикой прежней власти («За нашу победу! За нашу Украину! Свобода или феодализм? Движение или застой? Перемены или конец! Снова в застой? Вы хорошо подумали?» – из политической рекламы). Инверсия стабильности была решительной и предельно романтизированной. Однако постепенно новая власть тоже стала использовать концепт стабильности («Наша задача – восстановить стабильность украинской экономики», «Ради сохранения стабильности в стране»). В сентябре 2005 года Виктор Ющенко предложил руководителям партийных фракций подписать знаковый «Пакт стабильности».

³ InterPort. Новости 30.12.2000.

⁴ Украина 1991–2000. Движение в остановившемся времени. Материалы круглого стола в журнале «Політична думка» [электронный ресурс] <http://www.zerkalo-nedeli.com>.

Иными словами, Украина, как и Россия, не избежала идеологизации и мифологизации стабильности в ситуации болезненных постсоветских трансформаций. Идеологема украинской стабильности имеет все шансы на успех, поскольку “доминирующей потребностью подавляющего большинства членов общества является потребность в социальной стабильности и государственном порядке” [Панина. С. 26]. Не останавливаясь подробно на том, действительна или мнима стабильность в России и на Украине, заметим, что интерпретация реальности как *позитивно стабильной*, *застойной* или *нестабильной* имеет большой потенциал воздействия на общественное сознание.

“Чувствуя стабильность”: эмоциональный компонент повседневных представлений о стабильности

Мы поставили перед собой задачу выявить глубинный, неосознаваемый уровень восприятия стабильности. Для этого были использованы психосемантические методы: свободный ассоциативный эксперимент и семантический дифференциал. Использовались и такие методы, как проективный рисунок, временной тест Т. Котла (T. Cottle), цветовой тест М. Люшера [Люшер]. Также задавался открытый вопрос.

Традиционно для изучения глубинных основ интерпретации концептов привлекаются студенты университетов и колледжей в возрасте 17–25 лет. В связи с этим была сформирована квотная выборка – 552 студента вузов (296 человек – в России, 256 человек – на Украине). Были применены квоты по полу и типу факультета. Выборки равнозначны по важнейшим параметрам, которые, по мнению исследователя, могут влиять на репрезентации стабильности. Исследование проводилось в четырех населенных пунктах России и Украины (Москва, Омск, Киев, Ивано-Франковск). Опрос украинских студентов проходил в конце сентября – начале октября 2005 года, то есть после нашумевшей отставки Юлии Тимошенко с поста премьер-министра в самом начале осени. В России опрос проходил в те же сроки. Кстати, в нашей стране исследование являлось трендовым, поскольку было нацелено на изучение изменений внутри целевой группы с течением времени (с 2002 по 2005 год).

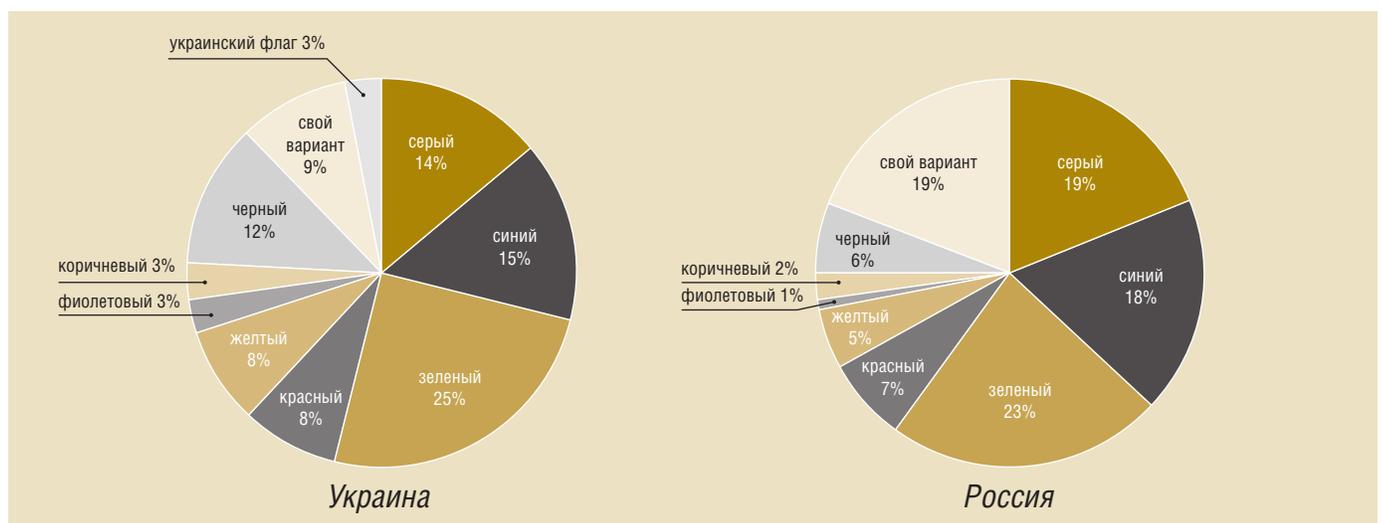

График 1. Восприятие стабильности. Распределение ответов на цветовой тест Люшера

Итак, эмоциональный компонент – обязательная составляющая социального познания. Это своеобразное двойное дно репрезентации, которое не осознается самими респондентами. Эмоциональные состояния способны трансформировать образ, увеличивая или уменьшая субъективный вес тех или иных деталей. С помощью теста Люшера были зафиксированы неосознаваемые эмоциональные состояния личности, возникающие при восприятии феномена стабильности. Отметим, что в концепции Макса Люшера каждому цвету соответствует устойчивое, общее для всех людей – независимо от расы, культуры, образовательного уровня, пола и возраста – значение (синий – спокойствие; зеленый – гибкость воли, настойчивость, постоянство; желтый – спонтанность, радость, активность; красный – движение, желание, сила; серый – потерянности, разделение, отчуждение; черный – отказ, негативизм и протест; фиолетовый – хрупкость и неуравновешенность; коричневый – физический дискомфорт и болезнь).

Модифицированный тест Люшера подтвердил наличие разных эмоциональных доминант в восприятии стабильности:

- спокойное принятие стабильности (синий, зеленый);
- радостное восприятие (желтый), динамичная акцентуация (красный);
- настороженное и даже болезненное отношение к стабильности (серый);
- печальная, негативная доминанта в восприятии (черный, серый, фиолетовый).

В целом респонденты обеих стран сходятся в ассоциациях стабильности с зеленым (25% – Украина, 23% – Россия) и синим (соответственно 15 и 18%) цветом (*график 1*). Однако у украинцев стабильность иногда связывается с цветами украинского флага (3%). Кроме того, они в два раза чаще россиян ассоциируют ее с черным цветом (12% против 6%). В то же время россияне значительно чаще отождествляют стабильность с серым цветом (19% против 14% в украинской выборке). Напомним: если черный цвет означает отказ и неприятие, то серый – потерянности, разделение, отчуждение. Вместе с тем можно допустить другую, “не люшеровскую” трактовку серого. Для многих этот цвет символизирует скуку, тоску, однообразие. Возможно, относительная российская стабилизация последних лет стала восприниматься как само собой разумеющаяся и поэтому вызывает отторжение определенной части российских респондентов, особенно молодых людей.

О значении эмоциональной составляющей в восприятии феномена стабильности свидетельствуют данные свободного ассоциативного эксперимента. Ведь именно через свои эмоции индивиды могут соотнести себя со стабильностью мира. Доля эмоционально-оценочных ассоциаций достаточно значима. Это такие слова, как “спокойствие” и “радость” (4% – Россия, 3% – Украина), “скука” и “тоска” (соответственно 3 и 2%)⁵.

В ходе исследования был также установлен телесный базис социального смысла понятия “стабильность”. Очевидно, что мы ощущаем устойчивость/неустойчивость обуви на высоких каблуках, роликовых коньков и проч. Повсе-

⁵ Здесь и далее приводится процент от общего количества ответов, а не от количества респондентов. При ассоциативном эксперименте второй показатель, как правило, значительно выше: респонденты обычно дают несколько ответов и очень редко не дают ответа вообще.

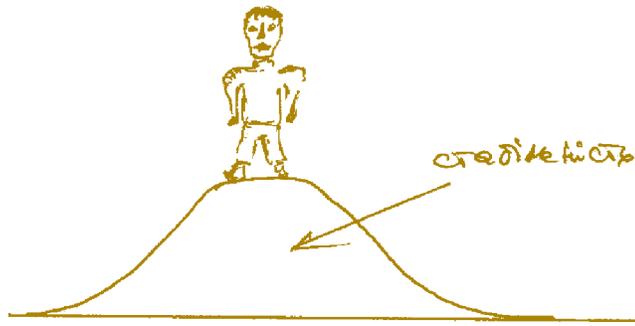

Рис. 1. Отражение телесного опыта стабильности в рисунках респондентов

дневность человека наполнена многочисленными ситуациями, в которых необходимо в большей или меньшей степени зафиксировать и даже отрефлексировать стабильность и равновесие тела: ходьба по льду, неустойчивость стула, высокие ступеньки лестницы, столкновения с прохожими, алкогольное опьянение и т. д. Ощущения стабильности тела в пространстве и внутренней устойчивости организма постоянно воспроизводятся в рисунках и ассоциациях наших респондентов. Стабильность в их ответах часто определяется через метафоры “твёрдо стоять на ногах” и “не кидаться из стороны в сторону”. На рис. 1 приведен типичный пример ассоциирования стабильности с физическим опытом человека – ощущением устойчивости/неустойчивости тела в пространстве.

Для социолога представляет интерес тот факт, что телесное сознание стабильности объективируется в языке и впоследствии активно переключается с социальными смыслами. В результате создается богатая палитра метафор и символов стабильности. Оценивая социальные проявления стабильности, мы активно используем телесные репрезентации и тем самым натурализируем стабильность: “стабильность” = “застой”, “евро твёрдо стоит на ногах”, “Грызлов как стойкий оловянный солдатик”, “Саакашвили-канатоходец”, “Тимошенко как девочка на шаре” и проч.

“Ассоциируя стабильность”: нерефлексивный компонент представления о стабильности

Анализ свободных ассоциаций со словом “стабильность” позволяет выявить “внутренний язык” описания стабильности, инвариантный в близких культурах. Обратимся к основным смысловым различиям.

1) **Стабильность – это постоянство, неизменность, равновесие, повторение** (первое место по количеству ассоциаций и у российских, и у украинских респондентов – 23 и 15% соответственно). Следовательно, темпоральность, различие времени является важнейшим атрибутом смыслополагания стабильности. Соответственно, можно предположить, что стабилизационное сознание как бы высвечивает ту часть “смыслового поля”, которая мыслится как тождественная, повторяющаяся, неизменная. Некоторые развернутые ответы респондентов лаконично формулируют эту базовую идею: “сегодня так же, как и вчера и как будет завтра”; “так было, так есть, и так будет всегда”.

Визуальные образы стабильности активно актуализируют глубинные архетипы, тяготеющие к идее равновесия, порядка, вечности, постоянства: дом (11% – Россия, 14% – Украина), солнце (11 и 18%), дерево (5 и 9%), квадрат (по 4%); реже – круг, треугольник, пирамида и др. Однако словесные ассоциации с понятием "стабильность" почти не содержат явных архетипических символов, что свидетельствует о принадлежности слова "стабильность" к книжной лексике. Эта стилистическая окраска предполагает использование слова прежде всего в политической, законодательной, научной сфере. В повседневную жизнь оно, возможно, перемещается искусственно.

Временная перспектива "повторение" является частотной в ответах на временной тест Т. Коттла. Респондентам было предложено задание: "Пожалуйста, с помощью трех кругов, обозначающих прошлое, настоящее и будущее, попробуйте изобразить свое представление о стабильной жизни. По Вашему усмотрению круги на листе могут располагаться где угодно и как угодно и могут иметь различную величину и цвет". Одинаковость кругов встречается в 18% российских рисунков и 20% украинских. Автономия и тождественность кругов может быть интерпретирована как медленное и спокойное течение времени. Одинаковость кругов, вероятно, свидетельствует и о возможности возврата назад. Так, Е. Головаха и А. Кроник полагают, что "чем короче хронологическая протяженность актуальных связей между событиями, тем более прерывистым переживается время" [Головаха, Кроник. С. 19–21]. Поэтому можно предположить, что, изображая стабильность с помощью прерывистых и одинаковых кругов, наши респонденты фиксировали рутинность, "одноитожность", ежедневность событий (микровремя, по Э. Гидденсу) (рис. 2).

2) Стабильность – это совмещение повторения и изменения. Несмотря на то что в вербальных ассоциациях слова "развитие", "движение", "прогресс" были низкочастотны (по 2% от всех ассоциаций), в рисунках респондентов смыслополагание взаимосвязи неизменности и изменения было более популярным. Так, 34% российских и 31% украинских студентов изобразили круги времени неодинаковыми и показали их прогрессию (рис. 3).

Думается, что такая временная перспектива стабильности соответствует времени жизненного пути человека – необратимому, линейному, динамичному. Заметим, что параллельные исследования других возрастных категорий показали, что прогрессивная модель стабильности популярна у респондентов обоих по-

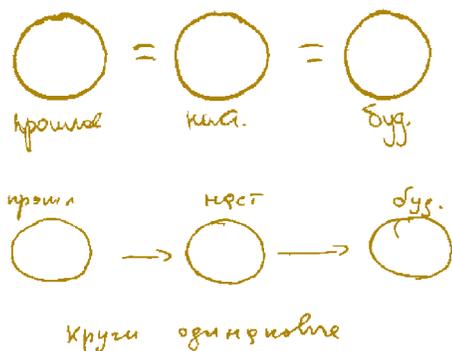

Рис. 2. Временная перспектива "стабильность = повторение"

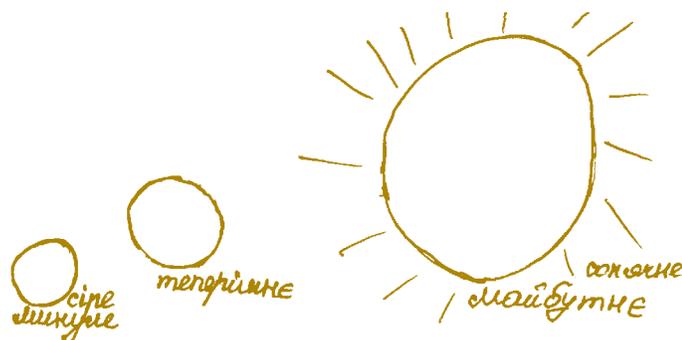

Рис. 3. Временная перспектива "стабильность = повторение + изменение"

Рис. 4. Идеализация стабильности в рисунках респондентов

лов в возрасте до 34 лет. Респонденты старшего возраста значительно чаще выбирают модель “стабильность = повторение”⁶.

Нередко “прогрессивному” пониманию стабильности присущи идеализация и романтизация (рис. 4).

Таким образом, исследуя темпоральность стабильности, можно обнаружить действие *двойной временной шкалы*: микровремя стабильности как время рутины и макровремя как время движения от рождения к смерти. Это позволяет сделать вывод, что сознание стабильности является неким *временным медиатором*, гибко связывающим различные состояния временных точек. В зависимости от многих факторов можно “переключать” фреймы и тем самым *каналлизировать* восприятие стабильности: фиксировать либо повторяющееся время рутины, либо диалектичность жизни человека.

3) Стабильность – это уверенность: 12% ассоциаций российских респондентов, (2-е место в общем списке ассоциаций); 7% украинских ассоциаций (3-е место). Раскрывая смысл понятия “стабильность”, человек, основываясь на прошлом опыте и оценивая настоящее, имеет возможность в будущем “получить”, “чувствовать” ожидаемое и “обладать” им. Стабильность тем самым предполагает определенность, предрешенность, подотчетность, калькулируемость жизни. Понятия “стабильность” и “уверенность” сближаются настолько сильно, что один респондент сделал такое замечание: “Уверенность – это то же самое, что и стабильность в чем-то, а спрашивают именно, что это такое – “стабильность”, в чем она выражается”.

Данные семантического дифференциала также позволяют зафиксировать инвариантные, эмоционально насыщенные, слабоструктурированные и практически неосознаваемые различия в восприятии стабильности. Средние значения семантического дифференциала для российской и украинской выборок совпали с точностью от 0,05 (по шкале “добрая–злая”) и 0,06 (по шкале “веселая–грустная”) до 1,83 (по шкале “нежная–грубая”) и 1,67 (“светлая–темная”) (график 2). В целом российские и украинские респонденты более-менее единодушны в своих оценках стабильности. Критических различий между ответами не выявляется. Стабильность воспринимается как *умеренно-позитивное явление*.

⁶ Опрос жителей Омска, 2005 год, 514 человек.

Однако, несмотря на сходную матрицу представлений о стабильности, в смыслоположении этого явления присутствуют и незначительные межстрановые расхождения. Например, бросается в глаза более решительное определение стабильности россиянами как “долгой” (+2,68 против +1,37). Возможно, это объясняется относительной стабилизацией положения дел в России и “оранжевой революцией” на Украине. Далее, в сознании украинских респондентов стабильность представлена как более “безопасная” и “сильная”. В то же время оценочные характеристики противоречивы: стабильность для украинцев – более “веселая”, “хорошая”, “нежная”, чем для россиян, но менее “добрая”, “светлая”. Интерпретировать такие данные всегда сложно. Однако рискнем предположить следующее. В психосемантических исследованиях комбинация положительной оценки и параметра силы соответствует образу “правильного мира” – наш мир справедлив, и каждый в нем заслуживает того, что с ним происходит. Примером такого образа могут являться некоторые сказочные герои, которые одновременно и “хорошие”, и “сильные”. Иными словами, в сознании украинских респондентов стабильность оказывается более идеализированной и мифологизированной.

Возвращаясь к свободным ассоциациям, заметим, что для украинцев характерна более высокая степень обеспокоенности экономическими проблемами

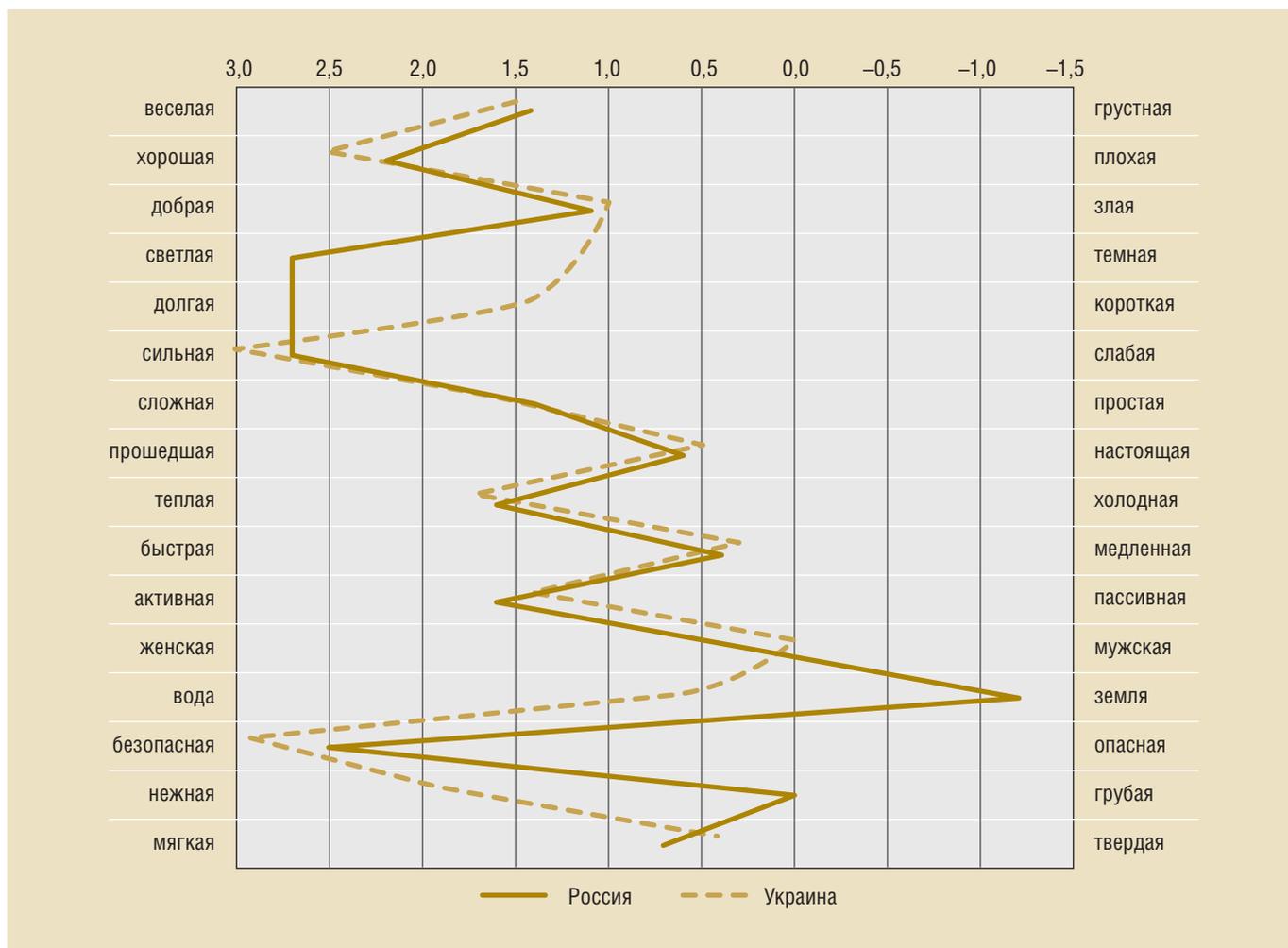

График 2. Семантические профили стабильности (средние значения семантического дифференциала)

Рис. 5. Экономическое фреймирование стабильности в рисунке украинского респондента

(рис. 5). Экономические ассоциации занимают второе место после архетипических реакций и опережают другое весьма значимое различие – “уверенность”. Забегая вперед, отметим, что в ответах на открытый вопрос: “Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?” украинские респонденты также более чем в два раза чаще россиян акцентируют внимание на экономической составляющей (32% против 14%).

Очевидна также высокая степень политизированности украинских ответов: ассоциации “независимость”, “демократия”, “государство”, “политика”, “стабильное руководство”, “Тимошенко”, “солидарность”, “справедливость” и др. занимают четвертое место. Ассоциация “незалежність (независимость)” составляет 2% от всех украинских ассоциаций.

В то же время в российских ответах политические символы находятся только на девятом месте и отличаются нейтральностью (рис. 6, 7).

Геополитические образы подчеркивают национальную специфику стабильности на Украине, а именно – необходимость найти баланс между Россией и Западом (рис. 8).

Обратим внимание на то, что довольно часто встречаются ассоциации типа “Украина, Европа, Евросоюз, Россия, США”, “независимость от Америки”. Тема России весьма болезненна. Приведем некоторые ответы, поскольку они впечатляют своей экспрессивностью.

“Стабильность для Украины – головой на Запад, спиной на Восток”; “способность противостоять наездам России”; “...и ни одного кацапа в пределах галактики... вот”; “ассоциация только одна: Россия. Это единственная на сегодняшний день зверюга, которая ставит Украине палки в колеса, чтобы любой ценой дестабилизировать на Украине все, что уже начало налаживаться”.

Для российских респондентов характерно сближение понятий “стабильность” и “порядок”. В нашем исследовании ассоциация “порядок” занимает 7-е место, опережая политические символы. По результатам украинского опроса, слово “порядок” занимает только 12-е место и может быть отнесено к низкочастотным реакциям (табл. 1). К сожалению, прокомментировать этот факт пока не представляется возможным, поскольку нам неизвестно, насколько такая ценность, как “порядок”, востребована в российском и украинском обществах. Можем лишь предположить, что украинские респонденты меньше ориентируются

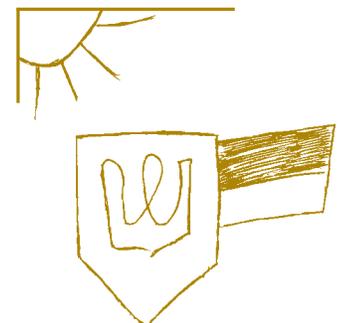
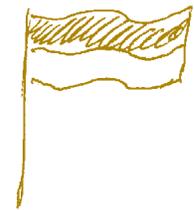

Рис. 6. Флаг и герб Украины как символы стабильности

Рис. 7. Флаг России как символ стабильности

Рис. 8. Геополитический образ украинской стабильности в рисунке респондента

ся на консервативную идею порядка, предпочитая ей традиционно украинскую идею независимости или же идею борьбы с коррупцией. Возможно, это связано с тем фактом, что СМИ, тексты рекламы, идеологическая пропаганда и т. п. формируют разные ассоциативные системы.

И, наконец, украинские ответы, хоть и незначительно, но все же чаще апеллируют к приватным ассоциациям: “дом”, “семья”, “любовь”, “брак”, “дружба” (5-е место – против 8-го в российской выборке). Комментировать этот факт довольно сложно. Осмелимся предположить, что тяжелое и непредсказуемое положение украинской экономики (а опрос проводился почти в разгар конфликта вокруг российских поставок газа) является фактором повышения доли и экономических, и приватных ассоциаций. Обратим внимание: в российских ответах больше нейтральных ассоциаций, в которых спокойно описываются признаки стабильности – постоянство, неизменность, равновесие и др. И экономические, и приватные ассоциации присутствуют, но их злободневность “смикширована”, сглажена.

Табл. 1. Рейтинг ассоциаций со словом “стабильность”

№	Россия	Украина
1	Постоянство, равновесие, неизменность	Постоянство, равновесие, неизменность
2	Уверенность	Деньги, экономика, работа, богатство и др.
3	Благосостояние, достаток, деньги, работа, зарплата, доход	Уверенность
4	Надежность	Независимость, демократия, политика, государство и др.
5	Спокойствие	Семья, дом, любовь
6	Благополучие	Благополучие
7	Порядок	Спокойствие
8	Семья, дом, любовь	Надежность
9	Политика, государство, закон, армия, Путин	Безопасность
10	Безопасность	Мир
11	Скука, тоска	Жизнь
12	Застой	Порядок

График 3. Распределение ответов на открытый вопрос: “Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?” (отражены основные смысловые блоки)

“Рассуждая о стабильности”: рефлексивный компонент представления о стабильности

Поскольку задача всего исследования – послойная реконструкция смысла стабильности, важно было обратиться к рефлексивным представлениям об этом явлении. Необходимо было “заставить” респондентов “погрузиться в значение”: осмыслить, сопоставить, объяснить слово. Обратимся к ответам на открытый вопрос: “Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?” (был использован модифицированный открытый вопрос, сформулированный Фондом “Общественное мнение”) (график 3).

Отметим общую тенденцию. И для россиян, и для украинцев стабильность – это уверенность в завтрашнем дне, благосостояние народа, достойный уровень жизни населения, постоянная работа (50 и 55% ответов). Вместе с тем в рамках этой доминирующей версии – на уровне подгрупп ответов – наблюдается некоторое различие: российские студенты в два раза чаще говорят об уверенности (28 против 14% в украинском опросе), а украинские – о материальной стороне стабильности (6% россиян и 12% украинцев). Как и в случае с ассоциациями, украинцы демонстрируют большую обеспокоенность по поводу материального благополучия.

Отвечая на открытый вопрос, украинские респонденты в очередной раз демонстрируют более высокую актуальность экономических проблем. Однако качественно ответы схожи – и украинцы, и россияне говорят о “бескризисной эко-

номике", "высоком ВВП", "развивающейся экономике", "стабильном бюджете", "высоком экономическом уровне", "финансовой стабильности", "постоянном курсе доллара", "низкой инфляции", "стабильных ценах" и т. п.

Различие имеется и в отношении констатации политических аспектов стабильности. Ответы украинцев на открытый вопрос, как и ассоциации, очень политизированы (38% против 25% в российской выборке). Расхождения не только количественные, но и качественные. Украинские студенты часто подчеркивают, что стабильность – это отсутствие "политических переворотов", "разных революций", "частых смен правительства", "кризисов и взлетов", "крайностей, грозящих существованию общества и государства". Они отмечают, что стабильность – это не только "постоянство власти", но и "достойный президент", "надежный президент", "хороший президент, порядок в парламенте", "президент, которого поддерживает население всей страны", "когда народ выбирает власть, а не захват власти под дикие танцы. И эта власть не должна быть революционной..." Иными словами, события "оранжевой революции" и отставка Ю. Тимошенко оказали огромное влияние на восприятие стабильности.

В ответах россиян чаще прослеживается тема сильной политической власти, причем оценивается она и негативно, и позитивно (рис. 9).

Персонафикация стабильности в украинских ответах весьма широка и политически "разношерстна". Тут упоминаются и Л. Кучма, и В. Янукович, и В. Ющенко, и Ю. Тимошенко (рис. 10).

Отметим еще одну любопытную тенденцию. В украинских ответах присутствует тема стабильности как антикоррупции. Она не очень сильно выражена, однако проявляется и в ассоциациях, и в ответах на открытый вопрос.

"Честность, антикоррупция", "отсутствие коррупции", "непродажность власти", "когда депутаты перестанут воровать".

Актуализация темы коррупции закономерна в ситуации острых дискуссий относительно высокого уровня коррупции на Украине.

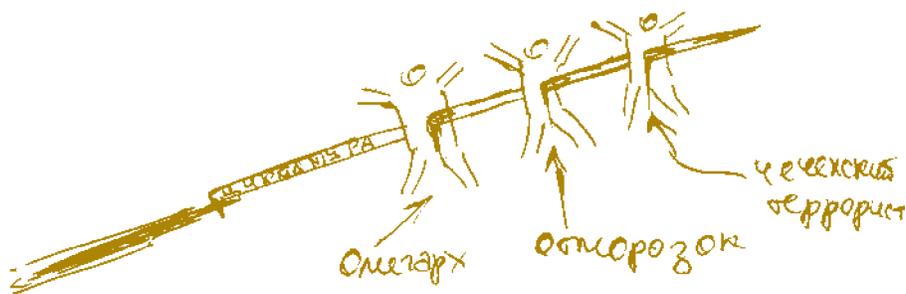

Рис. 9. Тема сильной российской политической власти в восприятии стабильности

Рис. 10. На рисунке украинского респондента стабильность персонафицируется в лице Ю. Тимошенко

Российские студенты также подчеркивают важность *жизни без политических потрясений*. Однако эта тема их тревожит меньше, чем украинцев (соответственно 5 и 3%). Можно проследить некоторое смещение к теме *“сильной власти”, “правильного руководства страной”, “удачного политического курса”*. Стабильность персонифицируется В. Путиным, Л. Брежневым, А. Пиночетом.

В ответах украинцев на открытый вопрос очевидно сближение тем стабильности и независимости.

“Жить в независимом государстве, которое заботится о своих людях”, “возможность Украины быть на равных с развитыми странами, иметь все свое: язык, денежную единицу”, “независимость страны на международной арене”, “независимость Украины, здоровье нации”, “признание государства в мире” (открытый вопрос; 3%).

В ответ на просьбу сформулировать сущность “стабильности по-украински” один респондент привел фразу из гимна Украины: *“Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці”*.

Украинские респонденты чуть чаще апеллируют к теме *отношений государства и общества* (4% против 2% в российском опросе), однако качественно российские и украинские ответы схожи.

“Государство, заботящееся о своих гражданах”, “равновесие между властью и народом”, “власть думает о людях”, “взаимопонимание между людьми и государственными институтами”, “когда власть и народ – одно целое” (открытый вопрос).

Выяснилось также, что украинские студенты в большей степени обеспокоены проблемой *спокойствия в обществе* (30% против 20% ответов в российском опросе). При этом украинцы чаще говорят, что стабильность – это консолидация общества. Они чаще используют морально-этические суждения.

“Каждый друг другу помогает”, “взаимопонимание между людьми”, “взаимопомощь”, “уважение друг к другу”, “отзывчивость и уважение” (открытый вопрос).

Страхи перед расколом страны являются импульсом к следующим трактовкам стабильности.

“Упорство в достижении одной-единственной цели всем обществом”, “общая цель одного народа, одной нации”, “гордость за свою страну, патриотизм”, “единство нации”, “отсутствие разногласий” (открытый вопрос).

Впечатляет активное обращение украинских респондентов к теме *стабильных моральных ценностей* (7% против 3% в российской выборке). Причем помимо констатации стабильности как постоянства взглядов, традиций, принципов и т. п. для украинских респондентов характерна определенная идеализация стабильности.

“Развитие духовности”, “развитие культуры”, “морально-этические принципы, а не материальная заинтересованность”, “внутренняя свобода”, “доброта”, “высокий уровень морально-этических ценностей”, “повышение уровня культуры и интеллекта”, “честность и открытость”, “рост духовных благ”, “у каждого должна быть мечта”, “отзывчивость, высокий моральный уровень” (открытый вопрос).

Дискурс “оранжевой революции” был нацелен против риторики стабильности. Образ реформ, изменений и новой Украины был несовместим с догматикой прежней власти. Однако постепенно новая власть тоже стала использовать концепт стабильности

По сравнению с такими ответами российские формулировки выглядят сухими и формальными.

Показательна попытка некоторых украинских респондентов создать картину стабильности по-украински, исходя из культурной специфики. Иллюстрацией может служить обращение к образу украинского хозяина.

“Украинцы – это хозяева. Любят дом, землю, работу, семью, мир на улице и в стране. Когда это имеют, то говорят, что все стабильно. Вот у меня знакомый украинец живет в России, в Туапсе, Краснодарский край. У него возле дома земли не было, а только камни и скала. Так он каждый год туда возит тачками землю и насыпает, чтоб помидоры вырастить. Все соседи – русские, армяне – только с него смеются. От, говорят, хохол, любит огород. А я знаю, зачем он это делает. Стабильность украинскую себе делает!”

“Украинец сам себе делает и жизненный уровень, и стабильность. Своими руками. И пока в России все это халявное (нефтегазовое), нечего о ней даже и говорить” (открытый вопрос).

Российские студенты чаще рассматривают стабильность как мир и отсутствие войны (10% против 6% в украинской выборке). Это закономерно для общества, где сильна мифология “лишь бы не было войны”.

И, наконец, отметим, что, отвечая на открытый вопрос, и россияне, и украинцы (причем россияне вдвое чаще: 6 и 3% соответственно) обращают внимание на отсутствие стабильности – как на ее невозможность в принципе, так и на ее отсутствие в своих странах. В такой негативной оценке присутствуют и национальные особенности. На Украине, считают респонденты, говорить о ста-

бильности бессмысленно – в ситуации смены власти, напряженных политических выборов и неопределенности будущего (еще раз напомним: опрос проводился в сентябре 2005 года). В России же заявление о нестабильности носит иной характер, а именно – полемически направлено против идеологии, транслируемой властями и СМИ. Заметим, что украинские респонденты иногда указывают на роль России в дестабилизации положения на Украине: “разные кацапы вмешиваются в наши дела”.

Следует отметить еще один важный момент. Хотя в процессе исследования влияние СМИ на формирование сознания стабильности не изучалось, есть основания утверждать, что способы интерпретации стабильности в значительной степени формируются дискурсом СМИ. Два разных “телевизора” формируют два разных образа стабильности.

Заключение

Итак, сопоставление репрезентации стабильности у российских и украинских студентов было проведено для выявления смыслового ядра и периферии сознания стабильности. Зафиксировав инвариантные, общие для России и Украины смыслы, можно заклю-

чить, что сознание стабильности – модус социального сознания, имеющий темпоральную природу (различение повторяемости и изменяемости временных точек) и направленный на различение основных онтологических дилемм (“уве-

Словесные ассоциации с понятием “стабильность” почти не содержат явных архетипических символов, что свидетельствует о принадлежности слова “стабильность” к книжной лексике. Эта стилистическая окраска предполагает использование слова прежде всего в политической, законодательной, научной сфере – в повседневную жизнь оно, возможно, перемещается искусственно

ренность–риск”, “порядок–хаос”, “идеал–фикция”). Несмотря на близость к наиболее архетипичным идеям социального знания, стабильность может рассматриваться как смысловое новообразование, появившееся под влиянием роста социального риска и пришедшее в обыденный язык через средства массовой информации.

Феноменология стабильности в украинских и российских репрезентациях – сходная. Однако специфические наборы российских и украинских практик формируют разные фреймы сознания стабильности. В первую очередь качественно изменяются периферийные фреймы, связанные с актуальным дискурсом стабильности: экономические, политические, национальные образы. Однако в проекции страны проживания сознание стабильности не сводимо к простой совокупности актуальных тем. Разный социальный контекст определяет различные приоритеты фреймов. В более напряженный период политических и экономических трансформаций на Украине происходит политизация интерпретации стабильности и одновременная редукция к малому социальному кругу (семья, любовь, дружба). В относительно устойчивой российской ситуации (с элементами инерции и авторитарных тенденций) формируется консервативно-депрессивный образ стабильности (“лишь бы не было войны”).

Результаты, полученные на выборах студентов, не могут быть перенесены на всех представителей культуры из-за нерепрезентативности данных. Однако использование глубинных психосемантических методов и специфика исследовательских задач отчасти сглаживают это обстоятельство. Можно констатировать, что для украинских репрезентаций в большей степени характерен радикальный дискурс стабильности и более экспрессивная риторика. Российские респонденты склонны к более спокойной риторике и печально-депрессивной тональности при обсуждении темы. ■

В напряженной политической и экономической ситуации на Украине происходит политизация интерпретации стабильности и одновременная редукция к малому социальному кругу (семья, любовь, дружба). В относительно устойчивой российской ситуации (с элементами инерции и авторитарных тенденций) формируется консервативно-депрессивный образ стабильности

Литература

- Головаха Е.А. Выборы президента Украины в социологическом ракурсе // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1999, № 4.
- Головаха Е.А., Кроник А. Психологическое время: удивительное свойство сжиматься и прерываться // Знание – сила. 1983, № 11.
- Дубин Б.В. Возьми себя в сильные руки // Огонек. 15.10.2004.
- Люшер М. Цветовой тест Люшера. М.: ЭКСМО-пресс, 2002.
- Панина Н.В. Молодежь Украины: структура ценностей, социальное самочувствие и морально-психологическое состояние в условиях тотальной анонии // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 1.
- Шатоваленко М. Нестабільна стабільність перехідних суспільств, або політологічні рефлексії з приводу феномена української стабільності // Контекст. 2001. № 7.
- Юрєва Т. Дневник культурной девушки. Серия “Очевидцы”. М.: РГГУ, 2003.

А. Черняков

Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона

Жизненный уровень. Правительство

Обращаясь к гражданам посредством СМИ, политики, эксперты, чиновники, журналисты обычно исходят из того, что по крайней мере основные, базовые понятия социально-политического лексикона, которыми они оперируют, воспринимаются аудиторией адекватно и однозначно – что они значат для “человека у телевизора” то же самое, что и для “человека из телевизора”. Но так ли это в действительности?

Практика социологических наблюдений дает основания полагать, что даже самые расхожие, широко употребляемые понятия, смысл которых в рамках “экспертного” дискурса вполне очевиден, попадая в принципиально иную среду – в массовое сознание, вплетаясь в контекст массовых представлений о социально-политических процессах и явлениях, в той или иной степени подвергаются переосмыслению, реинтерпретации. Лексика остается той же, семантика – меняется.

Попыткой приблизиться к пониманию этой “новой”, “вторичной” семантики и стал исследовательский проект ФОМа, осуществленный в 2000–2001 годах¹.

В рамках этого проекта изучалось бытование в массовых представлениях ряда понятий, относящихся к социально-политической проблематике. Была проведена серия опросов, каждый из которых посвящался лишь одному понятию: “государство”, “закон”, “правительство”, “чиновники”, “труд” и т. д. (всего – 21 опрос).

Для реализации проекта была сформирована постоянная выборка (панель) в 27 городах России – по 30 человек в каждом². В одном опросе, соответственно, принимали участие 810 респондентов.

¹ Полностью результаты проекта см: www.fom.ru: “Обыденный язык”.

² Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Владивосток, Владимир, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Калининград, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Курск, Мурманск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Ставрополь, Тверь, Ульяновск, Хабаровск, Челябинск, Ярославль.

Анкетные – и в этом одна из принципиальных особенностей проекта – состояли только из открытых вопросов, точнее – вопросных блоков. Эти блоки складывались в результате “развертки” программного вопроса в группу анкетных, имеющих общую смысловую направленность³. В каждом случае обсуждалось не только тестируемое понятие как таковое, но и те аспекты социальной реальности, с которыми это понятие так или иначе соотносится. В результате был собран богатейший культурный и языковой материал.

При анализе этого материала использовался главным образом типологический подход: все ответы разбивались на группы, в ходе анализа данных вычленилось то общее, что относится к области не индивидуальных, а массовых представлений. Дополнительная задача исследователей состояла в том, чтобы зафиксировать специфику мышления и речи респондентов, когда они обращаются к социально-политическим темам.

Эти задачи определили и структуру отчетов: они строились как комментарии к совокупности ответов на каждый вопрос, сопровождаемые подборками высказываний респондентов. Функция подборок – не только подтверждать и иллюстрировать сказанное в комментариях, но и дополнять его, делая ощутимой саму вербальную “ауру” обыденных представлений респондентов.

Разумеется, за годы, прошедшие со времени осуществления проекта, ситуация в стране ощутимо изменилась, и многие реалии, зафиксированные в ответах участников панели, утратили актуальность. Тем не менее мы решили опубликовать некоторые из отчетов, поскольку, на наш взгляд, не утратило актуальности главное – общие представления, имеющие широкое распространение ментальные схемы, которые были выявлены в ходе панельных опросов.

Отчеты публикуются с существенными сокращениями; сокращения в тексте не помечаются.

В этом номере журнала будут представлены две темы. Первая, “Жизненный уровень”, впрямую соотносится с повседневной практикой людей, их непосредственным житейским опытом. В то же время речь идет об одной из ключевых социально-экономических категорий, посредством которых описывается состояние общества и его граждан.

Вторая тема, “Правительство”, гораздо более локальна. В центре внимания здесь – конкретный институт исполнительной власти, деятельность которого влияет на жизнь рядовых граждан чаще всего не прямо, а опосредованно. Впрочем, “образ правительства”, как увидит читатель, далеко не всегда совпадает с теми представлениями о правительстве, о его функциях, которые могут казаться самоочевидными “просвещенной публике”, и в частности творцам массовой информационно-продукции.

³ Например, если требовалось выяснить, насколько значимым, по мнению респондентов, критерием оценки работы является получаемое от нее удовольствие, то вопрос об этом формулировался в анкете следующим образом: “Как Вы думаете, часто ли в нашей сегодняшней жизни работа приносит радость, доставляет удовольствие? Важно ли это? У каких людей и при каких условиях так бывает? Знаете ли Вы таких людей?”

Жизненный уровень*

Материальное положение, запросы, потребности

Как известно, жизненный уровень (уровень жизни) – категория многоаспектная и многокомпонентная. Поэтому в опросе, посвященном этой теме, прежде всего выяснялось, на что именно обращают внимание респонденты, говоря об уровне жизни, как именно они, характеризуя это понятие, расставляют смысловые акценты. Отсюда и первый вопросный блок анкеты: *“Если говорить о Вас, о Вашем окружении, то как Вы понимаете – что такое жизненный уровень человека, семьи? Чем он определяется, из чего складывается?”*

Разброс мнений оказался весьма широким. Обобщая полученный материал, выделим основные типологические группы ответов.

Вариант первый: жизненный уровень – это *“материальное положение”* человека, семьи. Такое, несколько одностороннее, представление не дает возможности ясно увидеть, каковы же критерии, определяющие жизненный уровень людей.

“Жизненный уровень – это степень достатка (есть люди бедные, есть средний уровень, есть богатые)..”

По сравнению с первым второй вариант ответов еще более узок: он сводит понятие “уровень жизни” лишь к совокупности доходов, получаемых человеком, семьей, чего для характеристики этого понятия явно недостаточно.

“Доходы семьи на человека. Доходы – заработок на работе, пенсии, пособия...”

“Жизненный уровень человека, семьи складывается из заработной платы работающих членов семьи, из доходов семьи, полученных тем или иным способом”.

“Это доход семьи, который складывается из заработка”.

“Жизненный уровень – это денежный эквивалент семьи, то есть все денежные поступления семьи”.

Здесь, как легко увидеть, во внимание не принимаются ни семейное имущество, ни денежные накопления, ни еще ряд элементов, из которых складывается материальное благополучие и которые ощутимо влияют на жизненный уровень. Ответы, фиксирующие подобные элементы, вообще редки и потому не выделялись нами в особую группу. Приведем лишь одно из таких высказываний.

“Жизненный уровень – то, что человек имеет в пользовании. Это квартира, вещи, мебель, машина, гараж, деньги. Жизненный уровень определяется достатком, наличием денег, товаров, недвижимостью. Зарабатывается жизненный уровень трудом и зависит от оплаты труда. Может наследство определить жизненный уровень, то есть то, чем располагает человек”.

Третий вариант ответов увязывает понятие “жизненный уровень” с *покупательной способностью* людей, то есть, по существу, с возможностью удовлетворения своих потребностей.

“Жизненный уровень – набор благ и услуг, которые может приобрести человек на заработанные деньги...”

* Сроки проведения опроса: 18–25 октября 2000 года.

“Жизненный уровень – это то количество товаров и услуг, которое может себе позволить человек, семья...”

“По-моему, жизненный уровень – это возможность людей приобретать какие-либо блага, удовлетворять свои потребности. Определяется он уровнем покупательной способности граждан”.

Последняя из приведенных цитат впрямую подводит нас к следующему, четвертому варианту ответов на вопрос о жизненном уровне – варианту, в котором так или иначе соотносятся, с одной стороны, *материальное положение* человека, с другой – его *запросы* и *потребности*. В ряде ответов подчеркивается, что жизненный уровень зависит от возможности удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей, а они у разных людей – разные.

“...Определяется наличием денег и запросами человека”.

“Возможность жить, удовлетворяя не только бытовые потребности, но и духовные...”

“Я как понимаю, запросы у каждого человека разные, и жизненный уровень все понимают по-разному. Я считаю, он складывается не только из такой тщи, но и духовной...”

“Жизненный уровень <...> зависит не только от денежных средств, но и от духовности самого человека, воспитания, окружения. У каждого человека понятие жизненного уровня разное. Однако наличие денежных

средств открывает больше возможностей для более достойного уровня жизни”.

“Жизненный уровень – это прежде всего материальный уровень. Второе – это духовный уровень, образование человека, его воспитание, культурный уровень. Это также семейное положение, работа. Это главные составляющие”.

“Жизненный уровень – это понятие очень объемное, включающее несколько понятий: это материальный доход человека или его семьи, духовное развитие человека, круг общения, образовательный уровень. Он определяется доходами семьи и местом в обществе...”

“Жизненный уровень – это возможность человека удовлетворить свои потребности, помогающие ему жить полноценной жизнью. Жизненный уровень складывается из возможности работать на работе, которая нравится человеку и достойно оплачивается, возможности отдыхать, покупать то, что ему необходимо. А определяется жизненный уровень количеством денег, которые у человека есть на удовлетворение своих потребностей”.

От прожиточного минимума до обеспеченности

Теоретические понятия, “забрасываемые” в пространство массового сознания (прежде всего – посредством СМИ), зачастую порождают наряду с относительно адекватным пониманием также и произвольные, далекие от словарно зафиксированных значений трактовки. Не стал исключением и описываемый нами опрос. Говоря о жизненном уровне, часть респондентов имели в виду либо *прожиточный минимум*, либо *высокую материальную обеспеченность*. Встречался и промежуточный вариант, когда под уровнем жизни понимались *нормальные условия существования* (не богатство, но и не бедность). Во всех упомянутых случаях понятию “жизненный уровень” приписывался оценочно-нормативный смысл: оно рассматривалось как обозначение определенного – причем приемлемого, желательного или должного – качества жизни, а не как вполне нейтральный количественный показатель этого качества. Процитируем соответствующие высказывания.

“Жизненный уровень – это то, что не дает упасть ниже своего достоинства. Определяется минимальной потребительской корзиной: сколько нужно для жизненного обеспечения, для поддержания биологического уровня”.

“Достаточность средств для выживания, нормального существования”.

“Когда я пойду в магазин и куплю детям то, что я хочу. Могу купить масло с хлебом, а не только хлеб”.

“Жизненный уровень – необходимый уровень, нужный для нормального существования семьи...”

“Жизненный уровень – это возможность обеспечить себе достойное существование, обеспечить семью, нормально питаться, одеваться, и на какие-то культурные мероприятия чтобы оставалось”.

“Семья должна быть обеспеченной. Жизненный уровень – значит обеспеченность...”

“Жизненный уровень человека, семьи – это когда человек живет хорошо, в достатке, уверен в завтрашнем дне, может помочь другим...”

А некоторые респонденты и вовсе неожиданно истолковали рассматриваемое понятие, явно выходя далеко за рамки “академического” его прочтения.

“Состояние, положение человека в жизни, его здоровье, работоспособность, благополучие”.

“Жизненный уровень – прежде всего это работа, уважение в семье, уважение к родителям, согласие в семье, любовь. Конечно, и материальное благосостояние”.

Самооценки жизненного уровня

Перейдем теперь к тому, как оценивали участники опроса свой собственный уровень жизни. При этом нас будут интересовать не столько конкретные оценки, сколько положенные в их основу критерии, то есть сами механизмы оценок.

Респондентов спрашивали: *“А как бы Вы оценили жизненный уровень Ваших, Вашей семьи? Он высокий или низкий, достаточный или недостаточный? Можно ли сказать, что за последнее время он возрос или снизился?”* Большинство опрошенных сочли свой уровень жизни низким; некоторые охарактеризовали его как средний; о высоком уровне жизни не говорил практически никто.

Оценившие свой жизненный уровень как *средний* вкладывают в эту категорию разный смысл. Для одних *“средний”* – по отношению к их запросам, тогда как для других – по сравнению с положением, в котором находятся окружающие люди. Отсюда нередкие заявления респондентов о том, что их уровень жизни *средний, но недостаточный*. Причем, как выясняется из ответов, речь у этих “середняков” идет отнюдь не о стремлении к роскоши, а об удовлетворении самых насущных жизненных потребностей. Вот характерные примеры.

“Свой жизненный уровень я оцениваю как средний. Но он недостаточный, так как у меня и моей семьи нет возможности съездить отдохнуть куда-то. Приходится экономить на еде, чтобы одеться самому и одеть детей...”

“Сейчас оценила бы как средний жизненный уровень, но недостаточный для нашей семьи, так как, если купишь крупную вещь – например пальто зимнее или шапку, – то потом приходится на всем экономить...”

“Уровень жизни нашей семьи – скорее средний. Имеем возможность покупать продукты первой необходимости, впрочем, ограничивая потребление мяса, фруктов, деликатесов. Если следовать медицинским нормам питания, то уровень жизни можно назвать недостаточным...”

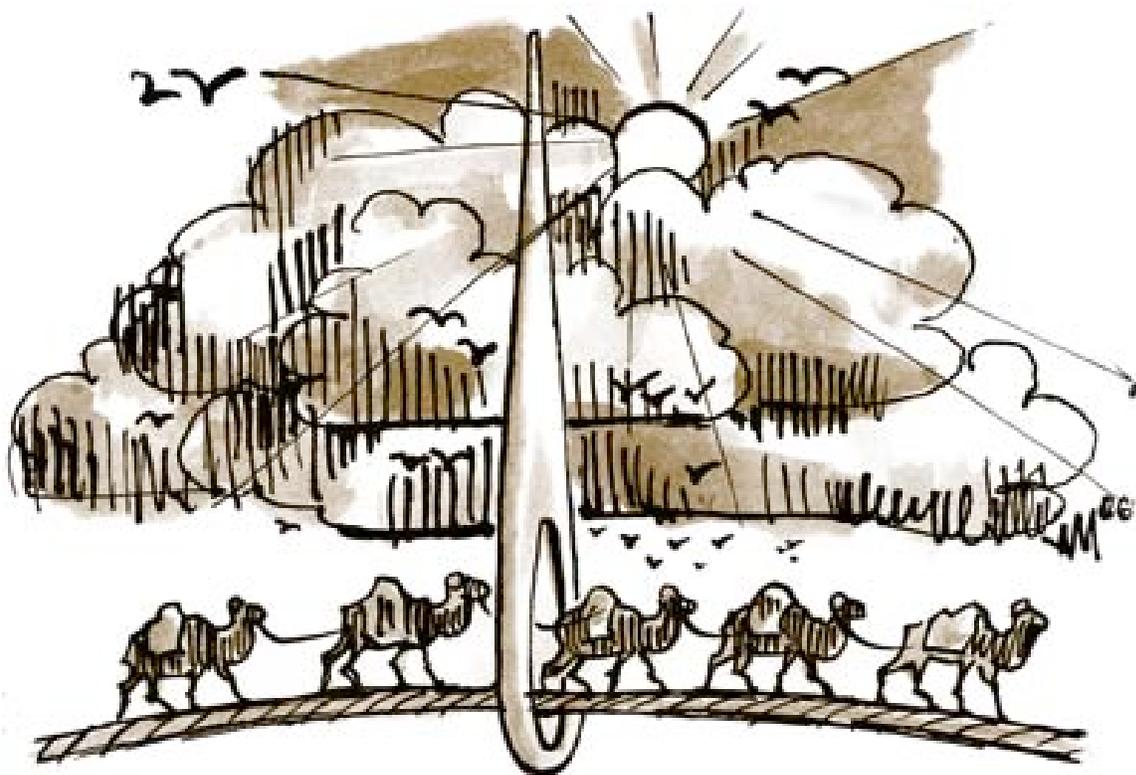
В то же время значительная часть тех, кто оценивает свой жизненный уровень как *средний*, считают его и *достаточным*, то есть, надо полагать, в той или иной мере соизмеримым с насущными жизненными потребностями.

“Уровень мой пока достаточный, но и не шикарный. За последнее время мой уровень снизился”.

“Средний уровень, достаточный. Остался неизменным за последнее время”.

“Уровень жизни у нас средний – с неба звезд не хватаем, работаем. Но денег не всегда хватает на крупные покупки. За последние годы жизненный уровень не изменился – средний”.

“Нашей семьи – средний по сравнению со знакомыми, у кого еще ниже. Для меня достаточный. За последнее время чуть-чуть возрос”.

Среди тех, кто характеризует свой уровень жизни как *низкий*, многие ссылаются на невозможность удовлетворить в достаточном объеме даже простейшие жизненные потребности – такие, как нормальное питание, покупка одежды и др. (традиционный символ всего этого, возникающий в ряде ответов, – “колбаса”). Значительно реже низкий жизненный уровень связывается с невозможностью получения каких-то духовных благ или полноценного отдыха (“*Нет возможности отдохнуть, поехать куда-нибудь, сходить на хороший концерт*”). Протицируем некоторые из ответов, в которых респонденты говорят о тяготах своего положения.

“Мой жизненный уровень низкий, потому что зарплаты еле хватает на необходимые нужды (питание, квартплату)”.

“Ну не голодаем, но живем не в полном достатке. Если бы возрос, я бы частенько колбасу ел”.

“Низкий, недостаточный. Покупаем только продукты питания, и то недостаточно. Хотелось бы лучше питаться, покупать мясо, колбасу...”

“Жизненный уровень нашей семьи очень низкий. Сейчас, когда взрослые дети начали работать, он немного повысился”.

Для многих участников опроса просьба оценить свой жизненный уровень стала поводом высказаться о наболевшем: их ответы – это буквально “крик души”. Приведем только одно из таких высказываний.

“Свой жизненный уровень я оценила как низкий. У меня нет ни одежды, ни обуви, и я не могу, пока я на пенсии, купить ни тряпочки. Я сейчас поднашиваю все с дочери, и я выхожу на улицу и всегда чувствую комплекс. За последнее время жизненный уровень снизился, так дочь не может найти работу, какую бы ей хотелось, а цены выросли”.

Жизненный уровень как предмет публичного обсуждения

Мнения россиян об их уровне жизни выяснялись и по ответам на еще один блок вопросов: *“Приходилось ли Вам за последнее время разговаривать с кем-либо или слышать разговоры окружающих об их жизненном уровне? Если да, то что люди чаще всего говорят об этом? Отмечают ли они какие-то перемены в своем жизненном уровне? Если да, то какие именно?”*

По наблюдениям некоторых участников опроса, окружающие охотно говорят о своем тяжелом материальном положении; это не просто частый предмет разговоров для рядовых граждан – об этом *принято говорить*. А об улучшении своего жизненного уровня, как отмечается в ряде ответов, люди, напротив, говорят неохотно, по тем или иным причинам стараются умалчивать.

“Люди не склонны говорить о своих успехах или о повышении жизненного уровня, а вот о трудностях говорят часто...”

“...В транспорте, правда, бывает, и жалуются, но это, мне кажется, по привычке”.

“Люди больше молчат, не особенно разглашают свои доходы. Говорят о себе лишь те, кто мало получает или пенсия маленькая...”

“Разговоры о жизненном уровне, своем и соседа, всегда были главной темой на кухне, в курилке, общественном транспорте. Это у человека, особенно бывшего советского, в крови. И даже если наедине с собой человек сможет признаться, что в последнее время уровень его жизни улучшился, то в разговоре на эту тему он в этом никогда не признается...”

Таков, судя по ряду ответов, один из стандартов речевого поведения многих наших сограждан. Имея это в виду, посмотрим все же, как характеризуют участники опроса содержание разговоров окружающих на тему уровня жизни. Для простоты изложения разделим основной массив полученных ответов на две группы. Первая из них, меньшая по объему, включает высказывания респондентов, заявивших, что, по их мнению, другие люди чаще говорят о *повышении* жизненного уровня большинства или во всяком случае многих граждан. Назовем такие суждения *позитивными*. Ко второй группе, большей по объему, отнесены высказывания, приписывающие другим людям мнение о том, что жизненный уровень в стране *снижается* или во всяком случае *не растет*, оставаясь неприемлемо низким. Такие суждения назовем *негативными*.

Позитивные суждения, как правило, далеки от категоричности, в них оценка разговоров окружающих часто сопровождается разного рода поправками и оговорками.

“Еще лучше хотят, но в основном говорят, что за последнее время немного улучшилось, по крайней мере, иногда можно позволить себе то, что хочешь, и не искать это”.

“Соседи говорят, что становится лучше. Надо, чтобы цены не росли, повышать зарплату людей до достойного прожиточного уровня. Особенно довольны те, кто смог устроиться на работу”.

“Да, приходилось. Почти в каждом разговоре эта тема поднимается. Люди говорят о разном: сетуют на трудности, хвастаются успехами, обсуждают способы заработать. Общее впечатление – жить стало легче”.

В *негативных* суждениях о разговорах окружающих на тему уровня жизни подчеркивается, что вопрос это болезненный и обсуждается постоянно. Одно из ключевых слов в ответах данной группы – “жалуются”.

“Все только и жалуется, что денег мало, не хватает на жизнь. Ничего у людей не меняется – все как жили плохо, так и живут”.

“Люди жалуется на ухудшение жизненного уровня, не знают, как прокормить семью, возмущаются быстрым ростом цен”.

“Только об этом и говорят. Никаких других тем у людей нету. О ценах, о жизненном уровне. Ничего хорошего люди не говорят, только у всех все плохо”.

“...Большинство людей в транспорте говорят, что уровень жизни людей падает или упал. Жалуются на нехватку денег”.

“Как работник сферы обслуживания постоянно слышу жалобы на бедность, о своем жизненном уровне все отзываются как о критическом”.

Добавим, что в полученных ответах присутствует еще одна группа суждений, кроме выделенных нами “позитивных” и “негативных”. Смысл этих высказываний сводится к тому, что окружающие оценивают свой уровень жизни *по-разному* – в зависимости от того, как складываются у них обстоятельства. Но таких ответов сравнительно немного. Преобладают же полярные по своей оценочной направленности высказывания (позитив либо негатив).

Жизненный уровень в отражении СМИ

Еще одна тема, затронутая в опросе, – это отношение респондентов к материалам СМИ, рассказывающим об уровне жизни населения. Она была задана следующим вопросным блоком: *“Встречались ли Вам за последнее время в средствах массовой информации материалы о жизненном уровне людей у нас в стране? Если да, то что в них было для Вас главным? Как Вам кажется, таких материалов достаточно, или слишком много, или слишком мало?”*

Оставляя в стороне количественную часть вопроса (“много” или “мало”?)¹, остановимся на том, как было оценено участниками опроса само содержание соответствующих материалов. Эти оценки интересны тем, что позволяют просмотреть сквозь конкретику масс-медийных сюжетов определенного периода времени те общие критерии, которыми, по мнению респондентов (во всяком случае значительной их части), должны руководствоваться коммуникаторы, обращаясь к обсуждаемой нами тематике.

Характеризуя тематический спектр массовой информации, посвященной уровню жизни людей, участники опроса часто обращали внимание на то, что в материалах СМИ постоянно воспроизводится вопиющий *социальный контраст* между бедными и богатыми. Этот контраст предстает в потоке массовой информации как своего рода норма, как нечто само собой разумеющееся. Говорилось также, что журналистов интересует преимущественно уровень жизни тех, кто находится на противоположных ступенях социальной лестницы, а не *положение простых, обыкновенных людей*. Негативную реакцию вызывает у респондентов, с одной стороны, сам этот назойливый показ благополучия

¹ Она прочно привязана к ситуации в СМИ на период проведения исследования и поэтому сейчас в значительной мере утратила актуальность.

“верхов” на фоне нищеты “низов”, а с другой – безразличие СМИ к “среднему человеку” и ко всему тому, что можно было бы назвать “нормальным существованием”, к позитивно окрашенному социальному опыту.

“Информации достаточно. На фоне роскошных особняков для богатых мелькают объявления с просьбой помочь с деньгами на операцию ребенка...”

“Смотришь телевизор – и видишь в основном нищету простых людей или как с жиру бесятся богачи. Если это материалы о жизненном уровне людей, то это я и видела, вот это и главное, – как говорится, «нищета и богатство»”.

“В основном говорят и пишут об очень богатых людях и очень бедных. Для меня было очень неприятно, что в нашем государстве такое разное разделение людей по благосостоянию... Мне кажется, что пока люди все не стали более-менее прилично жить, писать об этом надо поменьше, ибо это у многих вызывает озлобление”.

“Показывают или бомжей, или богатых. Ничего главного не нахожу. Мало материалов о жизненном уровне”.

“...Не показывают, как живут, работают простые люди. Главное, если есть хорошие примеры, надо их показывать – где люди живут нормально, хорошо зарабатывают”.

“Главное, мне нравится, что люди крепко стоят на земле, строят дома, церкви сообща, украшают землю нашу. Сельское хозяйство мне вообще нравится. Я люблю таких людей, которые и себя, и семью кормят, и других. Таких бы людей побольше. Таких материалов очень мало. Надо выявлять таких людей, показывать. А что дурь-то показывать?”

* * *

Подведем краткие итоги.

Согласно данным опроса, в массовом сознании присутствуют самые разные “версии” того, что такое жизненный уровень. Без систематического прояснения смысла этой категории и всего, что с ней связано, трудно ожидать при обращении к обсуждаемой здесь тематике достаточного взаимопонимания между производителями массовой информации и ее потребителями.

Чаще всего респонденты склонны понимать под уровнем жизни величину доходов и покупательную способность людей. Другие составляющие этого понятия принимаются ими во внимание значительно реже. Относительно редко упоминается соотношение между величиной доходов, с одной стороны, и возможностью удовлетворения потребностей человека, в том числе духовных, – с другой. Больше того, в ответах респондентов встречается явная смысловая aberrация, когда жизненный уровень понимается либо как прожиточный минимум, либо как высокая степень материальной обеспеченности.

Оценивая свой уровень жизни как низкий или средний (как высокий в рамках опроса он практически не оценивался), участники исследования зачастую ориентировались не столько на свои потребности и возможности их удовлетворения, сколько на то, как соотносится их собственное материальное положение с положением окружающих. Показательно с этой точки зрения, что некоторые респонденты, называющие свой уровень жизни недостаточным, вместе с тем квалифицировали его как средний (то есть хотя и неудовлетворительный, но такой же, как у других, не ниже).

Материалы исследования позволяют сделать вывод, что характерной чертой речевого этикета россиян в их публичных высказываниях следует считать, по всей видимости, тенденцию к занижению своего жизненного уровня.

Как полагают участники исследования, в материалах СМИ находит отражение преимущественно уровень жизни самых богатых и самых бедных, тогда как основное внимание, по их мнению, должно фокусироваться на тех людях, которые находятся между этими полюсами, на социальной норме и конструктивном, “жизнестроительном” социальном опыте.

Правительство*

Как показывают многие исследования, в том числе и наш цикл панельных опросов, относящиеся к языку СМИ понятия, от самых простых до самых сложных, на уровне обыденного сознания обычно порождают целый спектр несхожих трактовок, воспринимаются неоднозначно. Не стало исключением и такое, казалось бы, привычное, общеизвестное понятие, как “правительство”.

В самом общем виде можно говорить о двух основных его толкованиях – прямом и расширительном. В свою очередь, расширительные трактовки имеют ряд разновидностей. Соответственно при рассмотрении того, какой смысл вкладывают респонденты в понятие “правительство”, мы выделим несколько типологических групп ответов. Заметим, что названия каждой из них достаточно условны и используются лишь как своего рода “метки”, помогающие лучше ориентироваться в массиве полученных данных.

Суждения общего характера

Первый из вопросных блоков анкеты звучал так: *“Как Вы считаете, какую роль в жизни страны должно играть правительство? Чем оно должно заниматься?”*

Выделим прежде всего группу *недифференцированных* суждений, в которых выражены лишь самые общие, неконкретизированные представления о правительстве. Вот примеры.

“Огромную. Создавать такие условия гражданам, чтобы они могли трудиться и жить. В стране должен быть порядок, стабильность”.

“Правительство должно заботиться о благосостоянии народа и государства, укреплять экономическую и военную мощь страны”.

К недифференцированным примыкают *моралистические* суждения, характеризующие не столько реальные цели и задачи работы правительства, сколько общие нравственные установки, придерживаться которых надлежит, по мнению респондентов, и всему кабинету министров в целом, и каждому из его членов. Нередко это своего рода наказания, звучащие несколько дидактически.

“Раз занимают такие посты, значит, должны подумать, что им дано в руки: должны думать о благосостоянии народа, о судьбе человечества”.

“...Работать на народ, государство. Отстаивать народное достояние всеми силами. Чтобы можно было гордиться, что мы – русский народ”.

* Сроки проведения опроса: 6–14 сентября 2000 года.

“Правительство должно все правильно делать, как говорят, а то обещают, а не делают. Должно делать так, чтобы не дорожало, поменьше ездить по странам, побольше здесь делать”.

“...Правительство должно думать о простых людях. Прислушиваться к народу, помогать народу. Больше говорить правду, но все секреты открывать не надо – мы еще не готовы”.

“Правительство должно заниматься страной, народом для улучшения нашей жизни. Правительство пускай ворует, но и пусть оставляет что-нибудь народу”.

Функциональные суждения

Суждения, вошедшие в следующую группу, назовем *функциональными*. Они несут в себе более или менее конкретные содержательные характеристики деятельности правительства. Высказывания, относимые к этой группе, можно, в свою очередь, разделить на три подгруппы.

Некоторые респонденты, отвечая на предложенный вопрос, говорили главным образом о месте правительства в системе власти – в частности, о том, что оно относится к исполнительной ветви власти и работает под общим руководством президента.

“Правительство – это исполнительная власть. Оно должно проводить в жизнь постановления законодательной власти, ее указы и законы. Правительство должно обеспечить народу нормальную жизнь”.

“Правительство в жизни страны играет одну из главных, важнейших ролей. Правительство вместе с президентом должно руководить страной – это его главное занятие”.

“Исполнительную роль, так как это орган исполнительной власти, регулятивную и охраняющую роль”.

“Правительство должно руководить государством, разрабатывать экономические программы, направленные на улучшение жизни людей. Должно выполнять линию президента”.

Другие респонденты выделили как главный момент ответственность правительства перед обществом. В их ответах подчеркивается, что правительство должно прежде всего создавать условия, обеспечивающие гражданам возможность нормальной, полноценной жизнедеятельности в экономической, социальной и других сферах.

“Правительство должно играть главную роль, регулировать все сферы деятельности, не вмешиваясь в личную свободу человека и в рыночную экономику”.

“Правительство должно играть руководящую роль, устанавливать правила игры и не мешать состоятельному сословию. В первую очередь оно должно заниматься экономикой, защищать права и свободы граждан”.

“Правительство – это часть общества. Оно должно выполнять требования, предъявляемые последним, и регулировать отношения, складывающиеся в государстве”.

Заметим, что высказывания, относящиеся к двум указанным подгруппам, сравнительно немногочисленны. Значительно больше по объему третья подгруппа, в которой перечисляются те или иные конкретные направления деятельности правительства. Приведем некоторые высказывания.

“Ведущую роль играет правительство. Оно должно заниматься своими конкретными задачами: экономикой, политикой внутренней и внешней, развитием науки, культуры, образования, проблемами армии и флота, межнациональными отношениями”.

“Правительство должно играть большую роль в жизни страны. Оно должно, во-первых, отстаивать интересы государства на международной арене, во-вторых, обеспечивать безопасность страны, граждан, бизнеса и так далее, в-третьих, регулировать внутренние отношения между гражданами”.

“Правительство в жизни страны играет большую роль. Оно занимается проблемами народа, отношениями между странами, распределяет бюджет, устанавливает, какое повышение зарплаты, пенсий возможно в данное время”.

“Правительство должно осуществлять проекты по экономическому развитию страны. Также оно должно использовать бюджет для того, чтобы финансировать культуру, искусство, науку, армию и т. д.”

Во многих суждениях данной подгруппы заметен “экономический уклон” – фактическое сведение функций правительства к области хозяйственной деятельности:

“Правительство должно заниматься хозяйственными вопросами. Смотреть, как они выполняются, спрашивать с руководителей и само должно отвечать за свою работу”.

“Большую роль. Должно руководить всеми секторами народного хозяйства. Выполнять экономическую программу, следить за ее исполнением”.

“Правительство должно составлять бюджет на год и выполнять его точно, заниматься экономикой, а не политикой”.

Правительство и правители

Если ответы “функционалистов” в целом соответствуют тому, что действительно входит в компетенцию правительства, то этого нельзя сказать о следующей – и весьма обширной – группе ответов, выражающих *универсалистские* представления о роли правительства в жизни страны. В таких ответах, по сути дела, ставится знак равенства между понятиями “*правительство*” и “*правители*” (то есть власть вообще). Одни участники опроса формулируют это прямо, в высказываниях других столь расширительное толкование понятия “правительство” подразумевается.

В любом случае “универсалисты” никак не учитывают конституционный принцип разделения властей – или, может быть, попросту не знают о нем, а многие прямо приписывают правительству не принадлежащие ему законодательные функции. Больше того, некоторые именно в законотворчестве и контроле за соблюдением законов усматривают основную, если не единственную, роль правительства. Любопытно также использование некоторыми респондентами, чьи ответы отнесены к данной группе, таких формулировок, как “*руководящая и направляющая роль*”, “*ведущая и направляющая часть общества*” и т. п., – то есть определений, напоминающих идеологические клише советских времен (только тогда они относились к КПСС). Обратимся к высказываниям участников опроса.

“Правительство должно вести руководящую и направляющую роль в жизни и развитии общества”.

“Правительство в жизни страны должно играть главную роль. “Правительство” – от слова “править”, вот оно и должно править страной так, чтобы народу было легко жить”.

“Правительство – это ведущая и направляющая часть общества...”

“Правительство править должно. Правительство должно заниматься всем подряд (законами и т. п.)”.

“Правительство должно издавать законы и выполнять их”.

“Составляет законы, наблюдает, чтобы законы работали, следит за их соблюдением”.

“Универсалистские” взгляды соседствуют в полученных ответах с представлениями, которые можно определить как *авторитарно-патерналистские*. Приверженцами “авторитарно-патерналистской” позиции нередко приписывается правительству тотальный контроль едва ли не над всеми сторонами жизни граждан, причем отношения между ним и обществом описываются как однопольная (“сверху вниз”) коммуникация, не предполагающая обратной связи, подконтрольности властей народу.

Соответственно именно правительство оказывается, согласно таким представлениям, основным или даже единственным источником благ для граждан страны, своего рода “всеобщим собесом”. Не случайно в высказываниях “авторитарно-патерналистского” характера нередко возникают аналогии между правительством и родителями, которые опекают всех членов семьи, обеспечивая их благополучие. Вновь обратимся к цитатам.

“Оно управляет людьми и следит за порядком”.

“Правительство государства – это как глава семьи. Оно задает тон жизни в стране. Правительство должно управлять государством, заботиться о подчиненных”.

“Должно править, заполнение и расходование бюджета. Как отец и мать: накормить, обуть, одеть”.

“Если хочешь стать во главе народа – правительство – дай работу, накорми, жилище дай, одень, обуй...”

“Правительство должно всем заниматься. Наша жизнь, наша зарплата – все-все от него зависит”.

При таком понимании роли правительства идея обеспечиваемой государством защиты интересов граждан, как легко видеть, подменяется идеей государственной опеки над ними (в данном случае – правительственной опеки).

Смена правительства – последствия

Ожидания респондентов, их тревоги и надежды, связанные с деятельностью правительства², нашли отражение в ответах на вопрос анкеты, носивший несколько провокативный характер: *“А что будет со страной и гражданами, если работа правительства окажется неуспешной?”*

Некоторые участники опроса сочли, что страну в этом случае ждет катастрофа. Очевидно, готовность к такого рода предположениям свойственна в первую очередь тем людям, чьи представления о роли правительства, об отношениях между народом и властью мы выше определили как “универсалистские” и “авторитарно-патерналистские”. Трудно предположить, что столь экспрессивная реакция на заданный вопрос была вызвана сильной тревогой именно за то, как

² Напомним, что опрос проводился через несколько месяцев после того, как В. Путин официально вступил в должность президента, а правительство возглавил М. Касьянов.

пойдут дела у незадолго перед тем сформированного кабинета М. Касьянова. Приведем несколько характерных высказываний.

“Скорее, будет еще одна революция, ведь “низы” уже не могут терпеть”.

“Это будет крах, большая беда. Начнется еще больший беспредел, криминал не будет сдерживаться, в стране будет ужасно жить”.

“Даже трудно представить, что будет со страной, не хочется думать об этом”.

“Гибель, смерть для страны и народа”.

“Все подохнем, как мухи. Мы же все от них зависим”.

“Тогда не станет российского государства, мы превратимся в 51-й штат США”.

“Рабами мусульман будут”.

Но большинство участников опроса к столь паническим прогнозам оказались не склонны. Многие заявили, что, хотя неуспех в работе правительства и ухудшит положение дел в стране, но все же необратимо катастрофических последствий не будет.

“Ничего хорошего не будет. Увеличится разница между богатыми и бедными”.

“Жить будем хуже. Хотя, кажется, уже некуда”.

“Опять начнется инфляция, подешевеет рабочая сила, состояние экономики ухудшится”.

“Охватит еще больший кризис, среди людей начнутся недовольства”.

“Сейчас у нас немного подъем в экономике. Но если все остановится, то опять не жизнь будет, а выживать будем”.

Наконец, по мнению значительной части респондентов, ни к каким тяжелым последствиям неуспешная работа правительства привести не может. Здесь приводились два основных аргумента. Во-первых, правительство – это еще не все государство; к тому же в случае неудачи нынешний кабинет министров будет заменен другим, более дееспособным. Во-вторых, положение граждан зависит вовсе не только от работы правительства и вообще властей, но и от них самих, от того, как они организуют свою жизнь. Обратимся к цитатам.

“Ничего не будет. Правительство поменяют – и все”.

“Тогда будет смена правительства, оно должно подать в отставку...”

“На этом жизнь не остановится. Есть Дума, другие структуры, кроме правительства”.

“Ничего не будет. Правительства приходят и уходят – государство остается, граждане живут по своим возможностям”.

“А что есть сейчас, то и будет. Русский народ привык к передрягам, и на картошке проживет. Только жаль, что в такой богатой стране население живет в основном плохо”.

“Ничего страшного не будет, привыкли уже ко всему”.

“Ничего не будет. Приспособимся. Возможен кризис, но выберемся”.

В этой позиции, как представляется, сочетаются два достаточно контрастных мотива: с одной стороны, определенный фатализм, готовность принять как неизбежное любой ход событий, с другой – стойкость и вера в возможность преодоления трудной ситуации собственными силами, своего рода “сдержанный исторический оптимизм”.

* * *

Итак, опрос показал, что само слово “*правительство*” понимается россиянами неоднозначно. Для одних это высший орган исполнительной власти в стране, для других – власть вообще, “*правители*”. Таким образом, значительная часть респондентов не разграничивает – по крайней мере в пределах ответов на вопросы анкеты – существующие в стране разные ветви власти.

Соответственно расходятся и представления участников опроса о том, чем должно заниматься правительство. Одни называют – с той или иной степенью полноты и точности – реальные его функции. Другие придерживаются мнения, что правительство должно заниматься “*всем*”, включая законотворческую деятельность.

Наряду с этим многие респонденты полагают, что обязанностью правительства является не столько создание благоприятных “*правил игры*” для граждан, сколько прямая опека над ними, избавляющая опекаемых от личной ответственности за свое положение и за степень проявляемой ими социальной и трудовой активности.

Контрастен по отношению к этой позиции такой взгляд на роль правительства в жизни граждан, при котором патерналистским установкам противопоставляется готовность по мере возможности “*выстраивать себя*” собственными силами, преодолевая, насколько удастся, трудности, возникающие на пути “*самовыстраивания*”.

Таким образом, за теми или иными суждениями о правительстве, о роли его в жизни страны и граждан открывается, как можно видеть, гораздо более глубокая мировоззренческая перспектива. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

☞ Так говорил респондент...

– Если Вы предпочитаете отечественные кинофильмы, то почему?

– *Я же не изменник Родине, русский.*

* * *

– Закончите, пожалуйста, следующее предложение: “Я думаю, что типичный британец – это прежде всего...”

– *Завидный жених.*

– Как Вы понимаете слово “феминизм”? Что, по Вашему мнению, оно означает?

– *Когда женщина хочет быть не только женщиной, но и мужчиной.*

* * *

– Что, на Ваш взгляд, означает – “проявлять бдительность”?

– *Всех впускать, никого не выпускать.*

– Как Вы полагаете, каковы причины того, что в Багдаде произошли массовые грабежи?

– *Люди просто так выражают свое горе.*

* * *

– Как Вы думаете, каким американцы представляют себе типичного россиянина?

– *Богатырь с красной мордой.*

(Из опросов ФОМа)

Е. Вовк

Адвокат: профессия и профессиональная этика в обыденных представлениях

Адвокат – относительно новый персонаж в современной российской культуре. Конечно, дореволюционная Россия могла гордиться сильной юридической школой и целой плеядой юристов с мировым именем. Но затем в течение долгого времени роль адвокатов в системе судопроизводства была сведена к формальному минимуму, а в обществе – и вовсе незаметна. Сегодня мы можем наблюдать возрождение этой профессии: адвокаты играют значимую роль в судебных процессах, некоторые становятся видными общественными деятелями. Кроме того, что не менее важно, пожалуй, никогда ранее адвокат не был столь расхожим атрибутом правосудия в массовой культуре: благодаря зарубежным фильмам, наверное, почти каждый россиянин выучил фразу: “Я буду говорить только в присутствии моего адвоката”.

Очевидно (и это в полной мере подтверждается материалами фокус-групп), что слово “адвокат” в первую очередь ассоциируется у людей с защитой в суде. Менее очевидно – какая роль в системе правосудия отводится адвокатам, каков сложившийся в обыденном сознании образ профессии, какими мыслятся ее предназначение и нормативные регуляторы. Именно об этом и пойдет речь ниже.

Отношение к адвокатам: общий фон

Как неоднократно отмечалось многими авторами и доказывалось во многих исследованиях, российская культура вообще и правовая культура в частности отличаются сильной моральной компонентой и установкой на репрессивность. Склонность смотреть на мир с подобных позиций сказывается и на обыденных трактовках правосудия – тогда соображения законности, прав человека, презумпции невиновности и прочие элементы беспристрастного судебного разбирательства отходят на второй план.

Суждения многих респондентов о сути адвокатской работы обнаруживают точно такие же особенности: стремление ставить во главу угла мораль, приоритет принципа партикулярности, а не универсальности – личного отношения, а не правовых норм. С подобных позиций адвокат – фигура в некотором роде героическая, борец за справедливость, защитник “униженных и оскорбленных”, облеченный правом еще до суда принимать собственное решение о мере виновности или невиновности своего подзащитного. Вместе с тем присутствует и иной взгляд: это человек, в большинстве случаев выступающий “адвокатом дьявола” и борющийся за интересы своего клиента, что бы тот ни совершил.

С этой точки зрения адвокат представляется фигурой чисто функциональной, обеспечивающей равновесность судебного разбирательства и соблюдение права человека на защиту.

Различие между этими двумя культурными образами адвоката можно условно обозначить как дилемму “призвание или профессия”. Любопытно, что именно такое противопоставление (“адвокат – это профессия, а не призвание”) использовали некоторые участники фокус-групп¹, оспаривая право адвокатов на суждения о виновности или невиновности человека и на отказ от защиты тех, кого они сочтут виновным. Ниже мы представим обе точки зрения, но сначала обозначим общий тон отношения к адвокатам в российском обществе².

Профессию адвоката три четверти россиян (78%) считают престижной (непрестижной – 10%). Свыше половины участников опроса (55%) полагают, что люди, избравшие профессию адвоката, пользуются сегодня уважением в обществе, тогда как каждый пятый (21%) утверждает обратное. Как видим, для многих респондентов понятия “престижная профессия” и “уважаемая профессия” не тождественны. Очевидно, отчасти это связано с распространенным в нашей стране пониманием “престижной” профессии как обеспечивающей доступ к деньгам, власти и другим ресурсам, недоступным “простым людям” (именно такое понимание продемонстрировали участники фокус-групп). Кроме того, по всей видимости, часть респондентов вполне позитивно воспринимают саму по себе профессию, но не очень хорошо относятся к ее представителям, не соответствующим “идеальному” образу адвоката.

Собственно о работе практикующих российских адвокатов в обществе сложилось двойственное мнение. По большей части респонденты говорили, что адвокаты в нашей стране справляются со своими обязанностями “удовлетворительно” (41% участников опроса), а позитивные оценки – “хорошо” или “отлично” (15 и 2% соответственно) – звучали столь же часто, как и негативные – “плохо” и “очень плохо” (11 и 3% соответственно).

Отзывы, основанные на личном опыте обращения к адвокатам, также неоднозначны. Половина респондентов, которым за последние несколько лет доводилось пользоваться помощью адвокатов (или у кого к таковой прибегали родственники и знакомые), остались довольны оказанными услугами, половина – недовольны (13 и 14% от выборки соответственно).

Образ адвоката. Критерии оценки работы

В этой связи нельзя не отметить, что один из основных критериев оценки работы адвокатов и, соответственно, одна из основных к ним претензий – морально-этического свойства: судя по всему, зачастую респондентов волнуют не уровень профессионализма и компетентность адвоката, а его личностные и человеческие качества. В частности, это очевидно по рассуждениям участников опроса и фокус-групп о том, каким они представляют себе сегодняшнего российского адвока-

¹ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Самаре, Новосибирске 28 июня 2005 года.

² Общероссийский опрос населения от 2–3 июля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов.)

та и каким адвокат должен быть. Конечно, среди неперменных характеристик хорошего адвоката упоминались такие, как образованность, изощренный ум и доскональное знание законов. Но наряду с этим и чуть ли не чаще утверждалось, что адвокат должен быть честным, справедливым, принципиальным, морально стойким, бесребреником и т. д.

Посмотрим, например, как участники массового опроса отвечали на открытый вопрос: *“Опишите, пожалуйста, сегодняшнего российского адвоката. Как Вы себе его представляете?”*³

Примерно пятая доля опрошенных (или треть от числа ответивших на вопрос) характеризовали адвокатов с профессионально-ролевой точки зрения. Одни говорили, что адвокаты – это грамотные, компетентные, опытные специалисты, защитники интересов и прав людей (по крайней мере, что они должны таковыми быть).

“В совершенстве знает законы”; “должен быть хорошим специалистом”; “имеет юридическое образование, разбирается в законах, может защищать”; “образованный, очень хорошо знает свою работу”; “человек грамотный, нормально разбирающийся в судебных делах” (открытый вопрос; 11%). *“Адвокат есть адвокат, защищает и тех, кто виновен, и тех, кто невиновен”; “защитник потерпевшего”; “он должен защищать права граждан, должен помочь, если отправиться за помощью”; “посредник между обвиняемым и судом”; “человек, представляющий интересы обратившихся к нему”; “человек, призванный в судебном порядке защищать права подсудимого”* (открытый вопрос; 7%).

Другие отмечали, что сегодняшние российские адвокаты в большинстве своем, напротив, некомпетентны, безграмотны, бездеятельны и непрофессиональны.

“..Дармоед”; “..много обещает, а делает мало”; “любят потрепаться”; “несерьезный”; “обещают много, но не выполняют”; “скорее близки к бюрократам”; “трепло”; “..обещает золотые горы, а делает часто меньше, чем на него рассчитывали” (открытый вопрос; 1%).

“Не совсем компетентный”; “перепроизводство юристов, слабые специалисты”; “слабее, чем зарубежные адвокаты, в профессиональном плане, не так основательно вникают в дело, которое разбирают” (открытый вопрос; 1%).

Но чаще респонденты характеризовали адвокатов с морально-этической точки зрения – о подобных качествах упоминал каждый третий опрошенный (или каждый второй из числа ответивших на вопрос).

Некоторые говорили, что сегодняшние российские адвокаты – взяточники, продажные люди, нечестные, несправедливые и беспринципные, действующие вопреки или в обход закона, алчные и зависимые от властей.

“Адвокаты все куплены за деньги”; “взяточник и ворюга, вымогатель”; “все деньги собирают, бесплатно ничего не делают”; “коррупцированный человек”; “купленный, в своей работе учитывает в первую очередь свои интересы” (открытый вопрос; 14%).

“Алчный человек”; “больше смотрят на выгоду”; “идет за золотым тельцом”; “их интересуют только гонорары” (открытый вопрос; 2%).

³ Из ответов видно, что одни респонденты рисовали образ идеального адвоката (каким он должен быть), другие – реальный (каким они себе его представляют или наблюдают в жизни). Но в нашем случае это различие не играет особой роли.

“Беспринципный, умеющий пользоваться законодательством в собственных интересах”; “в плане честности и вопрос не стоит”; “завязаны с нечестными делами”; “мало справедливости у адвокатов”; “повернут куда выгодно”; “я сомневаюсь в честности его работы” (открытый вопрос; 3%).

“Если он на местном уровне, то не пойдет против местных руководителей”; “и нашим, и вашим – нет твердой позиции”; “марионетка”; “сильно зависимый от кого-то, от мафии”; “служат власти...” (открытый вопрос; 1%).

Отмечалось, что адвокаты должны быть (или в действительности такими и являются) людьми честными, справедливыми, принципиальными и следующими законам, неподкупными и независимыми, человечными.

“Бескомпромиссный”; “объективным, справедливым должен быть”; “порядочность, принципиальность”; “человек, который должен придерживаться законов в своей работе, защищая людей”; “честно надо работать” (открытый вопрос; 12%).

“Бескорыстным”; “не должен брать взятки”; “независимый”; “неподкупный”; “работает по совести, а не от кошелька”; “чтоб защищал не за деньги” (открытый вопрос; 3%).

“...Человечный”; “доброжелательный”; “он хорошо относится к людям, внимательный, умеет выслушать, помочь”; “сердечные люди”; “...готовый всем помочь” (открытый вопрос; 1%).

Рассуждая о сути адвокатской работы, респонденты ставят во главу угла мораль, приоритет принципа партикулярности, а не универсальности – личного отношения, а не правовых норм

Некоторые опрошенные, кроме того, рисовали феноменологический образ адвокатов – описывали их внешний вид (*“в красивом костюме, с дорогим парфюмом”; “толстенькие, в очках, с папочкой, в дорогой машине”; “с наглой холерной рожей”*), манеру держаться и говорить (*“воспитанный, интеллигентный, точный”; “грамотная, связная речь”; “умеющий говорить и убеждать”*), особенности поведения (*“решительный, целеустремленный человек”; “исполнительный”; “ответственный”*), социальный статус (*“много работает и много зарабатывает”; “преуспевающий человек”*) и т. д.

Но в данном случае мнения об адвокате как социальном типаже представляют второстепенный интерес. Посему оставим их в стороне. Интереснее и важнее, что в ответ на просьбу описать сегодняшних адвокатов респонденты чаще вспоминали об их моральных, нежели профессиональных качествах. В частности, обратим внимание, что претензии к уровню профессионализма российских адвокатов высказывались участниками опроса гораздо реже, чем претензии к их образу действий, принципам, моральному облику.

В этом контексте весьма характерно мнение одной из участниц фокус-групп: адвокат вообще должен быть морально безупречен – в том числе и в личной жизни (заметим, что личную жизнь и деловую репутацию респондентка перечисляет через запятую, как вещи одного порядка или одна без другой невысказанные).

“И еще я хотела добавить относительно личности адвоката: он должен быть безупречным относительно своей личной жизни, деловых качеств. Чтобы его вообще не затрагивали порочащие какие-то действия, иначе к такому адвокату никто просто не пойдет. Если, например, говорят, что у него разлад в семье, что он жену бьет мертвым боем, детей выгнал на улицу и при этом является защитником прав человека по семейным делам... естественно, я не пойду к этому человеку” (ДФГ, Самара).

Окончание см. на стр. 67 →

Нужны данные для первой цветной вклад.

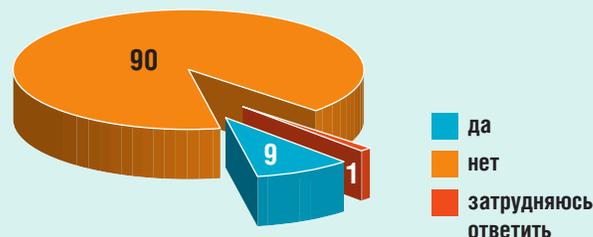
Российский флаг: праздники и будни

Данные в % от населения

Вам нравится или не нравится нынешний государственный российский флаг?

Вы лично когда-нибудь вывешивали российский флаг на своем доме (из окна своей квартиры или на балконе), на даче, на машине и т. д.?

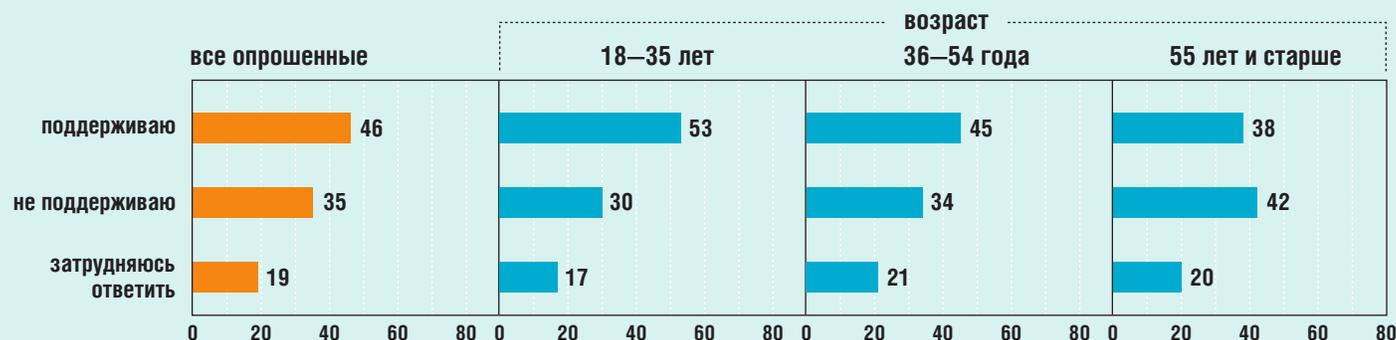

Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые о том, что согласно закону российский флаг может постоянно висеть только на зданиях органов государственной и областной власти, а на остальных зданиях российский флаг разрешено вывешивать только в дни государственных праздников?

Как Вы считаете, какое отношение к российскому флагу преобладает сегодня в нашем обществе — уважительное или неуважительное?

Некоторые предлагают разрешить всем желающим вывешивать российский флаг в обычные, непраздничные дни на зданиях предприятий, фирм, магазинов, кафе, на бензозаправках, частных домах, автомобилях и т. д. Вы поддерживаете или не поддерживаете такое предложение?

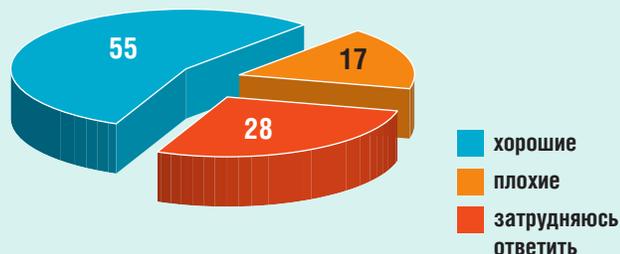

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 27–28 мая 2006 года. Выборка: 1500 человек.

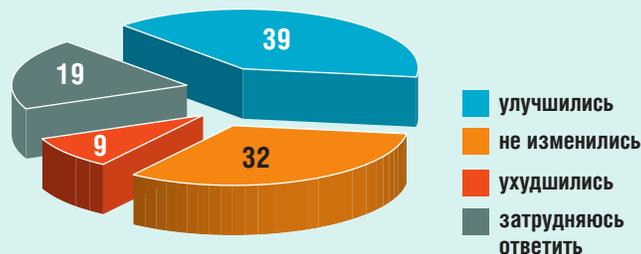
Россия и Евросоюз

Данные в % от населения

На Ваш взгляд, какие отношения — хорошие или плохие — сложились в настоящее время между Россией и ведущими европейскими странами?

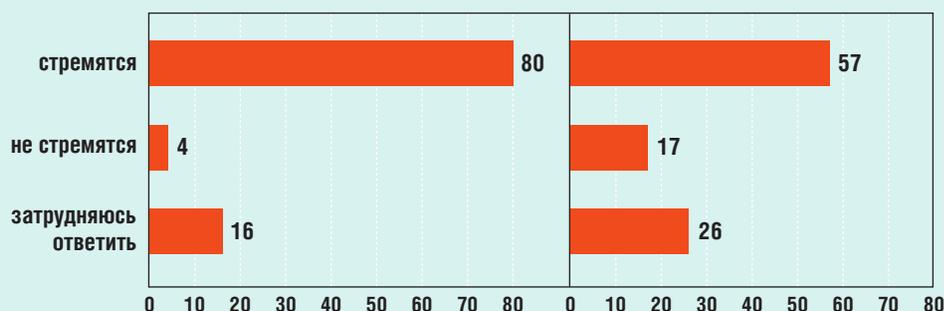
Как Вам кажется, за последний год отношения между Россией и ведущими европейскими странами улучшились, ухудшились или не изменились?

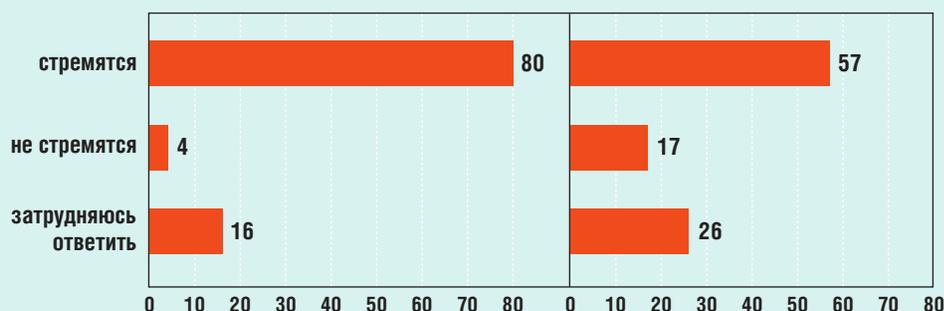
Как Вам кажется, между Россией и ведущими европейскими странами есть сейчас разногласия, трения или никаких разногласий, трений нет?

По Вашему мнению, в последнее время российские власти в своей политике стремятся или не стремятся к сближению с ведущими европейскими странами?

На Ваш взгляд, сегодня ведущие европейские страны стремятся или не стремятся к сближению с Россией?

На Ваш взгляд, следует или не следует российским властям стремиться к сближению с ведущими европейскими странами?

Как Вы думаете, Россия должна или не должна стремиться к тому, чтобы стать членом Евросоюза?

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 3–4 июня 2006 года. Выборка: 1500 человек.

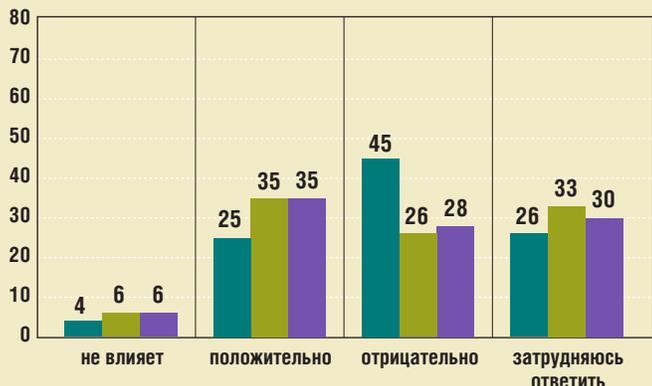
Крупный бизнес в России

Данные в % от населения

Как Вы считаете, сейчас в России созданы благоприятные или неблагоприятные условия для развития крупного бизнеса?

Как Вы считаете, сегодня крупный бизнес влияет или не влияет на экономику страны? И если влияет, то положительно или отрицательно?

Как Вы в целом относитесь к людям, которые занимаются крупным бизнесом, — положительно или отрицательно?

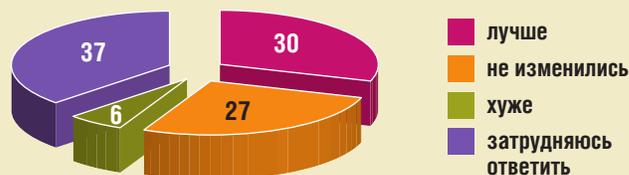
Как Вы полагаете, за последние год-два среди представителей крупного бизнеса тех, кто полностью платит все налоги, стало больше, меньше, или их количество не изменилось?

Одни считают, что сегодня большинство представителей крупного российского бизнеса полностью платят все положенные по закону налоги. Другие считают, что сегодня большинство представителей крупного российского бизнеса не платят полностью все налоги, положенные по закону. Какая точка зрения — первая или вторая — Вам ближе?

Как Вы считаете, за последние год-два условия для развития крупного бизнеса в России стали лучше, хуже или не изменились?

Как Вы считаете, сегодня представители крупного бизнеса оказывают или не оказывают влияние на политику страны? И если оказывают, то это влияние положительное или отрицательное?

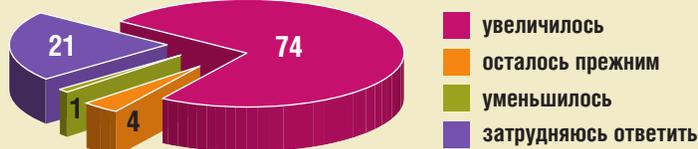

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 8–9 апреля 2006 года. Выборка: 1500 человек.

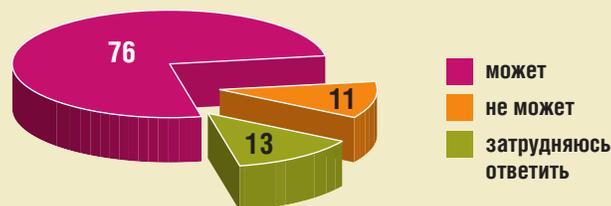
СПИД: опасность заражения и профилактика

Данные в % от населения

СПИД — это заболевание, которое развивается, когда в организм попадает вирус иммунодефицита человека, сокращенно — ВИЧ. На Ваш взгляд, за последние 5 лет в России количество людей, которые являются носителями ВИЧ-инфекции, увеличилось, уменьшилось или осталось прежним?

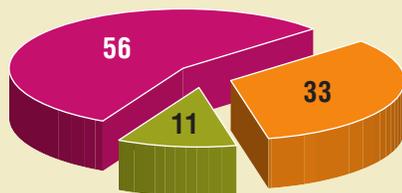
Как Вы думаете, может или не может человек предпринять какие-либо действия, чтобы уберечься от заражения ВИЧ-инфекцией?

Как Вы думаете, для Вас, для таких людей, как Вы, существует или не существует опасность заразиться ВИЧ-инфекцией? И если опасность существует, то вероятность заражения велика или мала?

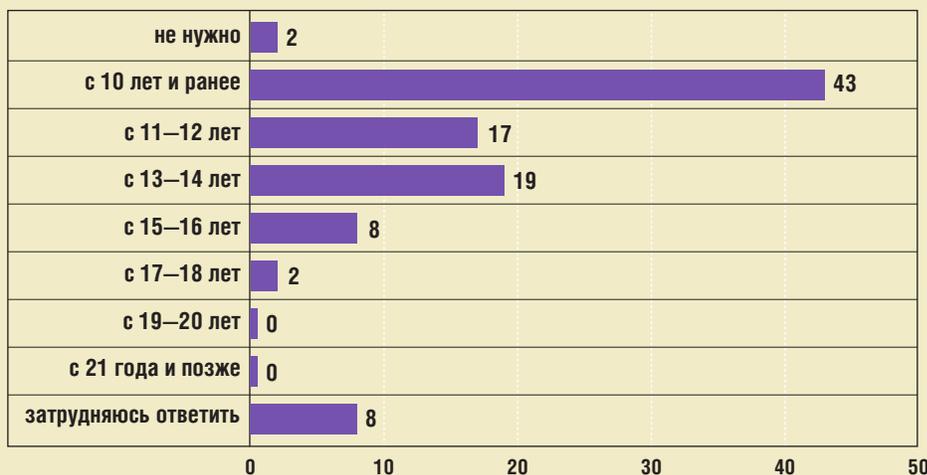

Как Вы считаете, сегодня россияне достаточно или недостаточно знают о том, что такое СПИД, как передается ВИЧ-инфекция, как предохраняться от нее?

■ достаточно
■ недостаточно
■ затрудняюсь ответить

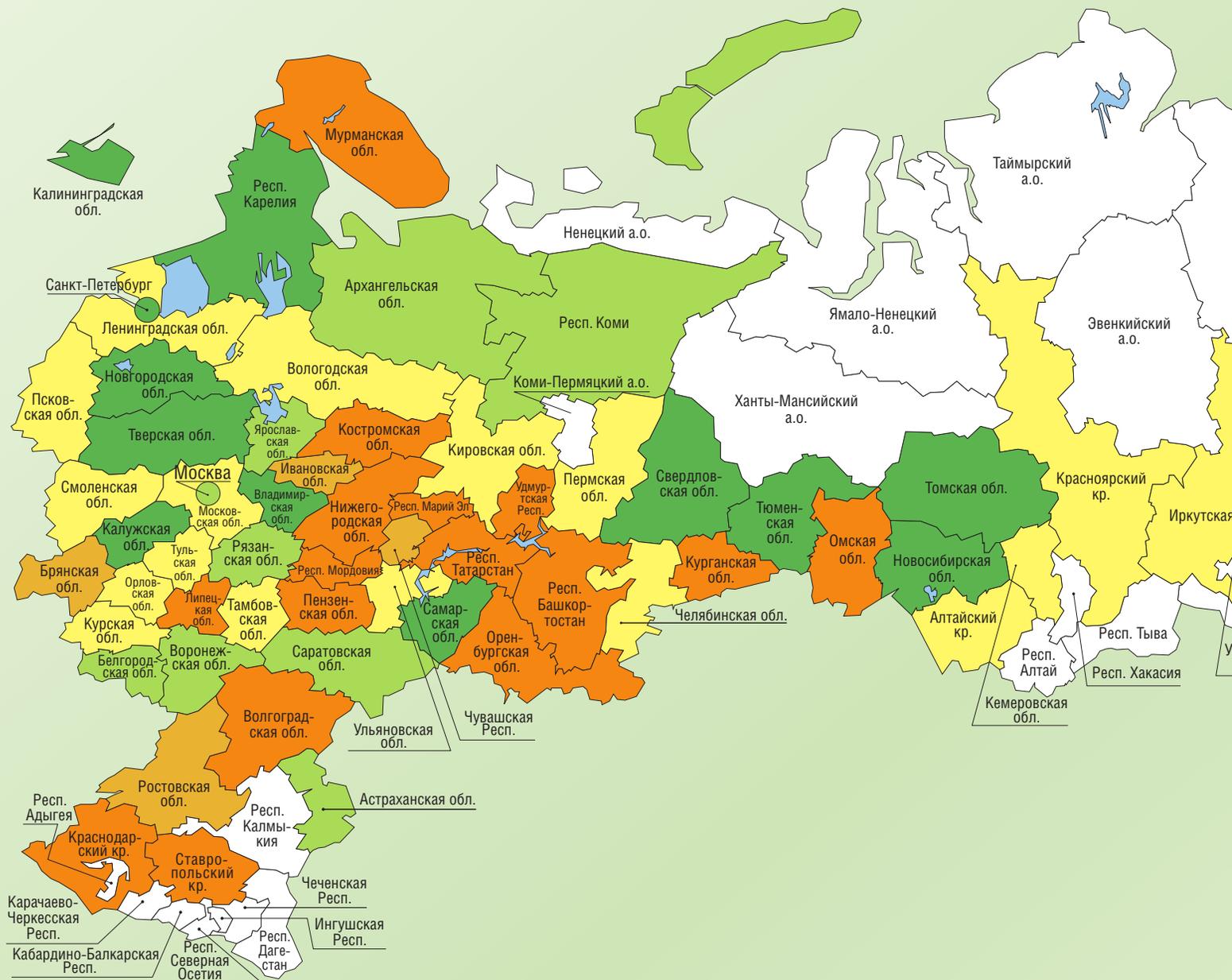
На Ваш взгляд, нужно или не нужно информировать каждого человека о том, что такое СПИД, как передается ВИЧ-инфекция, как предохраняться от нее? И если нужно, то с какого возраста следует начинать информировать?

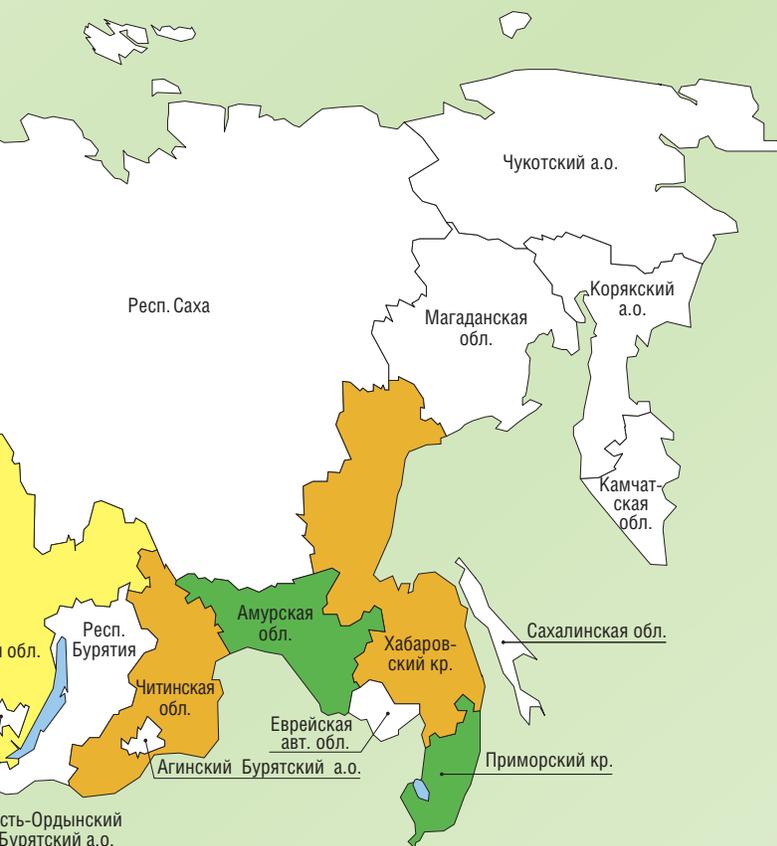
На графиках представлены данные опроса от 2—5 мая 2006 года. Выборка: 1500 человек.

Жилищные условия россиян

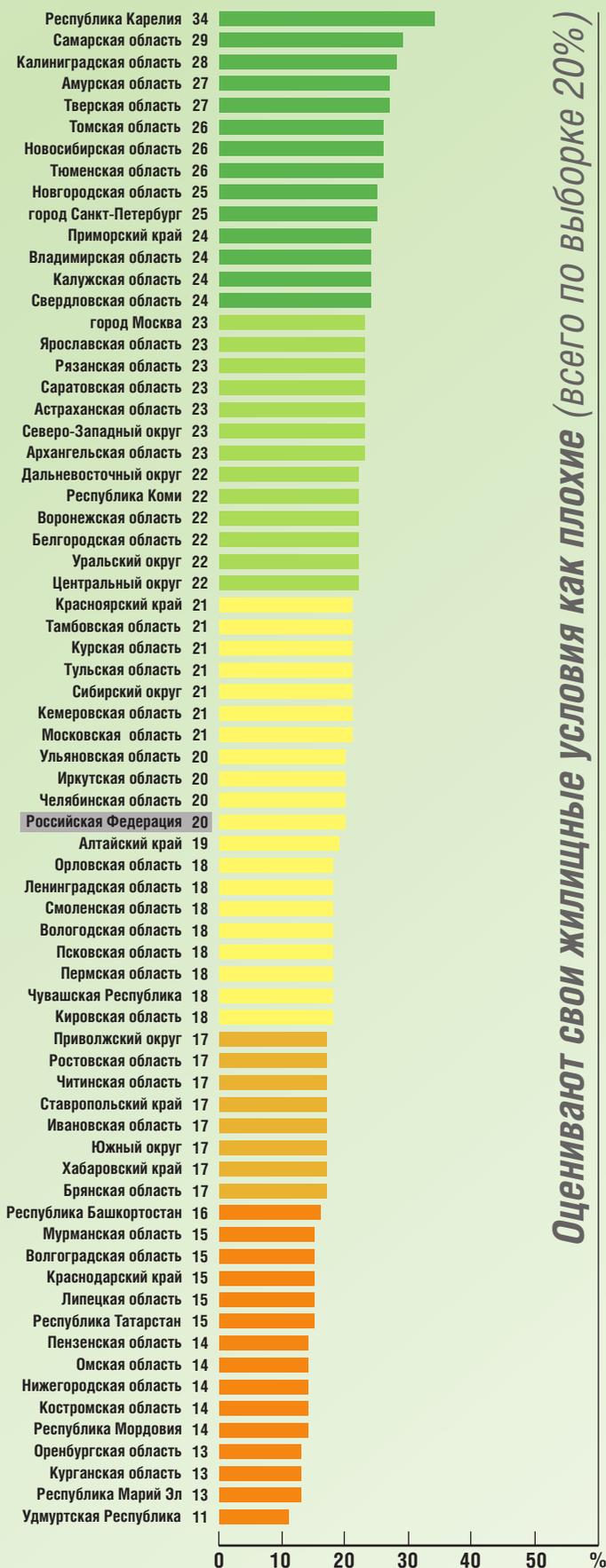
Оценивают свои жилищные условия как плохие

Доля от числа опрошенных, %	
менее 16	от 22 до 23
от 16 до 17	24 и более
от 18 до 21	опрос не проводился

Как бы Вы оценили Ваши жилищные условия — как хорошие, терпимые или плохие?

Оценивают свои жилищные условия как плохие (всего по выборке 20%)

Многоженство в России?

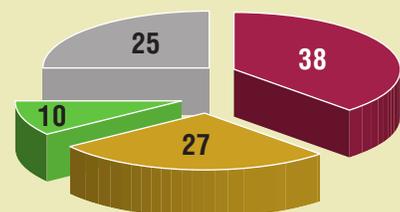
Данные в % от населения

Сегодня в некоторых странах мира официально разрешено многоженство: мужчина имеет право состоять в браке одновременно с несколькими женщинами. В России многоженство законодательно запрещено, но время от времени некоторые политики высказываются за разрешение многоженства в нашей стране. Если в России многоженство будет разрешено, как Вы лично к этому отнесетесь — положительно или отрицательно? Или Вам это в целом безразлично?

* Вероисповедание респондента определялось по ответам на вопрос: "Считаете ли Вы себя верующим человеком? Если да, то к какой религии Вы себя относите?"

Как Вы считаете, кому многоженство принесло бы больше пользы, выгоды — мужчинам или женщинам? Или оно не принесло бы пользы, выгоды ни тем, ни другим?

■ мужчинам
■ женщинам
■ ни тем, ни другим
■ затрудняюсь ответить

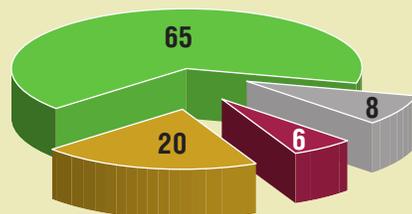
Как Вы думаете, кто-либо из знакомых Вам мужчин захочет или никто не захочет официально вступить в брак с несколькими женщинами одновременно, если это будет разрешено законом?

Как Вы думаете, кто-либо из знакомых Вам женщин захочет или никто не захочет официально стать одной из нескольких жен мужчины-многоженца, если это будет разрешено законом?

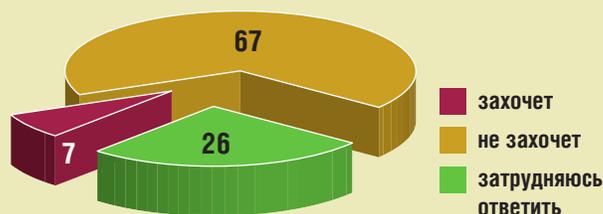

А если в России женщинам будет разрешено иметь одновременно нескольких официальных мужей, то как Вы к этому отнесетесь — положительно или отрицательно? Или Вам это безразлично?

■ положительно
■ мне это безразлично
■ отрицательно
■ затрудняюсь ответить

Как Вы думаете, кто-либо из знакомых Вам женщин захочет или никто не захочет официально вступить в брак с несколькими мужчинами одновременно, если это будет разрешено законом?

■ захочет
■ не захочет
■ затрудняюсь ответить

На графиках представлены данные опроса от 25–26 февраля 2006 года. Выборка: 1500 человек.

→ *Окончание статьи.*

По всей видимости, здесь мы наблюдаем общекультурную привычку российского человека воспринимать функцию и личность, профессию и ее представителя как единое целое. Одно из следствий этого – продемонстрированная в ответе респондентки склонность судить о профессионализме адвоката по его человеческим качествам. Другое следствие – распространенная уверенность, что в своей профессиональной деятельности адвокат должен руководствоваться общесоциальными нормами морали и личным мнением о клиенте (подробнее об этом – несколько ниже). В итоге адвокатам вменяют в профессиональную обязанность отделять агнцев от козлиц, а невинно пострадавших – от негодяев. Впрочем, многие респонденты придерживаются мнения, что адвокаты – как, к примеру, и врачи – не имеют права на личное отношение к клиенту и что адвокатская профессиональная этика лежит по ту сторону добра и зла.

Защитник или представитель? Роль и функции адвоката

Обобщая данные исследования, можно выявить два образа профессии адвоката, два разнонаправленных представления о его роли и, соответственно, функциях: адвокат как защитник (а защищать, естественно, можно и нужно только пострадавших) и адвокат как посредник. Особенно ярко и детально эти образы выявились на фокус-группах.

Одни участники групповых дискуссий, излагая свои представления о данной профессии, говорят главным образом о роли адвоката в уголовных процессах и о его задаче добиться оправдания обвиняемого (некоторые прямо подчеркивают – “несправедливо обвиненного”).

“В основном с криминалом связано. То есть если слышишь слово «адвокат» – первым делом ассоциация с уголовщиной” (ДФГ, Новосибирск).

“Адвокат – это защитник несправедливо обвиненных” (ДФГ, Самара).

“Участник: Ну, адвокат должен как бы справедливость соблюдать. <...> Защищать – это один вопрос, а он же здесь за справедливость борется.

Модератор: За какую справедливость? Что значит – за справедливость борется?

Участник: Ну, если человека несправедливо судят, адвокат должен его выручать из этой ситуации. Охранять права человека” (ДФГ, Москва).

“1-я участница: Он [адвокат] очень должен понять, в чем этот человек виноват или, наоборот, не виноват, и помочь ему <выпутаться> из того или другого положения. Потому что человека осуждают – ему должны будут, допустим, вот срок назначить какой-то, и вот адвокат – именно его защитник, он должен все это взвесить и понять, в чем тут корень зла-то, виноват этот человек или...”

Модератор: Скажите, это действительно дело адвоката: разбираться – виноват человек или не виноват? Или это не его задача?

2-й участник: Ну как, это его прямая задача.

1-я участница: А для чего он тогда берется за дело?” (ДФГ, Москва).

Обратим внимание: в рамках такого представления об адвокате последний наделяется правом еще до заседания суда выносить собственный вердикт о действительной виновности или невиновности человека. Более того, принятие тако-

го решения считается частью его непреложных обязанностей, одним из этапов работы с клиентом.

Другие респонденты вспоминают, что адвокаты должны не только добиваться снятия обвинения, но и следить за соблюдением прав своего подзащитного, что они работают в том числе по гражданским искам, могут не только выступать в суде, но и консультировать по правовым вопросам.

“Кроме знания законов, в процессе следствия адвокат наблюдает за тем, чтобы эти законы исполнялись относительно его подзащитного, поскольку у нас зачастую права граждан нарушаются изначально, еще до суда. <...> Также в обязанности адвоката входит консультация граждан, которые обращаются, столкнувшись с несправедливостью в обычной жизни. Что они могут предпринять для своей защиты, для восстановления справедливости” (ДФГ, Новосибирск).

“Очень много сейчас вопросов, ну, насущных, будем считать... как квартирные, семейные отношения, отношения на работе – их фактически можно решить только через адвоката, через суд, естественно. Не каждый в состоянии свои интересы защищать лично. <...> Это нужен именно профессионал” (ДФГ, Самара).

С этой точки зрения адвокат выступает не орудием правосудия, а посредником между человеком и судебной системой, представителем интересов клиента (судить о “благородности” которого адвокат не вправе).

“Я считаю, что этот человек [адвокат] – помощник, посредник. Представитель в суде, с каждым человеком” (ДФГ, Самара).

“<Адвокат> представляет мои интересы в органах правосудия и отстаивает мою точку зрения вне зависимости от того, правильная она или неправильная” (ДФГ, Самара).

Позволим себе привести пространное, но довольно нетривиальное рассуждение одного из участников дискуссии, разделяющего представление об адвокате как посреднике. По его мнению, адвокат помогает гражданину защитить себя перед государством и потребность в адвокатах возникает только тогда и постольку, когда

и постольку государство снимает с себя патерналистские функции прямой опеки. Посему, считает этот респондент, адвокат должен в определенной мере уподобляться служителю церкви – помогающему и праведникам, и грешникам и отвечающему только перед Богом.

“...Вообще-то <адвокат> – посредник между государством со всей его машиной – иногда жестокой, иногда заботящейся о нем, иногда ласковой – и человечкам. <...> Как церковь отделена от государства, так вроде бы адвокатура тоже должна быть отделена. Ведь никто же не имеет права сказать адвокату: не защищай, пусть его посадят. Поэтому хотелось бы, конечно, видеть его в роли того же самого батюшки, который только перед Богом в ответе... Потому что 15 лет государство, которое я застал, оно знало, сколько мне нужно колбасы, хозяйственного мыла и прочее... Все было рассчитано. И государство на себя эти обязанности брало: не надо тебе защищаться, я тебя буду защищать. И если ты чего-то нарушишь, я тебя само накажу так, чтобы неповадно было. Адвокат был нужен толь-

ко для того, чтобы подписать обвинительное заключение, – и все, на этом закончим” (ДФГ, Самара).

Двум образам профессии адвоката соответствуют два подхода к оценке адвокатской практики.

Одни смотрят на работу адвокатов с точки зрения того, насколько она способствует приумножению добра в мире и установлению справедливости – то есть защите добропорядочных граждан и наказанию негодяев.

“Нет, ну конечно, положительное <отношение к адвокатам>. Потому что вроде как адвокат прежде всего несет добро, он защитник” (ДФГ, Новосибирск).

“Доброе дело людям делают. Это разве не доброе дело, если защищает человека?” (ДФГ, Москва).

“Я как бы двояко <отношусь к адвокатам>. С одной стороны, он ищет что-то хорошее в преступнике. <Но с другой,> это плохой человек: он [преступник] идет против общества – и он [адвокат] все равно защищает его” (ДФГ, Новосибирск).

По мнению других, адвокат – это просто человек, который делает свою работу, и к его работе неприменимы категории общесоциальной морали.

“Я всегда за адвокатов, только за. Никаких против. А почему? Адвокат – это просто человек, который делает свою работу. Какое может быть к нему отношение вообще дурное? Почему? С какой стати?” (ДФГ, Новосибирск).

“Так он же негодяев защищает кругом – какое же доброе дело? Вон в Беслане – что же, доброе дело делает? Здесь не должно быть категорий добра и зла” (ДФГ, Москва).

Кого защищать? Представление о профессиональном долге и этике адвоката

С представлениями о сути профессии адвоката – защите от несправедливого суда или посредничестве между судом и гражданином – напрямую связаны представления о круге его потенциальных клиентов. Однозначного мнения по этому поводу среди участников массового опроса и дискуссионных фокус-групп нет. Одни считают, что людям, обвиняемым в совершении тяжких преступлений, адвокат не положен, и что адвокат должен отказаться от защиты человека, если его вина очевидна. Другие считают, что адвокат обязан защищать любого обвиняемого, вне зависимости от собственного мнения о его виновности или невиновности (более того – что на подобное мнение адвокат не имеет права).

В массовом опросе мнения распределились следующим образом. 69% опрошенных склонны думать, что адвокат должен быть предоставлен любому находящемуся под следствием человеку, независимо от того, в каком преступлении его обвиняют; 18% считают, что бывают случаи, когда подследственному не следует предоставлять адвоката. О том, что адвокат должен браться за защиту любого обвиняемого, вне зависимости от собственного мнения о справедливости обвинения, говорят 51% респондентов, доля сторонников альтернативной точки зрения – адвокату следует защищать только тех, кого он считает несправедливо обвиненными, – 24%. При этом 64% опрошенных не осуждают тех адвокатов, которые, считая обвинение справедливым, все равно берутся защищать подследственного, 20% – осуждают.

Претензии к уровню профессионализма российских адвокатов участники опроса высказывали намного реже, чем претензии к их образу действий, принципам, моральному облику

Обратить 4 строчки, чтобы влез текст:

“Модератор: Есть ли среди вас такие, кто все-таки мог бы в каких-то ситуациях согласиться с тем, что при совершении каких-то преступлений определенных каким-то людям не должна предоставляться адвокатская помощь?”

Обратим внимание на любопытную деталь: заметная доля участников опроса (а именно 14%) убеждены, что предоставлять человеку адвоката нужно вне зависимости от инкриминируемого ему правонарушения, но при этом настаивают на том, что адвокат должен защищать только тех, в чьей невиновности уверен. Можно предположить, что это как раз те респонденты, кто возлагает на адвокатов часть функций суда и считает их прямой обязанностью разобраться, справедливо ли предъявленное обвинение.

Рассмотрим подробнее стоящие за приведенными распределениями ответов соображения и мотивы и начнем с того, в каких случаях, по мнению респондентов, адвоката человеку предоставлять не следует. Как свидетельствуют ответы на соответствующий открытый вопрос, участники массового опроса под такими случаями подразумевают либо обвинения в совершен-

нии особо тяжких преступлений (убийство, изнасилование, участие в террористической акции и т. д. – по-видимому, здесь виновность человека считается как бы не требующей доказательств), либо ситуации, когда “вина очевидна”, преступник пойман с поличным.

“Для серийных маньяков, террористов”; “извергам, которые убивают или издеваются ни за что над невинными людьми, адвокатов не следует предоставлять”; “за обвинение в очень жестоком преступлении”; “детей насилюют, убивают – их надо судить сразу, без суда и следствия”; “какое-нибудь сверхзлодеяние, какому-нибудь отморозку”; “как Чикатило – им не нужно предоставлять адвоката” (открытый вопрос; 13%).

“В том случае, если абсолютно доказуемо, что это, например, убийца, нечего тратить деньги напрасно”; “если его на месте преступления взяли”; “когда убийство совершено именно этим человеком”; “зашел и убил ребенка, и это доказано свидетелями”; “если человек однозначно виновен” (открытый вопрос; 2%).

Подобная точка зрения была озвучена и некоторыми участниками фокус-групп.

“Те маньяки, которые детей, женщин, стариков просто убивают ради жидля, те, кто распространяет наркотики, им – однозначно никаких адвокатов. Рецидивисты какие-то особо опасные. Я считаю, что им не нужны адвокаты. Им просто нельзя давать адвокатов. Без суда и следствия к стенке, и все” (ДФГ, Новосибирск).

“Нет, ну, если человека застали на месте преступления конкретно, доказывать не нужно ничего, – зачем ему адвокат?” (ДФГ, Новосибирск).

Как видим, здесь не принимаются в расчет соображения о презумпции невиновности и о том, что в самом тяжком преступлении могут обвинить по наговору или по ошибке; не играют роли и доводы о существовании возможных смягчающих обстоятельств и о необходимости разных взглядов на ситуацию для адекватной ее оценки. Респондентам, придерживающимся такой позиции, представляется, что еще до суда возможно абсолютно однозначно установить виновность или невиновность человека, – и невиновным адвоката предоставить, а виновным в праве на него отказать. Такая трактовка правосудия отличается не только односторонним морализмом, но и жесткой репрессивностью – преступников нужно не судить, а карать.

1-я участница: *Абсолютно согласна. <...> Если вина доказана, и в зависимости от совершенного преступления.*

2-й участник: *А кем доказана?*

3-я участница: *Так в том-то и дело, что без адвоката это не получится.*

1-я участница: *Вот именно адвокат на суде, я имею в виду.*

3-я участница: *Так а суд-то и устанавливает виновность.*

1-я участница: *Пусть сразу выносит приговор*” (ДФГ, Новосибирск).

“Участник: *Пожалуйста, Чикатило – 56 убийств, какой может быть ему адвокат?*

Модератор: *Пока ловили Чикатило, до того как вышли на него, арестовали много других людей. Кого-то арестовали просто, кто-то просто сидел какое-то время, потом был отпущен, кто-то покончил самоубийством, потому что думали, что это он – насильник и убийца.*

Участник: *Но это же дело следствия, а не адвоката*” (ДФГ, Москва).

“Участница: *Это несправедливо. Ну, потому что, допустим, обсуждаем Чикатило – то он должен сидеть. Он [адвокат] должен как бы вот именно такого человека не защищать. Ну, я не знаю, понимаете, если бы это Чикатило, который, извините меня, погубил 56 человек, – за что его защищать?*

Модератор: *А если опять же на месте, опять же не дай бог, тот, кого взяли вместо Чикатило, оказался ваш близкий человек? Вы знаете, что он ничего не делал, а...*

Участница: *Ну вот для этого человека должен быть адвокат, но не для Чикатило*” (ДФГ, Москва).

Позиция, согласно которой совершившим особо тяжкие преступления адвокат не положен, подразумевает: единственная задача и обязанность адвоката – выгораживать подсудимого, убеждать суд в его невиновности, в определенном смысле вступая с судом в конфронтацию. Тот факт, что участие адвоката (наряду с прокурором) необходимо судье для выяснения обстоятельств дела, квалификации преступления, определения адекватной меры наказания, респонденты, придерживающиеся этой позиции, по всей видимости, не учитывают.

Те участники фокус-групп, кто не был согласен с вышеизложенной точкой зрения и настаивал на том, что предоставлять адвоката надо вне зависимости от характера преступления, мотивировали свое мнение как раз тем, что человека могут оговорить; что адвокат поможет объяснить ситуацию, толкнувшую на преступление; что он необходим для контроля за соблюдением прав подсудимого; наконец, что право на защиту – конституционное право каждого гражданина. Некоторые подчеркивали, что какой бы очевидной ни казалась виновность человека, установить ее можно только в результате детального разбирательства.

“Кто сказал, что он погубил? Показания уже сейчас меняются, многие отказываются. Вчера видели и помнили, что он, сегодня – уже нет, не знают, показалось, может быть, и не было его в школе”⁴ (ДФГ, Москва).

Половина респондентов считают, что адвокат должен браться за защиту любого обвиняемого, вне зависимости от собственного мнения о справедливости обвинения; сторонников альтернативной точки зрения – адвокату следует защищать только тех, кого он считает несправедливо обвиненными, – вдвое меньше

⁴ Речь идет о Н. Кулаеве, над которым во время опроса проходил суд.

И еще одно соображение, высказанное сторонниками мнения о необходимости предоставлять адвоката любому подсудимому: это нужно “на всякий случай”, так как провести четкую границу между достойными и недостойными защиты невозможно.

“А потом еще лучше на всякий случай, чтобы во всех делах были адвокаты, потому что если мы решим, что хотя бы когда-нибудь адвокат не нужен, то мы потом не сможем выбрать, когда он нужен, а когда не нужен. И уже из-за этого начнутся, так сказать, коррупция, взятки и все такое, уже пойдет борьба на этом уровне” (ДФГ, Москва).

В ходе дальнейшего обсуждения темы на фокус-группах эти же респонденты говорили, что адвокат необходим для нормального функционирования судебного процесса, и, судя по их высказываниям, отводили ему чисто техническую роль – роль противовеса обвинению (которое может быть и зачастую бывает необъективным).

“Модератор: Как вам кажется, система дебатов между обвинителем и адвокатом скорее помогает или мешает судье вынести справедливый приговор?”

1-я участница: *В некотором смысле помогает. Прокурор обвиняет, адвокат ищет причину, почему это произошло, как это произошло, и находит свои аргументы.*

2-й участник: *Помогает, потому что не может быть безгрешной ни одна сторона. Либо прокуратура где-то сроки поджала, выдала обвинительное заключение – прореха на прорехе.*

3-й участник: *Два мнения при наличии улик, подтверждающих это... может, обычный человек просто, который оступился. Есть человек – озлобился или крыша поехала, но нельзя же сказать, что это объективно.*

4-я участница: *Конечно, помогает: адвокат говорит свое, прокурор – свое.*

5-я участница: *Именно в этом споре и рождается истина – детали различные, тонкости...*

3-й участник: *Судья – на законодательных актах, прокурор – профессионал с документами, со своими комментариями, адвокат – со своими. Судье все это знать не надо. Это помогает освоиться, он просмотрит, это осваивается с этих дебатов. Он, конечно, знакомится с делом, но обычно это составляется кратко”* (ДФГ, Самара).

Более того, некоторые утверждали, что по “правилам игры” и адвокат, и прокурор просто обязаны быть необъективны – дескать, у каждого своя работа, своя задача.

“Его [адвоката] задача – это сделать так, чтобы этому человеку дали как можно меньше. Это же игра добра и зла, черное и белое, в данном случае он выступает белым. <...> Эти люди – они основываются на законе, но делают некое шоу, вот и все. То есть у одного задача в этом шоу – замочить, у другого – оправдать” (ДФГ, Москва).

Что касается участников массового опроса, то среди них большинство считают, что дебаты между обвинителем и адвокатом помогают, а не мешают судье вынести справедливый приговор (60% против 18%). Большинство опрошенных (65%) склонны также думать, что адвокат должен не только защищать ин-

тересы своего клиента, но и заботиться об объективном рассмотрении дела. Впрочем, доля тех, кто утверждает, что дело адвоката – исключительно защита интересов клиента и что заботиться об объективности он не обязан, также не столь уж мала – 22%.

“Адвокаты дьявола”. Нужно ли защищать виновного?

Соображения, согласно которым респонденты приписывают адвокату долг защищать любого подсудимого или же только тех, кого он считает обвиненными несправедливо, в целом предсказуемы и сходны с рассмотренными выше. Поэтому приведем только один прозвучавший на фокус-группе диалог, участник которого доказывает, что профессиональная этика адвоката (как, впрочем, и этика многих других профессий) не подразумевает каких-либо различий между преступниками и добропорядочными гражданами, – диалог пространный, но яркий и безусловно заслуживающий внимания.

“1-я участница: Мне кажется, что врач обязан лечить больного, даже если тот убийца, насильник, гад... Так же и адвокаты...”

Модератор: А как же совесть?

2-й участник: А какая совесть? Профессия вне совести, все нормально. Нет, но здесь же нет добра и зла. Это абсолютно нормально, ты не должен полагаться на какие-то чувства и все прочее, руководствоваться совестью.

Модератор: А как же общечеловеческая этика?

2-й участник: Какая этика, о чем вы, какое такое зло? Тебе важно защитить человека любым способом, вот и все.

Модератор: А если он мерзавец?

2-й участник: Какая тебе разница?

1-я участница: Это не тебе решать – мерзавец он или нет.

2-й участник: Мерзавец – решает суд. Он прекрасный, душевный человек, даже если он тебе рассказал, что до этого он убил 50 человек, – он пошутил. Ты должен сделать так, чтобы он оказался невиновен.

Модератор: А если ты знаешь, что он виновен?

2-й участник: Ну откуда ты знаешь?

Модератор: Он тебе сказал: я действительно виновен, но я хочу отсюда выйти, твое дело сделать так, чтобы они все подумали...

2-й участник: Твое дело – доказать, что он невиновен.

Модератор: Так он убил же 56 человек?

2-й участник: Ну что теперь? Работа такая.

Модератор: И выпустить его на свободу, защитить?

2-й участник: Разумеется. Но врачи же тоже лечат убийц...” (ДФГ, Москва).

С подобных позиций отказ адвоката от защиты человека, которого он считает виновным, воспринимается как свидетельство профнепригодности, невыполнение прямых служебных обязанностей.

“Модератор: А какое отношение вызывают адвокаты, которые отказываются защищать людей, в виновности которых они уверены?”

“Адвокаты дьявола”.
Нужно ли защищать
виновного?

Участник: У меня – отрицательное. Потому что если меня на улице грабят, наряд милиционеров проходит, я кричу: «Милиционер, защити – не видишь, меня грабят!» А он говорит: «Не нравишься ты мне». Это говорит о его не-профессиональности. <...> Да, я виноват. Я на улице наехал на пьяного пешехода. Он говорит: я уверен, что ты виноват. Вот справка есть из ГАИ, что ты виноват. Какой же он адвокат? Только ангелов защищать? Он даже не адвокат” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Некоторые кровь не могут видеть – извините, не работайте врачом, до свидания. <...> Нет, ему нужно сменить работу.

2-й участник: Конечно, ему нужно сменить работу.

Модератор: Почему?

2-й участник: Он хороший человек, но хороший человек – это не профессия” (ДФГ, Москва).

Достойно быть процитированным и такое высказывание одного из участников самарской фокус-группы: “Это не призвание – адвокат. Это работа”, – дескать, рутина есть рутина, и нечего искать в ней приятное или возвышенное.

Некоторые, впрочем, занимали не столь жесткую позицию и признавали профессиональное и человеческое право адвоката самому решать, за чье дело браться, а за чье – нет.

А вот те респонденты, кто считает, что адвокатам следует защищать только невиновных, нарушение такой максимы воспринимают как проявление нечистоплотности, продажу совести.

“Модератор: А вообще какое отношение у вас вызывают адвокаты, которые берутся за защиту подсудимых, в виновности которых они уверены?”

Участница: Какая-то, наверное, нечистоплотность, что берется все-таки за эту грязь, зная сам...

Модератор: А какое отношение вызывают у вас адвокаты, которые отказываются защищать людей, в виновности которых они уверены?”

Участница: Ну, если я знаю, что обвиняемый человек недостоин, я скажу: вот какой молодец адвокат. То есть не купился там ни на какие посулы” (ДФГ, Новосибирск).

Примечательно, кстати, что применительно к адвокатам укеры в “продажности” – это, как правило, укеры именно в беспринципности: “за деньги защищают кого угодно”. Некоторым, складывается впечатление, претит сама идея, что адвокаты получают деньги за свои услуги.

“Все деньги собирают, бесплатно ничего не делают”; “защищают только тех, кто больше заплатит”; “не доверяю российским адвокатам – они работают только за деньги”; “по-моему, они сейчас занимаются тем, что защищают тех, у кого есть деньги, а простого безденежного человека никто не защищает” (открытый вопрос).

Неудивительно: коль скоро многие желают видеть в адвокатах борцов с несправедливостью, защитников пострадавших, героев, превращение адвокатской практики в источник дохода неизбежно будет вызывать у таких людей возмущение и негодование.

Методы работы: согласно закону или в обход закона

При этом, что характерно, некоторые считают для адвоката допустимым в целях защиты “хороших людей” обходить закон.

1-я участница: *Иногда порой бывает нужно в каких-то маленьких погрешностях обойти закон для того, чтобы защитить человека.*

2-я участница: *В этом и специальность, специфика – чтобы обойти.*

1-я участница: *Это маленькая тень, наверно, адвоката, что деятельность его все-таки связана с ложью, но в его профессиональной деятельности, мне кажется, <без этого> просто не обойтись, иначе он просто будет проигрывать все дела” (ДФГ, Самара).*

Вообще надо сказать, что и те участники фокус-групп, кто считает адвокатов обязанными защищать любого, и полагающие, что они должны защищать только невиновных, в большинстве своем допускают: адвокат может и должен использовать не только законодательство, но и другие средства – законодательные лазейки, психологические уловки, связи.

“У них очень изощренный должен быть ум... У них в голове должен быть весь процессуальный кодекс и все лазейки, которые возможны. Он должен как бы сразу это представлять, хороший адвокат” (ДФГ, Новосибирск).

1-й участник: *А почему бывший судья – хороший адвокат? Если он работает в том же, допустим, районе, в том же суде, он уже знает всех судей, ему проще договориться напрямую.*

2-й участник: *Связи – тоже немаловажная вещь.*

3-я участница: *Да, связи они должны иметь.*

4-й участник: *Знакомства.*

3-я участница: *Не только с судьями, но и с прокурорами.*

4-й участник: *Да и с криминальными лицами” (ДФГ, Новосибирск).*

“...Заморочить всех подряд, и запутать, и сделать так, чтобы ты оказался на коне. Вот и все. <...> Их задача – сделать так, чтобы люди поверили тебе. Показать, что все вокруг, противоположная сторона – это дураки” (ДФГ, Москва).

Но некоторые, напротив, оговаривают, что используемые адвокатом методы защиты не должны выходить за пределы законности. Например, один из участников фокус-группы отстаивал мнение, что изначально работа адвоката не подразумевает непорядочных поступков, а если он начинает действовать в обход закона – это и есть профессиональная непорядочность.

“<Непорядочность в работе адвоката> – любой не предусмотренный законом поступок. Ну, не то что непредусмотренный, а может быть, и предусмотренный... Вообще-то, действия адвоката – должно по закону быть всё расписано, что и когда он говорит. <...> То есть если он нарушает закон, это и есть его непорядочность” (ДФГ, Новосибирск).

Подведем итог. Как мы видим, сегодня в сознании российских граждан существуют два представления о профессии адвоката, в определенном смысле противоположные друг другу. С одной точки зрения, вполне органичной для российской правовой культуры, адвокат видится человеком выдающихся моральных достоинств, избравшим себе благородное занятие – защищать несправедливо обвиненных людей. С другой точки зрения, менее свойственной россиянам,

Убрать одну строчку на этой или на след. стр.

адвокат – фигура не героическая, а функциональная, обеспечивающая представительство интересов сторон в суде и сбалансированность судебного разбирательства по любому делу. Основное различие между этими представлениями об адвокатах – решение вопроса о соотношении профессиональной этики с общесоциальной. И не сказать, чтобы взгляд на профессию адвоката с позиций морали доминировал в обществе: все же и участники массового опроса, и участники групповых дискуссий чаще были склонны признавать неотъемлемость права подследственного на адвоката, чем кому-либо в таком праве отказывать. Распространенность мнения, что адвокат действует в интересах клиента, а не органов правосудия, также не подлежит сомнению.

Достоин внимания тот факт, что в ходе фокус-групп об адвокате-защитнике говорили, как правило, те респонденты, для которых образ адвоката связан в основном с практикой ведения уголовных дел, а об адвокате-посреднике – те, кто вспоминал о роли адвокатов в рассмотрении гражданских исков. Возможно, по мере того как практика обращения к адвокатам для разрешения имущественных, трудовых и других споров будет становиться в нашей стране более популярной, посредническая и представительская функции профессии окажутся очевидными и осознаваемыми.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Юмор на телевидении

Телевизионный юмор востребован российскими зрителями и в целом отвечает их вкусам. Большинство граждан более или менее регулярно приобщаются к юмористическим программам: 18% смотрят их постоянно (прежде всего это респонденты, не получившие среднего образования, – 28% из их числа), 40% – часто. Лишь 6% опрошенных заявили, что они вообще не интересуются юмористическими телепередачами, а 34% – что смотрят их редко.

По мнению большинства россиян, юмора на российском телевидении сегодня достаточно или более чем достаточно: 42% опрошенных считают, что его “столько, сколько нужно”, по мнению такой же доли респондентов (41%), его слишком много (это мнение чаще других высказывают люди с высшим образованием – 61%). Лишь 6% полагают, что юмористических телепередач слишком мало.

Что касается качества телевизионного юмора, то оно устраивает 58% респондентов. Наиболее высокий уровень удовлетворенности – среди молодежи (68%), людей с относительно низким уровнем образования (65%), малообеспеченных граждан (64%) и жителей сел (64%). Реже других

удовлетворенность телевизионным юмором выражают люди с высшим образованием (43%); они же чаще остальных заявляют о своем неприятии качества юмористических телепередач (50% против 30% в среднем по выборке).

Сравнивая современные юмористические программы с телеюмором советского периода и с передачами середины 90-х годов, люди чаще отдают предпочтение сегодняшним программам (35%). В два раза меньше (16%) – тех, кто сделал выбор в пользу советского юмора (прежде всего это пожилые люди – 29%). Что касается юмористических передач переломных 90-х годов, то им отдали предпочтение 8% респондентов (в первую очередь это люди с высшим образованием – 17%). Значительная доля опрошенных (42%) затруднились сделать выбор.

Наиболее популярным артистом юмористического жанра, судя по данным опроса, является Е. Петросян – 35% респондентов, отвечая на открытый вопрос, назвали его в числе артистов, которые им особенно нравятся. Лидирует Е. Петросян и в списке тех юмористов, которые респондентам не нравятся (12%). Популярность остальных активных фигурантов современной юмористической телеэстрады значительно ниже: Е. Степаненко отнесли к числу любимых артистов 15% опрошенных, М. Задорнова и М. Галкина – по 12%, Ю. Гальцева, Е. Воробей и “новых русских бабок” – по 10%.

Ирина Шмерлина

Общероссийский опрос населения 28–29 января 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

О хамстве и хаммах

Что в первую очередь приходит нам в голову, когда мы слышим слово “хамство”? Объясняя свое понимание этого слова в ответах на открытый вопрос, участники одного из опросов ФОМа чаще всего говорили о грубости, сквернословии и оскорблениях, унижающих достоинство человека (42%), о наглом, вызывающем поведении, как правило, связанном с агрессивностью и злостью (13%). Хамство ассоциируется с недостатком культуры и воспитания, распушенностью, “недоразвитостью совести” и “низким интеллектом” (16%). Довольно часто оно трактуется также как нарушение социальных и культурных норм во взаимоотношениях между людьми (эта тема так или иначе присутствует в высказываниях 22% опрошенных). По выражению участника одной из фокус-групп, проведенных параллельно с опросом, “когда человек хамит, он тем самым защищает себя от общества”.

Как полагают 55% наших сограждан, хамить недопустимо ни при каких обстоятельствах. Вместе с тем 35% респондентов полагают, что в некоторых случаях хамство бывает оправданно. На вопрос, приходилось ли им самим хамить, 48% участников опроса ответили утвердительно и 42% – отрицательно. Чаще других признавались в “некультурном” поведении жители Москвы и крупных городов (64 и 55% соответственно), респонденты с относительно высокими доходами (61%) и молодежь (63%).

Вообще же отвечать хамством на хамство, с точки зрения большинства

россиян (60%), недопустимо. Гораздо более правильными реакциями, судя по ответам на открытый вопрос об этом, представляются респондентам те или иные варианты игнорирования хамства: промолчать, не вступать в пререкания, уйти (38%) или же проявить сдержанность, дружелюбие, уступить и даже успокоить и простить хамящего (13%). О необходимости “активного” ответа говорили в целом 22% опрошенных, хотя “рецепты” предлагались самые разные: “надо отвечать тем же, чтобы выжить в настоящее время”; “молчать не надо”; “дать отпор, чтобы было неповадно”; “взять битую или пистолет”; “в рожу дать, и все”; “обратиться в милицию”.

Большинство респондентов полагают, что склонность к хамскому поведению не зависит от уровня образования (63%), достатка (51%) или возраста человека (49%). Те же, кто усматривает такую зависимость, считают,

что хамят по преимуществу люди молодые – 38% от-

ветов (для сравнения: средний и пожилой возраст называют в общей сложности 7%), обеспеченные – 28% (людей со средним достатком и бедных упоминают 10%), необразованные – 18% (на людей со средним и высшим образованием указывают 7%). По всей видимости, есть здесь и еще один параметр, который признается значимым: на одной из фокус-групп прозвучала мысль, что склонность “хамить, общаться как с быдлом” присуща людям, наделенным властью.

Иван Климов

Общероссийский опрос населения 8–9 октября 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

W A P O P

Как не съесть собаку

Интервью с Иваном Климовым об армии как экстремальной группе

Трагическая история с рядовым Андреем Сычевым окончательно лишила нас рутинного взгляда на одну из самых страшных социальных болезней – армейскую дедовщину. С какой бы стороны ни подойти – лишь бы решить проблему. Решение ищут общество, чиновники, эксперты. Об этом журналист Елена Яковлева беседует с социологом Иваном Климовым, чьи письма и дневники из армии вошли в книгу Константина Банникова о неформальной армейской жизни – “Антропология экстремальных групп”.

Мы из одной бригады

– Книга “Антропология экстремальных групп” – своего рода попытка взглянуть на армей-

скую жизнь изнутри. В этой книге приводятся Ваши письма и армейские дневники – как они туда попали?

– Мы с Костей познакомились на одной конференции. Он выступал с докладом об армии, излагал идею своей книги, а я с удивлением слышал до боли знакомые примеры. Оказалось, что мы с ним служили в одной бригаде в одно и то же время. И я дал ему свой архив.

– *Ваша мама очень сильно переживала, но не стала “отмазывать” Вас от армии после неудачи при поступлении в университет. Но именно она как социолог и подсказала способ выживания там – быть исследователем, вести вклю-*

ченное наблюдение и все подробно описывать в письмах и дневниках.

– Да. Это такая идея – быть Миклухо-Маклаем, наблюдать “их” нравы и жить “их” жизнью, но при этом оставаться представителем другого мира. Это помогало эмоционально дистанцироваться. Вначале это была игра, а потом – образ мыслей и гимнастика для ума. Ведь в армии при большой физической усталости голове катастрофически не хватает пищи.

– *Константин Банников относит армию к “экстремальной группе” – что это такое?*

– Это сообщество людей, в котором экстремальность задается не внешними обстоятельствами –

война, землетрясение, – а внутренней ситуацией: психологической, социальной. В армии, как и в зоне, собраны группы, которые сформированы недобровольно, люди не могут разойтись по собственному желанию. Но если в зоне “враг” реален, то в армии он, как правило, гипотетичен.

– **Как из этого всего произрастает дедовщина?**

– Дедовщина – “симбионт” армии. Дедовщина и армия – в симбиозе. Они друг без друга – как кишечные палочки без человеческого организма – не существуют.

– **Но вообще-то кишечные палочки – нужная вещь. А дедовщина?**

– Армия – институт, который выстраивается в том числе на идее насилия и агрессии. Насилие и агрессия входят в систему ценностей, которые организуют армейскую жизнь. Не надо прекраснодушно закрывать глаза на то, что агрессия как феномен присуща человеку.

– **И задача армии – развивать агрессию?**

– Нет, в армии многое направлено на то, чтобы сделать агрессию социально управляемой, окультурить, ограничить ее. Ну, напри-

мер, внушить, что правильно – проявлять агрессию по отношению к врагу и неправильно – по отношению к своей маме.

Братья по оружию

– **Армия обязательно предполагает насилие над человеком?**

– Да. Оно может быть более жестким в призывной армии, менее жестким – в контрактной, но все равно существует. Дело не только в том, что армия вторгается в твою биографию: тебя забирают и определяют содержание твоей жизни. Армия вторгается и в твою личность. Прежде ты был маменькиным сыночком, путешественником, “ботаником”, умницей, спортсменом – теперь ты солдат. Первое время в армии командиры сознательно, целенаправленно разрушают твою прежнюю идентичность и формируют новую, коллективную.

– **Что такое “коллективная идентичность”?**

– Вместе можно сделать то, что одному не под силу. Но важно другое: армия сначала занимается десоциализацией человека, затем – ресоциализацией. Сначала здесь признаются ничего не значащими все твои прежние навыки жизни

в обществе и твой статус, затем прививаются новые, иные навыки и присваивается новый статус. Здесь репрессированы мораль и эмоциональность – они неуместны. Но из-под запрета высвобождаются жесткость и агрессия, а нормой является активная лояльность, беспрекословное подчинение приказу. Так что через ломку идентичности проходят все. Теперь ты и есть армия. А система неформальных статусов – всех этих “салаг”, “черпаков” и “дедов” – это инструмент адаптации человека. Новичку размеряют его биографию в армии: так легче переносить ломку своей идентичности, статуса, привычек, мировоззрения.

– **Для него стараются?**

– В армии говорят: дембель неизбежен. Это – твоя надежда. Заступаешь в наряд, тебе говорят: бери тряпку – и пошел мыть сортир. Очень унижительная работа, но ее нужно делать: сортиром-то пользуются. Но, вручая тряпку, тебе обычно говорят: ничего, салага, дембель неизбежен. Тут – разметка твоей “вертикальной мобильности”: станешь “черпаком”, потом “дедом”, а потом – неизбежный дембель. А иначе ведь невыносимо

думать, что всю жизнь будешь чистить сортир. Такая психологическая защита.

– **И помогает?**

– По-разному. Много зависит как от ресурсов личности, так и от конкретной ситуации в конкретной части с конкретными людьми. Дедовщина рождается в том числе как одна из форм ресоциализации и трансформации представлений человека о самом себе и окружающих обстоятельствах. У Банникова во взводе дедовщины не было – просто потому, что он этого не хотел. И не хотел пускать армию “внутрь”.

Но кризис идентичности – очень серьезная вещь. Он чрезвычайно болезнен всегда, даже на гражданке. Я спортсмен, каждый день тренируюсь, режим, сборная, турниры... И вдруг у меня что-то произошло – я стал курить, у меня ухудшились показатели, меня вывели из основного состава... И в какой-то момент я уже не отвечаю своим представлениям о том, что я спортсмен. А кто я такой? Человек может сломаться, может, наоборот, стать агрессивным и бешеным, а может сделать себя заново.

Дедовщина против уставщины

– **Добровольная армия также подразумевает кризис идентичности?**

– Конечно. Военнослужащий – это новая роль, которой тебя никто не может научить. Кадровые офицеры тоже через это проходят в училищах.

– **А если человек не может пройти через этот кризис?**

– Ну, либо проходит, либо... Бежит? Кончат жизнь самоубийст-

вом? Но обычно в армии человеку помогают – с его участием или против его воли. Могут конструктивно, подхватывая его в критический момент, а могут – деструктивно.

– **Приведите пример конструктивной и деструктивной помощи.**

– У нас был парень, ну, такой какой-то... не очень толковый.

И прошел клин между ним и од-

ду набили, кто-то – что был просто разговор, что не надо над парнем издеваться, он такой, с этим уже ничего не поделаешь, только до госпиталя доведешь.

И Вы знаете, можно принять насилие “дедов” в отношении себя, если понимаешь, что они прикроют в случае чего.

– **То есть “деды” могут выступать защитниками солдат от чрезмерной уставщины?**

Армия – это сообщество людей, в котором экстремальность задается не внешними обстоятельствами – война, землетрясение, – а внутренней ситуацией: психологической, социальной

ним из командиров – тот стал его гнобить, по уставу. По уставу, например, тебя ставят в наряд до срока, при этом могут снять с наряда за провинность, и в этот же день ты опять заступаешь в наряд. И так продолжаться может – теоретически – бесконечно, потому что придраться можно ко всему. И летаешь по нарядам каждый день, спишь по четыре часа, а не как обычно, с десяти до шести. Проверяют постоянно... А если зима и нужно чистить плац от снега, а снег идет постоянно, значит, будешь целый день чистить этот снег. Парень этот не понимал службу, не понимал, что значит быть солдатом, был несообразительным, рохлей. И командир его насильно адаптировал. Жестокий способ. Так вот, “деды” вмешались и с лейтенантом, замучившим парня, разобрались. Кто-то говорил, что они ему мор-

– Это скорее исключительный случай. Но система неформальных отношений и норм всегда противостоит уставу. Даже сами офицеры любят повторять: не хотите по-человечески – будем по уставу. Устав – очень жесткая система, призванная в принципе регламентировать все, вплоть до нижнего белья на солдате и граммов масла за столом. Но люди настолько по-разному живут, думают, чувствуют, что ни один свод правил не способен все предусмотреть. И именно устав формирует дилемму – жить по-человечески или жить по нему. Уставщина не менее неприятная вещь, чем дедовщина. В случае уставщины невозможно придраться к лейтенанту, замучившему солдата нарядами. Он ответит: а он плохо выполняет свои обязанности дневального. Проступок? Проступок. Вина? Вина.

Моцарт – великий композитор
 – *Получается, все равно будешь поглощен – либо уставщиной, либо дедовищиной. Позиция вроде позиции солдата в “Сибирском цирюльнике”, что сопротивлялся своему капрану и настаивал на том, что Моцарт – великий композитор, практически невозможна?*

– Знаете, а того командира, которому на Моцарта “накласть”, тоже можно понять. Ему нужно воспитывать людей, нужна коллективная ответственность, нужно, чтобы каждый человек из взвода отвечал за другого, не был индивидуалистом. А с тем, что непонятно (вроде Моцарта), нет ни времени, ни сил разбираться. Там, в фильме, и тот, и другой правы. Это очень хорошая иллюстрация к нашему разговору. Солдат, с одной стороны, – физическая машина.

Но с другой – он все-таки имеет право быть “придурком” – человеком, способным жить своей напряженной внутренней жизнью. В любой бригаде есть такие “при-

венная служебка. Кроме комбрига, особиста и политотдельских, ходу туда никому не было. Все “придурки” из бригады собирались там. Водила, сержант из учебки, штабной, фельдшер, трубач и парень-художник, приписанный к музвзводу, двое ребят-электромонтажников. С кем-то мы познакомились в армейском магазине, когда потянулись за одной и той же книгой... На помойке нашел разбитую гитару, отремонтировал, художник ее покрасил, достали струны. Парень из хозвзвода приносил картошку, мы ее варили в чайнике. Нам было интересно друг с другом разговаривать, читали – книги хранились у меня, спорили чуть не до драки. Комната стала для нас важным элементом самоорганизации.

Листья не падают по команде
 – *Все равно отношения кажутся вывернутыми наизнанку.*

– Абсурд армейской жизни не случаен. Он связан с жесткой регла-

ляли десятка два птиц и развесили. Но по осени, как листья облетят, над головами раскачиваются птичьи тушки.

– *Нет, Гришковец все-таки изумительно описал картину и психологию армейского абсурда в пьесе “Как я съел собаку”!*

– Но в армии это все и воспринимают как абсурд. И в армейском эпосе и фольклоре отражают. Если люди над этим смеются, значит, смогли адаптироваться.

– *Вас не били в армии?*

– Жена тоже спрашивала... Били. И Банникова били. Учили субординации. Но и битье было разное. Как-то произошла буза, и весь наш взвод отправили посреди ночи чистить картошку, хотя нужды в этом не было. Мы пришли в столовую, легли на лавки. Я подумал: а зачем спать на лавке, пойду – тут рядом – в медпункт, на кушетке посплю. Но если бы пришел проверяющий, построил всех и недосчитался меня, возникла бы новая серия претензий ко всем. “Деды” потом мне это доходчиво объяснили, пару раз по-дружески, но чувствительно двинув. Я действовал как здравомыслящий человек, но по абсурдистской армейской логике был не прав. Если человек не в состоянии понять ее – его учат.

– *Могут ли офицеры повлиять на проявления дедовищины?*

– Могут. Но наша армия – единственная, где нет института сержантов. В американской армии солдатами занимается сержант, который живет с ними в одной казарме. У него – своя комната, но он рядом, он с солдатами ест, спит. Он профессиональный че-

Насилие и агрессия входят в систему ценностей, которые организуют армейскую жизнь. Не надо прекраснодушно закрывать глаза на то, что агрессия как феномен присуща человеку

дурки”. Они – маргиналы, их выпихивают на периферию групповых отношений как тех, кто не может, не хочет, не умеет участвовать в реализации доминантной системы отношений.

– *Вы были “придурком”?*

– Да. И мне повезло. У меня в какой-то момент появилась собст-

ментацией: трава должна быть зеленой, листья должны быть убраны. Но листья же не падают по команде. Там, где я служил, было много высоких деревьев, в них гнездились грачи и галки, и продукты их жизнедеятельности падали вниз. Это была большая проблема. Разрешили ее так: настре-

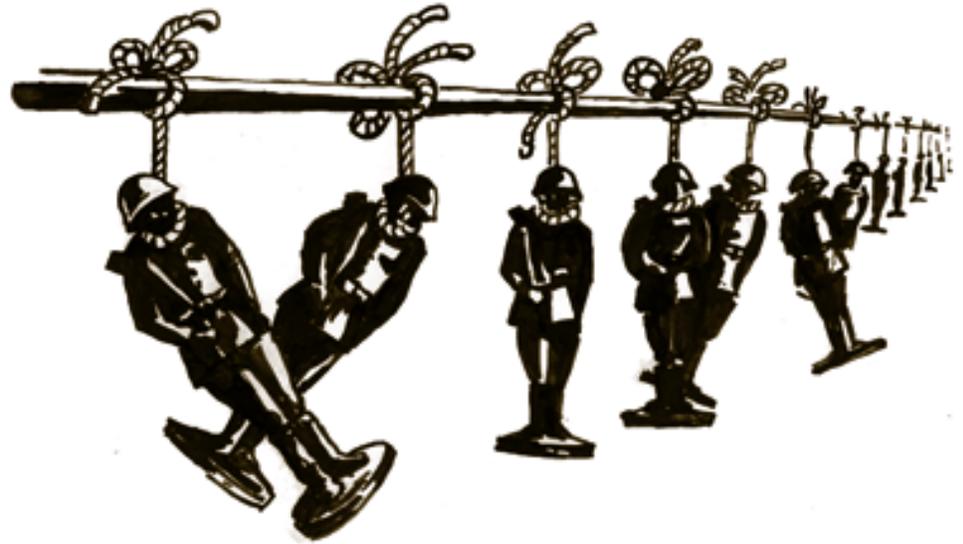
ловец, служит, получая за это деньги. У нас же сержанты выращены из солдат-срочников. А офицеры – у них тоже экстремальность существования и недостаток ресурсов. А им приходится справляться с фантастической социальной и культурной динамикой во вверенных им “экстремальных группах”. Откуда они знают, кто к ним пришел: может, судимый, а может, гений или и то, и другое – а все равно им жить вместе.

Обреченные на общение

– *Как общество сегодня воспринимает службу в армии?*

– Когда-то армию воспринимали как ступеньку вверх с новыми социальными возможностями, ну, как в фильме “Максим Перепелица”. Потом – как институт, который делает из тебя полноценного социализированного члена общества. (Отслужив в советской армии, а особенно став там кандидатом в члены партии, ты обретал какие-то бонусы.) Но есть еще и третье отношение к армии, постмодерное – оно распространено сейчас, когда служба в армии воспринимается как биографическое поражение: годы, вычеркнутые из жизни. Сейчас есть и то, и другое, и третье.

Однозначного отношения к службе в армии у общества никогда не будет. На нее можно смотреть и как на особый институт, в котором происходит быстрое формирование новых общностей. Представляете, каждые полгода состав обновляется, культурная динамика – фантастическая. Скорость культурного, психологического, социального об-

новления такая, какую на гражданке встретить фактически невозможно. Только вдумайтесь: люди все время меняются, у всех – жесткая десоциализация, кризис идентичности, все с этим стремятся справиться. Армия – специфический полигон для человеческих способностей. Человек в армии, например, обречен на тотальное общение. Это тяжелая психологическая проблема – невозможность уклониться от взаимодействия. В армии ты принципиально публичен – даже твоя тумбочка подлежит постоянному контролю и проверке. То, как люди справляются со стрессами, с собой, как выстраивают отношения с другими людьми в условиях авторитарного социума, какая внутригрупповая культура возникает, это, конечно, проблема, которой надо заниматься психологам, социологам, всем серьезным исследователям.

– *Что Вам не нравится в самых распространенных взглядах на дедовщину?*

– Иллюзия, что это казус, с которым можно справиться. Мы смотрим на явление как на случай, не понимая, что там, под водой, огромная жизнь. Узкая и жесткая понятийная рамка – “дедовщина – это плохо, искореним ее – будет хорошо” – мало чем может помочь.

– *Вы служили в конце 80-х.*

Армия изменилась?

– Армия и та, и не та. Она та же, потому что все равно осталась экстремальной группой, сообществом, живущим не по своей воле и в спрессованном социальном времени. И не та, потому что в последние 10–15 лет изменилась история, экономика, началась военная реформа, бум образования.

– *Общество вправе вмешиваться в то, что мы называем дедовщиной? Что можно сделать?*

– Все общественные и политические реформы, по большому счету, так и не сформировали новых эффективных форм контроля за ар-

мией. Появились комитеты солдатских матерей, но это общественные организации.

Мне кажется очень продуктивной идея симбиоза армии и образования. Люди, призванные в армию, должны знать: да, я иду в армию, но там я получаю современное, востребованное образование, возвращаюсь переводчиком, автослесарем, электро-монтажником, программистом... Нужны исследования состояния армии. Если существует институт независимых исследователей – психологов, антропологов, – это тоже своего рода форма контроля. Возможно, инструменты для решения таких проблем должны инициироваться Общественной палатой.

Важна работа журналистов – все случаи дедовщины должны быть преданы гласности. Но об армии нужно писать не от ЧП к ЧП. И сопровождать каждую историю до конца разбирательства.

Армия – не казус биографии

– *Армия плохо реагирует на общественное вмешательство.*

– Да, она боится общества. Она стремится схлопнуться и решать свои проблемы по своей логике и своему усмотрению. А общество боится армии – как тифозного барака, куда можно заходить только из милосердия. И еще – не нужно поддаваться иллюзиям. Например, надо понимать, что профессиональная армия всех проблем с дедовщиной не решит.

– *А почему добровольная армия – не выход?*

– Ну, пришел добровольно, а потом понял, что не твое, расквасился, хочешь все послать к черту – и не можешь. Ты в поезде – и не можешь выйти, не доехав до следующей остановки. И добровольности на этот момент уже никакой нет.

– *Вы не жалеете о том, что служили в армии?*

– Как правило, люди, служившие в армии, об этом не жалеют. Происходит фольклоризация своей

армейской жизни. Я не жалею потому, что включил ее в свою дальнейшую биографию. Костя Банников и я не стали профессиональными военными, но стали людьми, понявшими, как работает эта система. Моя армия – не биографический казус для меня. Я был в ней кем-то вроде социолога, Банников – антропологом, описывавшим особую культуру. Эта жизнь вызвала и у него, и у меня удивление и интерес, которые длятся до сих пор. Мне интересно исследовать не только этот институт, но и мои собственные мифы об армии, да и мифы о себе-солдате.

Мне кажется, человек будет жалеть о службе в армии, если она не даст понимания принципиально другой жизни, если она не останется чем-то вроде приключения: вроде как в каяке сплавляешься или с аквалангом ныряешь.

Иногда мне снятся сны – ко мне приходят из военкомата и говорят: “Вы не служили, Вам нужно идти на призывной пункт...”

К. Банников

Стойкие солдатики с оловянными глазами

Метаморфозы культуры в механическом социуме

Механический социум и механика социогенеза

“Если бы армия не была бы тюрьмой, не было бы заборов”, – любил повторять начальник штаба Самаркандской учебки, в которой я оказался призванным исполнить “почетную обязанность”. Надо сказать, что несвобода по дороге в армию не чувствовалась. Ситуация воспринималась скорее как карнавал. Даже к стычке с дембелями в вагоне отнеслись как к приключению. Мы искренне не понимали, почему они – такие же солдаты, как и мы, – могут нами командовать, и от этого непонимания им неплохо “вломили”. Каждый из нас по дороге туда еще был личностью, готовой это объяснить тем, для кого мир все еще делился на “дембелей” и “духов”.

Но вот когда за спиной закрывались раздвижные ворота КПП, мы, всю дорогу развязно галдевшие, как-то притихли. Никто из нас тогда еще не знал, что был такой классик социологии Эмиль Дюркгейм, который назвал сообщества, подобные нашему, “механическими”, но каждый почувствовал отсекающий смысл этого механического движения. Теперь все, что было с нами до этих ворот: весь наш жизненный опыт, профессиональные навыки, морально-нравственные представ-

ления, все наши планы на будущее – все, из чего время культуры тклет личность, больше не имеет значения, ни даже смысла.

Само понятие “смысл” можно истолковать как синоним времени. Синхронное существование без диахронной проекции бессмысленно. Более того, в нем можно обнаружить воплощенное отсутствие. Августин Аврелий говорил, что

К стычке с дембелями в вагоне мы отнеслись как к приключению, искренне не понимая, почему они – такие же солдаты, как и мы, – могут нами командовать, и от этого непонимания им неплохо вломили. Каждый из нас по дороге туда еще был личностью, готовой это объяснить тем, для кого мир все еще делился на “дембелей” и “духов”

прошлого уже нет, будущего еще нет, поэтому настоящее – настолько малая величина, что о ее существовании вне контекста прошлого и будущего даже говорить нет оснований. Эта мысль

Аврелия – философа, повлиявшего на формирование европейской ментальности в ее парадигме восприятия времени, – вспоминается при чтении трудов, пожалуй, любого из европейских ученых. Для российского этнолога и антрополога Сергея Арутюнова вектор развития культурных сообществ в их локальных формах и глобальных закономерностях определяется соотношением синхронных и диахронных потоков культурно-значимой информации. Об-

щина, род, племя, народ, этнос, нация, тусовка, их костюмы, территории, знаки идентичности – все это материализованные сгустки синхронной и диахронной информации в их разных соотношениях. Информационные процессы в условиях глобализации общения – предмет внимания философа Владимира Миронова. “Я называю это клиповой культурой, существующей в качестве набора фрагментов, как в музыкальном клипе, – поясняет мыслитель. – Возможности современных телекоммуникаций приводят к тому, что информационные технологии начинают навязывать свои законы культуре, создавать кумиров миллионов людей из ничего. Представьте, что в Средние века четыре парня из Ливерпуля спели свою песню. Кто бы про них узнал? На соседней улице, может, через год... А в условиях глобальной синхронизации информации любого подонка можно сделать героем или героя подонком мгновенно. Мы в любой момент можем спросить Джона из Джерси, что он пил вчера вечером и как он себя чувствует, но стоило ли ради этого изобретать интернет? Получается, общения становится все больше, а смысла

в нем все меньше. А когда общение становится не средством трансляции смыслов, а целью самого себя, миром начинают править бессмысленные симулякры”.

Итак, тотальное синхронное общение, предмет которого актуален здесь и сейчас, – это механизм выхолащивания смыслов. Синхронное без диахронного есть не что иное, как бессмысленное общение. Блаженно мудр был Августин Аврелий.

...Ворота замкнулись, сообщив каждому почти физическое ощущение причины нашего пребывания вместе: не воля, не случай, не закон – но забор с воротами на замке, простейший и, вероятно, древнейший из механизмов, стал причиной консолидации наших тел на этом промозглом ночном плацу. Мы представляли собой брикет человеческих тел, каждое из которых имело свое понимание относительно данной ситуации, но не было ни одного, кто оказался бы здесь, в кругу ему подобных, по собственной воле.

Как сложатся наши вынужденные отношения друг с другом? Как следует себя вести, чтобы сохранить лицо? Эти вопросы звучали в унисон с более приземленными – например, как спрятать во время переобувания в сапоги, предполагающие ношение портянок, свои носки? Как сохранить наши денежные “заначки”, чтобы их не сперли во время мытья в обещанной бане, и где их вообще потом хранить? Вопросы не из праздных. В армии все крадут все у всех – хлястики шинелей, бляхи ремней, полотенца, портянки, зубные щетки. Осуждается при этом не вор, а обворованный. “В армии нет понятия «украл», есть понятие «нашел», – учил нас наш старшина. – И нет такого понятия «потерял», но есть понятие «про.бал». В общем, виноват слабейший. Закон природы”.

Человек в концентрированном виде – esse homo est?

Закон природы. Только природы не культурной, а биологической. То, что в общении с ближним следует вести себя брутально, было понятно и без старшины. Выпяченные, надутые торсы, напряженная мускулатура, взгляды исподлобья, сжатые челюсти, вальяжные, развязные движения, низкие голоса, жесты агрессии, характерные движения подбородком – портрет среднестатистического новобранца в кругу себе подобных напоминает приготовившегося к стычке самца любого другого млекопитающего.

Когда новобранцев расформируют по частям, они себя так уже не ведут. Там, где вместе живут солдаты разных периодов службы, так *положено* вести себя старослужащим. “Положено по сроку службы”, – так они говорят. Новобранцев, молодых солдат там узнать легко, даже не по знакам неуставной иерархии, в которой социально оформляется дедовщина, а по съезжившимся фигурам с втянутой шеей, словно готовой к удару, и более всего по выражению глаз – как у затравленного зверька. Хаос лиминальной группы оформился в примитивной иерархии, в ее самых крайних выражениях: “верхи” – они есть “все”, “низы” – “никто”. Привилегированные классы – “черпаки” (прослужившие год), “деды”, прослужившие полтора года, и “дембеля”, об увольнении которых в запас уже вышел приказ министра обороны, обладают абсолютной полнотой власти над классами “духов” – тех, кто служит первые полгода, и “молодых”, которые служат вторые полгода.

Степени этого насилия, как это вполне демонстрируют периодически прорывающиеся в СМИ примеры, – за гранью человеческого, равно как и смысл его – за гранью понимания. Но это только для обывателя, наблюдающего казарменные реалии через забор воинских частей с точки зрения своей культуры. Молодые солдаты принимают издевательства старослужащих, не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления. Почему? Потому что они видят в жестокостях дедовщины логику закона. Почему они не видят ее в том, что называют “уставщиной”? Потому что в отличие от устава, не предлагающего своим “строевым

единицам” каких-либо стимулов для добросовестной службы, закон дедовщины выглядит логичным в делении жизни солдата на две равные по сроку половины: первый год ты – “никто”, второй год ты – “все”. И солдаты находят в этом, во-первых, своего рода справедливость; во-вторых, со-

Мы представляли собой брикет человеческих тел, каждое из которых имело свое разумение относительно данной ситуации, но не было ни одного, кто оказался бы здесь, в кругу ему подобных, по собственной воле

циальную динамику, статусный прогресс, перспективу, возвращающую в их жизнь само время, а с ним и диахронную проекцию их современного существования, то есть смысл.

Нет более красноречивой модели тотального и бессмысленного общения, равно как большей степени синхронности коммуникаций, чем коммуникация людей в концентрационных учреждениях: в концлагерях, на зонах, в солдатских казармах, в коммунальных квартирах – везде, где люди находятся в сообществе вынужденно и постоянно.

Солдатский строй – это брикет “человеческого концентрата”, приходящий в движение по сигналу-команде. Но ведь каждый из тех, для кого государство объявило смыслом существования простое механическое движение и с кого оно сняло личную моральную ответственность, – он же homo sapiens sapiens! Человек разумный мыслящий! Cogito ergo sum – это же про него сказано. Не “марширую, значит существую”, а “мыслю”!

– ...А смысл? – заикнулся восемнадцать лет назад автор этих строк, уточняя суть какого-то абсурдного с его точки зрения приказа, – и получил “первую поправку” картезианской философии в исполнении командира батальона.

– Товарррищщ солдаат! Застегните крючок!!! ...Не ищите высоких смыслов, и не будете иметь неприятностей на службе. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Крррругом! Шагмммммарш!

Юнгианские архетипы дембельской сказки

Судя по тому, что в своей структурной семантической основе насилие “дедов” оформляется по таким же мифо-ритуальным алгоритмам, какие пронизывают любое архаическое общество, в семиотике этого ритуального насилия мы сталкиваемся с проявлением архетипических структур коллективного бессознательного. Очевидно, что они, в обычное время в культурных сообще-

Помимо превращения человеческой массы в социальную структуру, дедовщина возвращает людям отобранное на призывных пунктах время, гарантируя им социальное “светлое завтра” – повышение статуса

ствах как бы дремлющие, актуализируются, пробуждаются в моменты распада их культурно-информационной ткани. Иными словами, базовые структуры сознания срабатывают на манер перегорающих в скачке напряжения предохранителей – сами перегорели, но спасли дом от пожара. Так и в армии – казармы по ночам превращаются в карнавал в дурдоме с элементами садизма, но зато “товарищи по оружию” не впадают в тотальное “мочилово”, когда им это оружие выдают. А если и впадают, то далеко не все и не всегда.

Резко очерченные доминантно-статусные отношения дедовщины возникают как реакция на десоциализацию. Помимо превращения человеческой массы в социальную структуру, она возвращает людям отобранное на призывных пунктах время, гарантируя им социальное “светлое завтра” – повышение статуса. Переход из “никто” во “все”, обряд перевода в “черпаки” осуществляется посредством двенадцати – по количеству месяцев службы – ударов солдатским ремнем по ягодицам. Этот обряд – прямой аналог инициаций в первобытном обществе. В безвременье бесстатусности растворяется мальчик, вчерашний “дух”, рождается мужчина, воин – субъект времени. Отныне время будет сопровождать его повсюду,

вплоть до приказа об увольнении в запас, с которым он, подобно умирающим предкам, перейдет в абсолютное инобытие дембеля.

“Молодого” в “черпаки” переводят те, кому скоро предстоит увольняться в запас. Они его должны хлестать своим ремнем, который после двенадцатого удара торжественно вручают свежепосвященному. На оборотной стороне ремня пишут какое-нибудь благопожелание и срезают метки, которыми они обозначали месяцы, сосчитанные до окончания своей службы. Этот ремень они получили аналогичным образом. И таким же образом свежепосвященный передаст его своему “духу”. Поэтому такие “дедовские” ремни являют собой макет, знаково воплощающий социальную историю.

Имеется у солдат также и семантический макет антропологической истории. С наступлением “ста дней до приказа” кровати “дедов” (на которых будет распространяться этот приказ) оформляются как семиотическая модель хронотопа, детерминированная: *a*) временем жизни (хронос); *b*) антропометрией тела (топос). Делается это следующим образом. По всей длине кроватиной рамы приклеивается длинная узкая полоса бумаги или ткани, на которой написаны числа от 100 до 1. Каждую полночь “духи” отрывают или зачеркивают по одной цифре.

Данный шедевр семиотического моделирования хронотопа называется “стометровкой”. Этот календарный макет непосредственно повторяет протяженность тела спящего. Укорачивание календарного отрезка обозначает изменение воинского статуса в направлении его прекращения. Поэтому важно, что длина календарной линии ассоциируется с финишной прямой, которую нужно “пробежать” во времени, чтобы оказаться на границе трансцендентного перехода. Важно и то, что духи должны отрывать очередную цифру в полночь, когда “дед” спит или делает вид, что спит.

Оформление кровати как модели хронотопа придает ложу доминанта значение сакрально организованного пространства. С каждой ночью пространственная, физическая модель все короче: солдат, приближаясь к дембелю, как бы “тает во времени” и в последнюю ночь на день объявля-

ния приказа об увольнении в запас переходит “в чистый хронос” – на дембель.

Отношение “сон – бодрствование” укладывается в общую схему социальной оппозиции “старший – младший”: “дедам” положено спать, “духам” положено не спать, причем вторые не спят для того, чтобы обслуживать сон первых.

Пока “деды” и прочие привилегированные лица досматривают свои любимые телевизионные программы, младшие товарищи обязаны подготовить их ложа ко сну: расстелить постели и отогнуть одеяла так, чтобы можно было укрыться одним движением руки. По первому требованию любой “дух” должен читать “деду” “дембельскую сказку”:

*Чик-чирик, п...к, ку-ку...
Скоро дембель старику.
Масло съели, день прошел,
Старшина домой ушел.
Пусть подохнут от тоски
Все шакалы и куски¹.
Пусть приснится им винтовка,
Ящик мыла и веревка.
Спи, старик, спокойной ночи,
Дембель стал на день короче.
Пусть приснится дом родной,
Баба с пшениною п...й,
Ящик водки, тива таз,
Деда-Язова приказ
Об увольнении в запас.*

Регулярное озвучивание благопожеланий социально воплощенным “дедам” социально бесплотными “духами” напоминает отношение хора к герою в античной трагедии. Структура ритуальных текстов включает момент противостояния общих для хора и героя сил добра и зла: сновидения антагонистов в лице офицеров и прапорщиков выдержаны в аллегориях войны и смерти (“винтовка, ящик мыла и веревка”). Сон протагониста – это галерея образов пира, мира и плодородия (родной дом, алкогольные напитки, приказ о демобилизации и женский половой орган).

Чтение “дембельской сказки” – театрализованное представление: читающий забирается на табуретку, варьирует интонации, жестикулирует, машет руками, изображая кукушку, и т. д. Инсценировка также сближает это действие с ритуалом.

В традиции исполнения гимна-колыбельной актуализируется архетипическое значение сна как критического состояния, пребывание в котором требует особых средств ритуальной поддержки, например трансляции жизненных сил от молодых к старым, осуществляемой в магии благопожелания. Отказ от прочтения “сказки” или “неправильное” ее исполнение расцениваются как навлечение на голову “деда” страшного проклятия и нарушение естественного порядка вещей и самого хода времени: “Сказку не будешь читать? Все читают, а ты не будешь? Ты что, хочешь, чтобы я не уволился?”

Ну какой “дух” не хочет, чтобы все эти “черпаки”, “деды” и дембеля уволились как можно быстрее?

Сакрализованная своим абсолютным статусом персона покинет профанное пространство и станет трансцендентным субъектом. А его место займет тот, кто сейчас читает ему “дембельскую сказку” и каждую ночь отрывает по единице от его временной “стометровки”, тот, за счет которого “дед” поднялся на вершину пирамиды и стал дембелем.

“Дух” – тень дембеля и его двойник. Он обретет социальное тело после того, как его вчерашний “злой гений” уйдет, оставив ему свою статусную оболочку. А пока “дух” должен помнить об этом и следить за дембельским календарем того, в чьем социальном “теле” он воплотится. Ведь это их общий календарь!

Эта связь – “духа”, социально воплощающегося в дедовщине, и “деда”, символически дематериализующегося в перспективе дембеля, – еще отчетливее проявляется в столовой, во время “стодневки”. Обычай велит “дедам” в течение ста дней до приказа отдавать свое масло “духам” – кормить их из рук. Но не просто так, а в обмен на ритуальное сообщение, сколько дней до прика-

¹ В армейском слэнге “шакал” – офицер, “кусок” – прапорщик.

за осталось. Если ошибся в цифре, то масло будет демонстративно уничтожено. В нашей части его швыряли... в потолок – в горние эмпиреи, так сказать, возвращая его туда, откуда явился в мир людей данный продукт в составе эманации всех благ земных.

Когда будет оборвана последняя цифра, “дед” становится дембелем и символически “умирает”. Его символическая смерть подчеркнута соответствующими знаками – он распрямляет бляху ремня, еще вчера имевшую форму полусферы и семиотику, аналогичную семиотике шаманского зеркала. То есть “дед”, ставший дембелем, ведет себя согласно алгоритму, принятому в архаических культурах, – разрушая свое “вместилище души”, так же как после смерти шамана следует разрезать его бубен, разбить зеркало и похоронить их вместе с ним.

Десоциализация гражданской личности с ее последующей ресоциализацией в качестве идеального солдата – подчиняющегося на уровне рефлексов, не размышляющего о целях, образах и смыслах собственного действия, – осуществляется посредством тотального вовлечения человека в автоматизированную деятельность

Ожидая увольнения в запас, дембель перестает быть “гламурным”. Гламурный вид имеет “дед”, а дембель – воплощение небытия – “должен быть чмошным”, – так гласит армейское изречение. Божество и ничтожество в своей трансцендентности социальной реальности изоморфны.

О смысле бессмысленного насилия

Человек, словами Макса Вебера, это животное, виисящее в паутине символов, сотканной им самим. Символы, конденсируя информацию в смыслы, многократно усиливают механическое действие человека, которое может быть как созидательным, так и разрушительным.

Бессмысленные издевательства дедовищины, как и любой другой доминантной системы, – это символизм в сфере насилия и принуждения, направленный на слом гражданской личности – ликвидацию ее образующих культурных смыслов.

Адаптация сознания к среде абсурда происходит на фундаментальном уровне – через отучение размышлять о смысле как таковом. Десоциализация гражданской личности с ее последующей ресоциализацией в качестве идеального солдата – подчиняющегося на уровне рефлексов, не размышляющего о целях, образах и смыслах собственного действия, – осуществляется посредством тотального вовлечения его в автоматизированную деятельность. Достигается это путем чередования нейтральных бессмысленно-механических действий (“муштра”) и активно-репрессивных действий. Репрессивные механические действия отличаются от нейтральных тем, что они, организованные по формальным признакам действия разумного и рационального, предлагаются пытаемому к осмыслению, но при этом всем известно, что они не имеют другой цели, кроме подавления его воли и сознания. Можно очень хорошо вымыть грязную казарму. Но чистую казарму вымыть невозможно, ее можно лишь бесконечно перемыть, и целью труда в этом случае будет не достижение чистоты, а подавление личности деятеля абсурдностью его действий. В ходе превращенной в физическую и психологическую пытку уборки помещений выхолащивается сам смысл эстетики и комфорта. Казарменная красота – это геометрия пространства, исключающего человеческое присутствие. И работы по ее поддержанию, во-первых, ведутся бессмысленно непрерывно, во-вторых, их цель – подчеркнута репрессивна. Так и происходит организация труда в армии – не для выполнения рациональной работы, но для социального контроля путем тотальной репрессии, которая имеет у военачальников псевдорациональное обоснование – “занять личный состав”. В советско-российской армии, в которой “круглое носят, квадратное катают” и “подметают лопом плац”, лишенный смысла труд переосмыслен из рациональной деятельности в иррацио-

нальную в качестве средства репрессивного управления.

Сама эстетика казармы – ее чистота и красота, потому что она (и здесь в полной мере открывается антигуманитарное значение социального применения абсурда) не для жизни людей, а для их символической смерти. А средства наведения порядка посредством изоощренных технологий приобретают характер пытки, в чем и состоит цель изоощрения.

Все это бесконечное перемывание полов и стен с вареным (чтобы не мылилось!) мылом, набивание канта на заправленной кровати посредством табурета и тапочка, надраивание унитазов зубными щетками и бритвами (предметами, семантически связанными с чистым телесным верхом, абсурдно используемыми в среде грязного телесного низа) имеет целью семантическое уничтожение личности. Как лучше уничтожить человека мыслящего? Эмпирическим путем доказать абсурдность самого мышления. Точная инверсия принципа *cogito ergo sum*. Дембельский привет Декарту!

Чмо – антагонист “венцам творения”

Дедовщина является единственной социальной основой армейского общества, несмотря на видимость альтернативы “жизни по уставу”. “Жизнь по уставу” в представлении солдат есть нечто асоциальное. В качестве примера “живущего по уставу” новобранцам обычно предъявляют “чмо”. Если вы спросите любого солдата, кто такой чмо, он ответит, что это тот, кто живет по уставу.

Русские вообще отличаются специфическим правовым сознанием, в котором любой, кто жи-

вет по закону, может быть именован “чмо”. Школьник, не дающий списать, милиционер, изъывший права, отказавшись от взятки, сосед, решивший урегулировать с вами конфликт не мордобоем и/или выпивкой, а в суде, научный сотрудник, написавший рецензию на труд коллеги в духе “Платон мне друг, но истина дороже”, – все они могут быть названы этим словом – чмо. В широком смысле чмо – это антипод,

живущий вразрез с общепринятыми правилами. А по писаному закону жить в России не принято. “Знаем мы эти ваши конституции”, – произнесла прямо по телевизору одна судья, оглашавшая обвинительный приговор призывнику, потребовавшему прохождения альтернативной службы. “Альтернативщики” в глазах военной бюрократии – это тоже чмо, которым надо вдвое увеличить срок. В глазах полевых офицеров чмо являются “штабные крысы”, работники военкоматов. И так далее. В принципе существование чмо в открытом обществе не смертельно опасно. Можно,

в конце концов, выбрать себе другую среду присутствия. А вот существование чмо в обществе закрытом, обнесенном забором, внутри которого ни у кого нет возможности для уединения даже на время, – такое существование ужасно для всех, но для чмо оно всегда на грани жизни и смерти, поскольку общество его назначило быть ему антиподом, конденсатором всей разлитой в социуме скверны и ненависти.

Только что прибывшим в воинские части новобранцам представляют персонификаторов двух путей – brutальные, наглые, раскованные, украшенные всякими цацками “деды” и “черпаки”, и существо, которому “завтра на дембель”,

но его ударить, в любой форме унижить может каждый. Как хочешь служить, тем и будешь. Поэтому по уставу служить не хочет никто.

Дедовщина, предоставляющая гарантии социального воплощения, несмотря на бесправное положение служащих первый год, представляется самим солдатам более привлекательной, чем устав, не меньшим из двух зол, но более логичным: обезличивание и бесправие на протяжении всех двух лет службы выглядят таким же абсурдом, как и участь чмо (“опущенные” все два года службы живут “по уставу” и символически отправляются “на дембель” “с очка”, то есть покидают воинскую часть непосредственно из наряда по роте, в котором и провели все два года за чисткой туалетов). Таким образом, чмо как аккумулятор социальной скверны не только семиотически, но и почти физически “смешан с дерьмом” – антивеществом, операции с которым – единственная общественно-полезная функция всех антису-

ществ. (В этом они схожи с неприкасаемыми в Индии.) Важно заметить, что каждая ступень этой статусной лестницы оформлена разнообразными символами, за исключением первой, точнее сказать, “нулевой”, единственным символом которой является само тело и его физиологические отправления.

Для перевода армейского понятия “чмо” на язык общегражданских норм в качестве синонима часто используют выражение “козел отпущения”. Это не просто метафора. Речь идет о тождестве социальных функций жертвы, жертвоприношения и жертвенного поведения в архаических ритуально-правовых системах и в армейских неуставных отношениях. Здесь следует вспомнить, что история человеческих жертвоприношений знает два типа жертв: первый – самые лучшие члены общества, персонифицирующие его добродетели; второй – самые худшие, асоциальные субъекты, вбирающие в себя всю его скверну, вместе с которой устраниются. Лица, занимающие “опущенное” положение в экстремальных группах, представляют собой жертвенных субъектов второго вида.

Слишком просто было бы представить чмо только как патологию воинского коллектива. Социальная роль чмо общественно востребована: своим существованием она утверждает действующие порядки от обратного: “смотрите, как выглядит социальное несоответствие”.

Между ритуальными жертвами и социально-политическими, к примеру “жертвами репрессий”, казалось бы, нет ничего общего, кроме аллегории. Но если отбросить религиозный аспект в первом случае и идеологический пафос во втором, то обнажится единый социально-психологический алгоритм – консолидация социума путем выведения его экзистенциальной границы, проходящей через оппозиции “свой – чужой”, “человек – нечеловек”, “жизнь – смерть”.

История древнего мира имеет свои аналогии армейского чмо по социальному значению воплощенной асоциальности. “Предусмотрительные Афины, – пишет Рене Жирар, – содержали на свой счет несколько несчастных для жертвоприношений этого рода. В случае нужды, то есть когда город поражало или грозило поразить ка-

кое-то бедствие: эпидемии, голод, чужеземное вторжение, внутренние распри, – в распоряжении коллектива всегда имелся фармак. Жертва считается той скверной, которая заражает все вокруг себя, и смерть действительно очищает общину, поскольку возвращает туда мир. Поэтому фармака и проводили чуть ли не повсюду – чтобы он впитал всю нечистоту и взял ее на себя; после этого фармака выгоняли или убивали во время церемонии, в которой участвовало все население”. И армейский чмо, и греческий фармак являются жертвами по сути и судьбе. (Этот пример жертвы второго типа; к нему также относятся и семитский козел отпущения, и японские куклы – двойники темной стороны личности, которых топят в воде в церемонии ритуального очищения.)

Жертва появляется на фоне потребностей общества в идентичности и консолидации, что не умаляет ее архетипического значения. Напротив, она служит еще одним подтверждением социогенной роли коллективного бессознательного, восстанавливающего идентичность общества, балансирующего на грани распада: “мы не знаем, кто мы есть, но точно знаем, что мы – не есть чмо”.

Элита в натуре

При распаде смыслового поля культуры распадаются и сложные коммуникации, не обеспечивающие трансляцию смыслов. Распад системы многомерных смысловых значений возвращает человека на нулевой уровень социогенеза, на котором первым и единственным из доступных и понятных средств коммуникации является само тело. На этом уровне физиологические акты выполняют функцию нормативно-правовых. Так, в сообществах солдат и заключенных половой гомосексуальный акт имеет не сексуальное, но социальное значение, и воспринимается в качестве абсолютно действенного инструмента экстренного регулирования социальных статусов. Совершить половой акт – значит опустить его пассивного участника ниже социального дна, до пограничного состояния изгоя. Пространственной метафорой этого положения в обществе является “параша”, или “очко” – унитаза, за мытьем

которых они должны проводить все свое свободное от других занятий время.

Интересно, что подобные проявления деградации культуры в семантической редукции коммуникативных символов могут проявляться и на уровне так называемых элит.

В советско-российской армии, в которой “круглое носят, квадратное катают” и “подметают ломом плац”, лишенный смысла труд переосмыслен из рациональной деятельности в иррациональную в качестве средства репрессивного управления

На всех уровнях политических “элит” в современной России физиологические акты сохраняют свое значение в качестве ресурса политического влияния. Физиологизация политики сама по себе говорит о состоянии политической культуры. Вспомним “компромат” на генпрокурора Ю. Скуратова – видеосъемку из борделя, показанную по федеральному каналу. Вероятно, подобные материалы собраны не только на Скуратова. Очевидно, в сбор таких материалов вовлечен целый штат специалистов. Вопрос – для чего? Какие такие открытия совершаются в этих съемках? В чем смысловой подтекст этих разоблачений, если это разоблачения в прямом, а не в переносном смысле слова? В том, что генпрокурор, оставляя в предбаннике мундир, оказывается просто голым мужиком? И какой из этого откровения вывод должны сделать телезрители, они же избиратели? Что член не лучшая замена жезлу правосудия?

В самом деле, сексуальное подавление в качестве знака социального доминирования присутствует уже у некоторых животных, например павианов. Так что не удивительно, что и у людей сексуальное проявляется как архетипический символ социального, поэтому ассоциация органа самца с символом власти естественна, но лишь на низших уровнях полисемантики,

в начальной фазе культурогенеза, процессы которого обратимы.

Обратимость культурной эволюции можно наблюдать в тот момент, когда член парламента государства “Большой восьмерки”, обладающего достаточным количеством развитых информационных систем, политических и военных технологий, в ответ на политические импульсы реагирует импульсами физиологическими – снимает “порнофильм” про лидеров добившихся независимости бывших колоний этого государства.

В ряд этих примеров можно добавить и юмор политических лидеров, которые в беседах с оппонентами используют в качестве аргументации яркие физиологические образы.

Итак, обратимость культуры в процессах десоциализации оказывается свойственна различным сообществам и стратам. Видимо, в этом есть своеобразный эффект “перезагрузки” культурного “макропроцессора”, и не проблема, если она происходит в низкоресурсных маргинальных группах. Но если маргинализируются элиты, то десемантизация реальности ведет к распаду национальной культуры.

Депутат Госдумы, снимающий порнофильм про политических оппонентов, символически тождествен эзку, самоутверждающемуся в половом акте с “петухом”, или армейскому “деду”, гнобящему чмо. “Кремль маячит, точно зона, говорят, в миниатюре”, – изобразил Иосиф Бродский этот русский вариант проблемы “принцев и нищих”.

Но проблема культуры – не в частном девиантном поведении отдельных извращенцев, присутствующих во всех социальных стратах. “Культура высокая, элитарная, и культура низкая, как говорил Бахтин, «культура ниже пояса», существовали всегда, но они сосуществовали в пропорции, – объясняет философ Миронов. – Когда преобладала «низкая культура»? Во время карнавала. А сегодня технологии телекоммуникации диктуют свои законы культуре, и мир погружается в один сплошной карнавал, законам которого вынуждены подчиняться и элиты. Политик сегодня обязан быть шоуменом”. В деградации элитарной культуры проявляется феномен семиотической энтропии – девальвации смыслов в тотальной и глобальной синхронизации коммуникаций.

Стерилизованное телевидение сосредоточено в основном на трансляции комфортных сообщений либо раздражителей эмоций и рефлексов и несет минимум смысловой информации даже в передачах, имеющих статус информационно-аналитических. Министр обороны Сергей Иванов однажды в критике российского телевидения даже потребовал “прекратить дебилизацию страны”. Порыв прекрасный! У современного российского телевидения немало общего с дембельским искусством. И то, и другое предназначено для “анестезии” общественного гражданского сознания. Так же как “дембельский альбом”, герои которого ломают лбами кирпичи и заставляют своих антагонистов “вытирать слезы половой тряпкой”, современное российское телевидение занимается воспроизводством компенсаторных образов, поставляя униженному, изнасилованному собственными элитами народу брутальные имиджи “народных” героев – “братву”, “бригаду”, “ментов”, “афганцев”... Так же, как “дембельский альбом”, телевидение, заполняющее информационное поле плоским юмором вперемежку с комиксами “не страшного” насилия, как бы изгоняет народ из актуальной реальности. Телевизор в современной России – это электронный “дембельский альбом” нации. Нация собралась на дембель?

Еще сравнительно недавно практика более или менее регулярного обращения к профессиональным психологам (психотерапевтам, психоаналитикам) однозначно ассоциировалась в сознании наших сограждан с западным образом жизни и, кажется, воспринималась одними как блажь, странное излишество, другими – как заманчивый атрибут цивилизации. А сейчас?

Согласно данным опроса ФОМа, обращаться за помощью, советом к психологам или психотерапевтам доводилось 6% россиян (в Москве – 12%). При этом 4% опрошенных заявляют, что были удовлетворены результатами, 2% – что не были. Знакомые или родственники, когда-либо обращавшиеся за соответствующей помощью, есть у 16% респондентов (в Москве – у 24%), но о том, что таких знакомых у них много, говорят лишь 2% (14% – что их мало).

Возможность обращения к психологу или психотерапевту в принципе допускает для себя каждый третий (33%), исключают – 47% опрошенных. Если среди женщин допускающих и исключаящих обращение к специалистам соответствующего профиля примерно поровну (38 и 40%), то среди мужчин первых практически вдвое меньше, чем вторых (28 и 54%). Неудивительно. Но важнее, представляется, другое: среди молодых респондентов (18–35 лет) допускают возможность обратиться к психологам или психотерапевтам 44% опрошенных (против 38% не допускающих такой возможности), среди лиц среднего возраста – 31% (против 48%), среди относительно пожилых (в возрасте от 55 лет) – 21% (против 56%). Столь ощутимые межпоколенческие различия определенно указывают на перспективу расширения потенциальной клиентуры профессиональных психологов, ослабление предубеждения против обращения к их услугам.

Стоит отметить, что большинство опрошенных (58%), по их словам, обычно вообще ни к кому не обращаются за советом

и помощью при душевных переживаниях, проблемах в личной жизни и в отношениях с окружающими. Обращаются – только 37%. Естественно, первые значительно реже, чем вторые, допускают и возможность обращения к специалистам по подобным ситуациям (27% среди первых, 44% – среди вторых).

Респондентов, исключаящих для себя такую возможность, попросили объяснить свою позицию. Чаще всего, отвечая на

Профессиональные психологи в России

этот открытый вопрос, они аттестовали себя как сильных, уверенных людей, способных самостоятельно решить свои проблемы (“своя голова есть на плечах”; “я достаточно сильный человек”; “надеюсь на себя и на свои силы”; “сам разберусь”) – 12% от всех опрошенных (примерно треть от числа ответивших). Многие (8%) заявили, что не нуждаются в помощи психологов (“я плохо живу и без психолога”; “мне это не нужно”; “нет такой нужды”). Некоторые говорили, что не доверяют психологам (4%), уверяли, что являются психически здоровыми людьми (3%), ссылались на более чем зрелый возраст (2%) и т. д. Особо следует отметить, что 4% опрошенных мотивировали свою позицию тем, что услуги психологов им “не по карману”.

В целом только 14% участников опроса полагают, что эти услуги по цене доступны таким людям, как они, 47% – уверены, что недоступны (остальные затрудняются ответить на данный вопрос).

“Финансовая” тема отчетливо звучала и в ответах на открытый вопрос о том, какие люди обычно обращаются за помощью к психологам и психотерапевтам. Примерно четверть ответивших на него (16% от всех опрошенных) заявляли: “богатые люди”;

“обеспеченные”; “с высоким достатком”; “у кого денег девать некуда”. Впрочем, еще чаще обращающихся к психологам характеризовали либо как слабых, неприспособленных (“люди, слабые духом”; “не уверенные в себе”; “истеричные”; “люди, не умеющие совладать со своими слабостями”) – 15%, либо как “душевнобольных”, “психически неуравновешенных” (10%) или пьяниц и наркоманов (2%). Вместе с тем довольно

многие говорили, что к психологам и психотерапевтам обращаются те, у кого “серьезные проблемы” и “большие неприятности” (9%), люди, пережившие большое горе, доведенные “до крайности” (7%), одинокие (3%) и т. д. В целом мотивы сочувствия и понимания звучали лишь немногим реже, чем несколько пренебрежительные интонации, различимые в высказываниях тех, кто считает, что клиентура психологов и психотерапевтов состоит из “слабаков” и “психов”. Особо стоит обратить внимание на небольшую группу ответов (2%), в которых люди, обращающиеся к соответствующим специалистам, характеризуются как те, “кому не безразлична своя судьба”; “продвинутые, современные”; “цивилизованные”; “успешные люди, идущие в ногу со временем”.

Наконец отметим, что, по мнению 35% наших сограждан, профессиональные психологи и психотерапевты в целом заслуживают доверия и обращение к ним обычно приносит пользу (среди молодых респондентов, а также среди москвичей так считают 45%, среди лиц с высшим образованием – 47%). Убеждены в обратном – 16%. Почти половина участников опроса (47%) не взялись судить об этом. Так что “коллективная репутация” данного сообщества находится еще в стадии формирования.

Григорий Кертман

Общероссийский опрос населения 27–28 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

WAGTEPCIKAR

А. Ослон

Общественное мнение в контексте социальной реальности

Благодарность. Прежде всего позвольте мне поблагодарить любезных хозяев клуба “Bilingua”. Я согласился прочитать эту лекцию не только для них, не только для вас, но и для себя. Поскольку поговорить о социальной реальности в контексте общественного мнения или, наоборот, об общественном мнении в контексте социальной реальности – это редкая, очень важная для меня возможность. За это большое спасибо.

О себе. Поскольку речь пойдет об основаниях, я хотел бы начать с самого начала – то есть... с себя. По образованию я не социолог, не философ, а инженер, и много лет занимался методами анализа данных и программированием. К социологии я имел отношение только в том смысле, что в этой сфере применялись мои программы, – например в Новосибирске, у Татьяны Ивановны Заславской, где ее сотрудники считали с их помощью свои массивы данных. Я в принципе знал, что социология – это там, где проводятся опросы, поскольку данные возникали из опросов, но у меня была своя жизнь: формулы, алгоритмы и программы. В конце 87-го года, когда создавался ВЦИОМ, Заславская пригласила меня в Москву (я жил в Туле). И я оказался среди социологов.

В 92-м году группа сотрудников ВЦИОМа вышла из этой государственной организации и образовала Фонд “Общественное мнение”. Точнее, с 92-го года Фонд “Общественное мнение” стал действовать самостоятельно и пустился в свободное плавание.

В первые годы вопросы о смысле того, что мы делали, не возникали, поскольку надо было проводить опросы и выживать. Но со временем, когда мы научились делать опросы и по всей стране, и по отдельным регионам, и по разным группам, стали актуальными вопросы: что же мы изучаем? Что означают наши результаты? Как их интерпретировать? Время упоения самим фактом возможности проведения опросов стало проходить, и в нашей работе надо было искать какие-то новые смыслы. Если первая часть моей жизни, техническая и компьютерная, закончилась в 1988 году книжкой “Функциональное шкалирование”

Реальность – это то, что люди считают реальностью. Люди могут понимать друг друга, то есть координировать свои действия и коммуницировать, только тогда, когда считают реальностью примерно одно и то же

(с соавторами), то нынешний этап зафиксирован в статье “Эпоха охвата в мире теорий”, опубликованной в журнале “Отечественные записки” (2003 год, № 4). Там я в первый раз попытался изложить на бумаге то, к чему стал приходить за последние, пожалуй, десять лет.

Я начал сегодняшний разговор со своей персоны, чтобы прояснить собственную мотивацию:

Лекция была прочитана 24 мая 2006 года в клубе – литературном кафе “Bilingua” в рамках проекта “Публичные лекции «Полит.ру»”.

полтора десятка лет практики проведения опросов привели меня к мысли, что суть этого занятия не исчерпывается получением процентных распределений, а также к иным мыслям, которые я попробую изложить.

Структура лекции. Лекция будет разбита на четыре части. И каждая часть будет включать слова, использованные в заглавии, то есть “общественное мнение” и “социальная реальность”, а еще – слова “Фонд” и “журнал”. Первая, основная часть будет связана непосредственно с темой “Общественное мнение в контексте социальной реальности”. Вторая: “Фонд «Общественное мнение» в контексте социальной реальности”. Третья: “Общественное мнение в контексте журнала «Социальная реальность»”. И четвертая: “Фонд «Общественное мнение» в контексте журнала «Социальная реальность»”.

Общественное мнение в контексте социальной реальности

Социальная реальность. Исходный вопрос, на который нужно ответить прежде всего, – что такое реальность? Я здесь не оригинален, и тем не менее с нахальством неопита попытаюсь сказать, что это. Реальность – это то, что люди считают реальностью. И исходя из этого они говорят, действуют или ничего не делают. Если человек считает, что в его доме поселился домовый, – для него это реальность. Он слышит, как тот стучит, ходит, ворует на кухне мелкие предметы, – и это *его* реальность, но другому человеку ее трудно объяснить. Хотя есть вероятность, что он встретит того, кто с ним согласится, и у них возникнет совместное понимание того, что домовый – реальность. Тогда у них будет общая, разделяемая обоими реальность. Вообще, люди могут понимать друг друга, то есть координировать свои действия и коммуницировать, только тогда, когда считают реальностью примерно одно и то же. В этом смысле их общая реальность является социальной, то есть совместной, общественной, и именно в ней и относительно нее могут разворачиваться социальные процессы с ее участниками – то есть с теми, кто разделяет мнение, что эта реальность реальна. Чтобы взаимодействовать, нам надо исходить из хотя бы в чем-то совпадающих определений и хо-

тя бы как-то синхронизированного понимания предмета взаимодействия, того, на что направлено наше внимание. Это могут быть материальные или воображаемые объекты, воспринимаемые или никогда не виданные явления, а также идеи, понятия, категории, символы и т. д. Очевидно, что язык, которым владеют участники социальных процессов, – фундамент их социальной реальности. При этом каждый участник социальной реальности имеет собственные специфические представления о ней, но эта специфика “прячется” где-то глубоко в индивидуальных представлениях. А на поверхности – то общее, что делает достаточно вероятным хотя бы какой-то уровень взаимопонимания.

Социальные теории. Если поместить в фокус внимания какой-то фрагмент социальной реальности и выделить в представлениях участников этой социальной реальности общую часть, то можно говорить о том, что я называю “социальной теорией”.

Во-первых, это понятие дает возможность экстрагировать из индивидуальных представлений то, что, собственно, создает этот фрагмент социальной реальности для ее участников, что дает им возможность взаимодействий и коммуникаций относительно этого фрагмента. С его использованием можно говорить, что “мы” разделяем общую теорию и в силу этого считаем реальностью примерно одно и то же.

Во-вторых, о ком-то можно говорить, что “он” взял на вооружение ту же теорию, что и “мы”, и следовательно, у нас теперь общая социальная реальность. Теория, принятая на вооружение, ставшая моим личным знанием, становится моим собственным субъективным представлением, и она может передаваться и распространяться в ходе коммуникаций – как непосредственных, “лицом к лицу”, так и опосредованных, с помощью медиопосредников, то есть через книги, газеты, телевизор и т. д. Когда мы общаемся, мы непрерывно создаем, подтверждаем, трансформируем социальные теории, которые в модифицированном виде продолжают распространяться до тех пор, пока происходят коммуникации.

В указанном смысле понятие теории обозначает некую метафизическую сущность, теория

может проявлять себя для нас только в виде версий, рожденных в коммуникациях. Версии теории, запечатленные в памяти разных людей, разумеется, могут существенно различаться, так как теории, будучи “взятыми в себя”, то есть интернализированными, становятся индивидуальными субъективными представлениями. То же можно сказать о версиях теории, зафиксированных в объективированном виде: в текстах, в артефактах культуры, в технических устройствах памяти, – все они порождаются субъективными представлениями и, следовательно, в принципе не могут быть идентичными.

В ходе разговора о социальных теориях правильно было бы, конечно, различать теории как абстрактные идеализированные формы – и воплощенные версии, доступные для восприятия. Но обычно этого не делают, так как из контекста ясно, о чем идет речь.

Широко распространенные и не вызывающие сомнений теории становятся частью социальной реальности для больших масс людей и приобретают характер “социальных фактов”, описанных Дюркгеймом. Они принуждают тех, кто признает их истинность, к определенным поступкам: например, мыть руки перед едой в силу доверия гигиенической теории об угрозе, исходящей от микробов на невымытых руках. Более того, теория может заставить своего носителя применить санкции по отношению к тому, кто не разделяет ее, – например, не пустить к столу ребенка с невымытыми руками. Можно сказать, что теории мобилизуют своих носителей, добиваясь распространения, и ведут, таким образом, конкурентную борьбу с другими теориями.

Типы теорий. Мы разделим социальные теории на четыре типа в зависимости от их сложности, глубины и, как следствие, трудности их освоения.

Первый тип – “научные теории”. Они претендуют на статус истинных, так как соответствуют логическим правилам построения “правильных” умозаключений и строятся на фундаменте проверяемых и воспроизводимых эмпирических фактов. И то, и другое служит доказательством их обоснованности. Научные теории признаются истинными до тех пор, пока не будут обнаружены опровергающие их факты или предложены иные интерпретации тех же эмпирических фактов. Тогда на смену одной теории приходит другая, но в науке этот процесс, как его описывает Карл Поппер, происходит чаще всего в форме уточнения, развития и разветвления старой теории. Так постепенно развивается своего рода “пучок” теорий в виде раздела научного знания, который в конечном счете застывает и перестает развиваться либо претерпевает резкую ломку и заменяется новым “пучком” теорий. Механизм подобного рода научных революций известен как смена парадигм, и его теория описана Томасом Куном. Это, кстати, типичный пример научной теории, истинность которой признается не только потому, что она логически выверена и увязывает эмпирические факты, но и благодаря авторитетной поддержке тех, кто признает ее истинность. Такой, социальный, способ обоснования характерен для теорий всех типов, хотя применительно к научным теориям о нем редко говорят вслух.

Второй тип – “специальные теории”. Они распространены в кругах специалистов и представляют собой концентрированный опыт проб и ошибок, своего рода накопленное профессионалами особое экспертно-практическое знание. К таковым относятся, например, инженерные, военные, политические, управленческие, экономические и прочие теории. Овладение ими требует труда не меньшего, чем овладение научными тео-

риями, но их отличие – в том, что вместо претензий на истинность они претендуют на ценность для тех или иных практик. Тех, кто владеет специальными теориями, называют профессионалами, экспертами, специалистами, подчеркивая тем самым объем их знаний и компетентность. В работе Альфреда Шюца “Хорошо информированный гражданин” говорится: “Знание эксперта в пределах некоторой узкой области является ясным и отчетливым. Оно базируется на проверенных утверждениях, его суждения – не просто догадки или произвольные утверждения”.

Третий тип – “продвинутое теории”. Они не относятся ни к научным, ни к специальным, но характерны для знающего, эрудированного человека, разбирающегося в каком-то фрагменте социальной реальности, способного достаточно логично рассуждать о нем и аргументировать свои суждения. Можно сказать, что они – поверхностные слепки с научных и специальных теорий. Человек не может быть специалистом во многих сферах, но может обладать широким кругозором, то есть владеть целым спектром продвинутых теорий. Представления такого человека достаточно разумны, в какой-то мере непротиворечивы и логичны, они могут быть не очень глубокими, но соответствуют каким-то элементам теорий ученых, специалистов и самое главное – здравому смыслу.

Социальные теории делятся на четыре типа в зависимости от их сложности, глубины и трудности освоения: научные, специальные, продвинутые и наивные теории

Шюц называет его “хорошо информированный гражданин”: “Он располагает, – пишет Шюц, – между экспертом и обывателем. С одной стороны, он не обладает экспертным знанием и не имеет целью его приобрести. С другой – он не довольствуется фундаментальной смутностью простого рецептурного знания и иррациональностью своих непроясненных страстей и чувств. Быть хорошо информированным – значит прийти к разумно обоснованным мнениям в областях,

которые, насколько ему известно, или хотя бы косвенно, представляют для него интерес, хотя могут не иметь значения для его личных целей”.

И, наконец, четвертый тип – “наивные теории”: смутные, фрагментарные, несвязные, неполные, алогичные, иррациональные, стереотипные, неустойчивые, недолговечные. Они имеют характер застывших в памяти автономных алгоритмов производства суждений/действий по тому или иному поводу, своего рода рецептов, срабатывающих в подходящей ситуации (и включают в себя, кстати говоря, механизмы распознавания таких ситуаций). В определении “наивные” нет уничижительного подтекста, а лишь подчеркивается их простая структура вида “стимул-реакция”, внутренняя беспроblemность, автоматизм, аналогичный физиологическим рефлексам и детской непосредственности. Шюц пишет о носителе наивной теории: “Ему свойственно знание рецептов, как в типичных условиях типичными средствами добиваться типичных результатов. Рецепты указывают такие процедуры, которым можно доверять, даже если отсутствует их ясное понимание”.

Знания каждого из нас могут состоять, вообще говоря, из теорий всех четырех типов, причем подавляющая их часть – это воплощение наивных теорий. Чтобы жить, нужно “носить” в себе целый океан наивных теорий, в глубинных слоях которого – те, что доведены до полного автоматизма, и для их запуска не требуется осознания (неявное, фоновое знание), тогда как на поверхности – наивные теории, сопровождаемые процедурой типа “надо подумать”. Что касается продвинутых теорий, то они – материка в этом океане, а специальные и научные теории, если они есть, – отдельные острова и архипелаги.

Мир теорий. Итак, социальная реальность – это то, что считает реальностью некоторая группа людей, или, другими словами, группа носителей теории (комплекса теорий), определяющей эту общую реальность (точнее, фрагмент социальной реальности, соответствующей этой теории). Иногда носители теорий осознают свою принадлежность к группе и считают себя единомышленниками, соратниками, коллегами, согражданами и пр. Гораздо чаще такого рода самоидентификация

в явном виде не проявляется, так как сходство индивидуальных реальностей воспринимается как что-то само собой разумеющееся, а теория, создающая это сходство, относится к неявному, фоновому знанию. Например, пешеходы не осознают себя как группу, хотя все они синхронизированы заученными до автоматизма правилами передвижения по улицам. Но и в этом случае следует говорить о группе людей, способных в каких-то аспектах находить взаимопонимание и взаимодействовать, то есть о социальной общности.

Таким образом, социальная общность составляется из людей, которые видят мир в каком-то его аспекте похожим образом, поскольку разделяют общую теорию. Поэтому можно сказать, что теории производят социальные реальности. Если представить себе абстрактный, метафизический мир, “населенный” теориями, то, получается, этот мир предопределяет всевозможные социальные реальности, а также социальные общности носителей соответствующих теорий. Этот мир теорий похож на то, что Карл Поппер в своей теории “трех миров” называл “третьим миром”. “Первый мир” у него включает все материальные объекты, явления, процессы, “второй мир” – все субъективные феномены мышления и чувствования, а “третий мир” – все творения человеческого разума, продукты мышления, теории, переведенные в объективную форму, то есть записанные в “устройства” памяти и доступные для других людей (рукописи, книги, картины, скульптуры, конструкции, дискеты, микропроцессоры и т. д., и т. п.).

Понятие мира теорий дает возможность уязвить триаду “теория-социальная реальность-общность” и провести различия между “живыми” и “мертвыми” теориями исходя из того, обладают или не обладают они в данный момент “своими” общностями. Вероятность общности повышается у тех теорий, которые содержат те или иные механизмы поддержания и расширения общности. Например, такой вид теории как “идеология” не только указывает, что ее носителям следует считать в своей социальной реальности истинным, правильным, моральным и т. д., но и принуждает их убеждать в своей правоте других людей, “втягивать” их в социальную реальность этой идеоло-

гии, расширять число ее носителей. Я называю этот процесс “захватом”, и состоит он в том, что “захваченный” человек превращается в носителя теории и, в пределе, в ее сторонника. Быть сторонником – это значит верить в правильность теории, быть готовым убеждать других в ее истинности, мыслить, говорить и совершать действия в соответствии с этой теорией. Сторонник теории может быть предан ей от мягкого с ней согласия до фанатизма. Последнее соответствует наибольшей глубине “захвата”.

Любая теория требует от своих сторонников так или иначе отстаивать ее, пропагандировать, убеждать, “захватывать”, втягивать в ее орбиту других людей. Таким образом, силами сторонников теории борются между собой, конкурируют, стремятся расширить свои общности, увеличить свой “охват”. Идеологии относятся к особо агрессивному виду теорий. Они претендуют на формирование у своих сторонников определенного мировоззрения, разделяют мир людей на “своих” и “чужих”, требуют активных действий по отношению к “чужим”, то есть к сторонникам других теорий-идеологий. Всем известный и знакомый марксизм-ленинизм – яркий пример такого рода теории. Ее носители отличаются специфической “картиной мира”, в которой центральное место занимает преданность (“верные ленинцы”), взаимный контроль (“нет пощады предателям”), жесткое отношение к носителям других теорий (“кто не с нами, тот против нас”), активное рекрутирование новых сторонников (“молодая смена”) и, конечно, особое, материалистическое, мировоззрение. Научные теории тоже, кстати, стремятся к возможно более глубокому “захвату” и возможно более широкому “охвату”, но по своей агрессивности они не могут сравниться с идеологиями и, скажем, с некоторыми радикальными религиозными теориями.

Вообще, в мире теорий происходит много интересного, так как теории борются между собой “руками” своих носителей за “умы” все новых и новых людей, то есть они конкурируют и, следовательно, с разной степенью успешности выживают. Более того, они, опять-таки силами своих носителей, модифицируются, и так как этот процесс влияет на выживание, получается, что в этом

мире происходит эволюция теорий, возникают и исчезают виды теорий, сменяют друг друга исторические эпохи и т. д. Например, в Средние века борьба между теориями имела совсем иной характер, нежели в Новое время, когда с появлением книгопечатания и массмедиа началась эпоха активной экспансионистской борьбы между теориями “за умы”. Рассуждения на эту тему как раз и содержатся в моей уже упомянутой статье “Эпоха охвата в мире теорий”.

Социальные поля. Теории не только конкурируют, но и сотрудничают между собой, образуя устойчивые комплексы, способствующие их эволюционной успешности. Это означает, что если кто-то “захватывается” какой-то теорией такого комплекса, то с высокой вероятностью он становится носителем и других входящих в него теорий. Можно представить мир теорий в виде пространства, в котором теории одного комплекса локализованы в относительно небольшой области. Тогда о людях, “охваченных” теориями этого комплекса, можно говорить, что они оказались в его области, или в поле его воздействия. Это соответствует тому, что Пьер Бурдьё называл социальным полем: *“Социальное поле является местом действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле. Агенты реагируют на отношения силы, на структуры, они их конструируют, изобретают, воображают, представляют себе и т. п.”* (из книги П. Бурдьё “О телевидении и журналистике”).

Можно сказать, что те, кто оказался в одном поле, вооружены общим комплексом теорий, находятся в общей социальной реальности. Например, в поле науки действует определенный свод правил, норм, образцов, то есть множество теорий о том, как устроены взаимоотношения между научными работниками, какие действия допустимы, что является критериями истины, открытия, научного успеха и т. д., и т. п. Быть научным работником – значит исповедовать целое множество теорий, соединенных в один общий – научный – комплекс. Кроме поля науки, можно говорить о полях политики, религии, о поле бизнеса, искусства. И каждое из них конституирует

ся, соответственно, политическими, религиозными, экономическими, эстетическими комплексами теорий. Можно говорить, например, о поле инженеров, имеющих свой специфический взгляд на вещи, свои основополагающие теории. Я, как бывший инженер, хорошо с этим полем знаком: мир представляется большой сложной машиной, а деятельность в нем – множеством проектов и реализующих их алгоритмов. Об этом, кстати, ярко и зло писал Ф. фон Хайек в книге “Контрреволюция науки”.

Рассматривая социальные поля, П. Бурдьё (а также и Никлас Луман, обозначавший их как функциональные подсистемы общества) подчеркивал автономность полей и разрывы между ними. Быть в какой-то момент в каком-то поле – значит не быть в других полях. Переходить из одного поля в другое – значит совершать скачок, становиться в какой-то мере другим. Например, обыденное понимание армии: это люди в военной форме, на военной службе, в разных армейских чинах, они готовятся к войне или воюют. Но если следовать той логике, о которой я говорю, то армия – это не люди, а “армейское” поле – специфический комплекс теорий. А люди, находящиеся в этом поле и идентифицируемые как военнослужащие, – носители и исполнители теорий этого комплекса со своими особыми способами видения мира, производства суждений и действий и т. д. Но военный вне армейского поля – уже не военный. Он может переходить в поле повседневности (семья, домашние заботы), в поле медицины (если болеет и лежит в госпитале), наконец, в поле своих увлечений (если, допустим, собирает марки и посещает клуб филателистов). Впрочем, внимательный наблюдатель сможет различить “армейскую косточку”, то есть следы армейского поля, и в сугубо гражданских ситуациях.

Социальные поля различаются по степени детализации лежащих в их основе комплексов теорий, а также по их жесткости и требовательности к оказавшимся в них людям – агентам полей. На одном полюсе лежат диффузные поля, соединяющие людей во временные и аморфные общности, на другом полюсе – жестко структурированные поля, называемые социальными институтами и оказывающие на своих участников вполне ре-

альное принуждающее воздействие. Это происходит, разумеется, силами других участников, выполняющих соответствующие функции в рамках институтов, включая наложение санкций за недопустимые отклонения от требуемых норм, подготовку новых поколений, передачу традиций.

Любое профессиональное поле включает в себя соответствующие институты и при их посредстве добивается от любого своего агента, чтобы он был специалистом или, иными словами, чтобы он владел специальными или даже научными теориями этого поля. Относительно “чужих” полей этот же человек может располагать всего лишь наивными теориями или, если они почему-то имеют для него значение, – продвинутыми теориями. Так, агент юридического поля, например адвокат, должен отлично знать кодексы законов и обширные их толкования. От инженера же эти знания не требуются, он может обойтись самыми смутными и наивными представлениями о сфере юриспруденции. Хотя, с другой стороны, жизненные обстоятельства могут “втолкнуть” его в эту сферу и заставить овладевать продвинутыми юридическими теориями.

Массовое поле. Вот так, издали, я двигаюсь к тому, чтобы все-таки прийти наконец к разговору об общественном мнении. Столь длинный путь необходим, так как это понятие – слишком сложное, чтобы взять и просто разобраться с ним. И предварительный разговор еще не закончен: кроме тех полей, о которых я рассказал и которые конституируются специфическими комплексами теорий, надо рассмотреть еще одно поле. Это – “поле полей”, включающее в себя все наивные теории, какие только есть в мире теорий. В этом смысле оно объединяет наивные компоненты всех социальных полей, весь океан наивных теорий. Каждый человек с первого и до последнего своего дня – участник этого “поля полей”, так как обязательно владеет какими-то из имеющих в нем хождение наивных теорий – иначе он просто не сможет жить среди людей. Поэтому я называю это поле массовым.

В личностном знании наивные теории, взятые из массового поля, составляют львиную долю, и на их фоне знание научных, специальных и продвинутых теорий – капля в море. В то же вре-

мя по отношению ко всему массовому полю личный запас наивных теорий микроскопически мал: любой человек о подавляющем большинстве теорий массового поля понятия не имеет. О каких-то – он только слышал, но ни подумать, ни тем более сказать о них ничего не может. И только о некоторых – знакомых – темах мы имеем какие-то представления, можем вступать в коммуникации и совершать осмысленные с точки зрения этих представлений действия. Такого рода коммуникации/действия могут происходить в любых социальных ситуациях и в любых социальных средах, за исключением тех, где наивных теорий недостаточно и взаимодействие происходит исходя из более глубоких – продвинутых, специальных или научных – теорий. Например, о теории относительности многим вообще нечего сказать, немногие – могут наивно порассуждать о ней (особенно если разговор затрагивает личность Эйнштейна), но только немногие знают что-то большее и могут коммуницировать компетентно. Им, кстати, наивные разговоры на эту тему не только неинтересны, но представляются досужими, глупыми и бессмысленными. То же самое касается любой темы – от Америки до воспитания детей, от плохой работы правительства до предстоящего ремонта в подъезде. В этом необозримом тематическом спектре всегда наиболее частыми оказываются коммуникации обы-

Социальная общность составляется из людей, которые видят мир в каком-то его аспекте похожим образом, поскольку разделяют общую теорию. Поэтому можно сказать, что теории производят социальные реальности

денные, повседневные, не требующие особой компетентности, то есть порождаемые наивными теориями массового поля. Тогда как коммуникации, базирующиеся на более основательных знаниях, происходят гораздо реже (носителей более глубоких теорий по численности гораздо меньше) и только в определенных ситуациях (на-

пример, научные теории в трамвае обсуждаются крайне редко).

Таким образом, второе имя массового поля – это “поле повседневности”, и оно, как писал Альфред Шюц, имеет по сравнению с любыми другими полями (он их называет “конечные области значения”) тотальный характер. Оно – социальная атмосфера, в которой живет и постоянно коммуницирует каждый человек, подобно тому, как он живет и дышит в физической атмосфере в каждое мгновение своей жизни. Несмотря на широту и диффузность, массовое поле активно принуждает каждого из нас осваивать все новые и новые наивные теории. Жизнь человека в массовом поле, то есть в мире повседневности – постоянное движение, суть

которого – приобретение новых наивных знаний наряду, конечно, с забыванием старых. Так происходит потому, что массовое поле инициирует непрерывно развивающуюся сеть коммуникаций, в которой те, кто уже “знает”, так или иначе принуждают узнавать тех, кто еще “не знает”. Жить среди людей – означает быть всегда в этой сети, постоянно быть под на-

пряжением “силовых линий” массового поля и, следовательно, ежечасно подвергаться “бомбардировке” наивными теориями.

Репрезентативные опросы. Идея рассматривать мир теорий как массовое поле, оказывающее, подобно гравитационному полю, воздействие на каждого живого человека, дает возможность описать процедуру репрезентативного опроса по аналогии с физическими измерениями.

Здесь следует подчеркнуть, что речь идет только об опросах, основанных на вероятностных выборках респондентов (обычно говорится о взрослых людях от 18 лет и старше). Такие опросы отличаются, во-первых, тем, что в них четко

определяется генеральная совокупность, то есть то население, которое должно быть репрезентировано (представлено) выборкой (чаще всего это жители определенной территории – страны, региона, области и т. д.). Во-вторых, в них обязательно применяется какая-то из процедур отбора респондентов, обеспечивающих для каждого человека из генеральной совокупности равную вероятность попасть в выборку. При таком подходе математическая статистика гарантирует, что полученные на выборке процентные соотношения между ответами респондентов можно экстраполировать на все исследуемое население. Иными словами, можно утверждать, что если бы был проведен сплошной опрос, были бы получены те же

результаты, что и при опросе небольшой вероятностной выборки респондентов. Это, конечно, упрощенное описание, но уже из него ясно, что никакие опросы на улицах, по радио, через интернет не репрезентативны, так как выборки в них – не вероятностные. Тогда как наши, ФОМовские, опросы населения в принципе являются таковыми, потому что их выборки изначально

конструируются с учетом требования репрезентативности. Поэтому когда после опроса мы заявляем, что это говорит население, а не только опрошенные респонденты, мы имеем на то достаточно веские основания.

После этой краткой справки о репрезентативных опросах вернемся к понятию массового поля и выдвинем следующее утверждение. Опрос, проведенный в какой-то момент на какую-то тему и репрезентирующий какую-то совокупность людей, фиксирует на данный момент и для этой совокупности состояние массового поля в отношении этой темы. Иначе говоря, опрос показывает, какие теории, связанные с этой темой, освое-

ны и проявляют себя в ответах респондентов, а также каковы соотношения между “охватами” этих освоенных теорий. При этом главную роль играют именно наивные теории, так как теории научные, специальные и продвинутые имеют относительно малые и даже микроскопические “охваты”. Таким образом, репрезентативные опросы населения – это метод изучения массового поля, инструмент выявления в этом поле находящихся в обращении наивных теорий.

Наивные теории, выявляемые опросами. Типичный пример исследования массового поля – выяснение того, как люди интерпретируют понятия, не слишком укорененные в языке и практике, но часто употребляемые специалистами. Это делается с помощью вопроса “Что это, как Вы это понимаете?”, задаваемого в открытой форме, когда высказывания респондента дословно фиксируются интервьюером. Если, например, взять постоянно присутствующую в СМИ тему “инвестиции”, то выясняется, что в понимании этого термина имеет место значительное разнообразие. Большинство респондентов готовы говорить об этом, но далеко не все высказывания соответствуют тому, что имеют в виду специалисты, говоря об инвестициях. “Наивные теоретики” часто говорят об инвестициях как о “воровстве”, “обмане”, “жизни с протянутой рукой”, “нищете”, “финансовой помощи” и т. д. Это хороший пример того, как происходит наполнение житейскими смыслами достаточно четкого для специалиста понятия, насколько сильно могут отличаться наивные теории от специальных и насколько велико их разнообразие. Но, надо отметить, наивные теории об инвестициях не слишком важны для специалистов и управленцев. Другое дело – выборы: здесь представления людей, по-своему, по-житейски понимающих политическую ситуацию, имеют гораздо большее значение, так как каждый гражданин обладает голосом, независимо от того, носителем какой теории он является – научной (политолог), специальной (политик, политконсультант), продвинутой (политически активный гражданин) или наивной (политически пассивный избиратель, обыватель).

Носители наивных политических теорий составляют подавляющее большинство, поэтому

они играют главную электоральную роль и, следовательно, являются главным источником предвыборной озабоченности политиков и политтехнологов. В наивных теориях о политиках и партиях крупницы знаний, почерпнутых из СМИ, перемешаны с эмоциями и чувствами, и они в малой степени связаны с тем, что пишут в своих программах или говорят в своих речах политические персонажи. На самом деле работают два основных фактора. Во-первых, избиратели домысливают, чего хочет политик, они как бы читают его мысли и выстраивают свои теории о его внутреннем мире. Так происходит приписывание политика к какой-то категории: демократ, державник, западник, либерал и проч. Разумеется, не в этих политологических терминах, а на каком-то своем, “естественном” языке, где главенствуют различения хороший/плохой, доверяю/не доверяю. Вторая координата еще дальше от рациональности: оценивается дееспособность политика, запас его сил, воли, способностей добиться того, чего он, как кажется, хочет. Если оценка потенциала политика оказывается высокой и одновременно предполагается, что хочет он чего-то позитивного, то такого рода наивная теория подталкивает к голосованию за него. Если большие массы избирателей приходят к выводу о дееспособности политика и одновременно каждый из них приписывает его к какой-то *своей* позитивной категории, то он приобретает особую популярность. Как показывают опросы, именно так произошло и по-прежнему происходит с В. Путиным, и поэтому вот уже почти семь лет рейтинг его популярности столь высок.

Медийное поле. Одним из главных корней, из которых произрастают наивные теории, один из существенных факторов их формирования – это медийное поле. В этом смысле массовое поле и медийное поле очень тесно сопрягаются, недаром, например, так широко распространена наивная теория о гипнотическом воздействии телевидения на население.

Само медийное поле, как и всякое поле, в значительной мере живет своей жизнью: оно автономно, замкнуто, поддерживает для своих участников свою социальную реальность. Его специфическое устройство описывал, например,

П. Бурдьё в цитируемой книге “О телевидении и журналистике”, а также Н. Луман в недавно переведенной у нас книге “Реальность массмедиа”. Но и без сложной аналитики мы все интуитивно понимаем, что медийное поле устроено и функционирует в соответствии со своим главным смыслом – распространением информации. Этот смысл диктует содержание теорий, которыми медийное поле вооружает своих агентов: необходимо добиваться признания и влиятельности в аудиториях, в противном случае информация будет игнорироваться и ее распространение будет затруднено. Один из главных инструментов решения этой задачи – отбор информации для распространения, определение, что есть главное и второстепенное. На примере новостей мы хорошо понимаем, что “демиурги”, сидящие за кулисами новостных программ, формируя по своим критериям “повестку дня”, могут очень многое изменить в представлениях о том, как устроен этот мир, что следует думать о том-то и как следует относиться к тому-то. Широко известен пример репортажей о войне в Персидском заливе, когда канал CNN впервые явно и откровенно продемонстрировал конструирование вполне определенной картины событий. Мы помним, как канал НТВ времен Гусинского своими “тревожно-правдивыми” новостями описывал мир, полный беспокойства и угроз, а сейчас тот же канал рисует его подчеркнуто спокойно и даже несколько иронично. Возникает вопрос: так это мир изменился или что-то переменилось на канале?

Медийное поле оказывает воздействие прежде всего на массовое поле, на наивные теории. Если программа “Время” сообщит, что Земля не круглая, а иной формы, это будет большая новость, но носители специальных теорий, например астрономы, ее проигнорируют. А носители наивных теорий, которым о форме Земли известно лишь то, что им рассказали в детстве, эту новую информацию воспримут и, возможно, при должных усилиях медийного поля примут. И в их социальной реальности Земля станет не круглой, а квадратной.

Общественное мнение. Чтобы поговорить, наконец, в свете всего сказанного о том, что такое “общественное мнение”, надо сделать последний

шаг и разделить массовое поле в его текущем состоянии на три больших региона. В первом регионе мы оставим наивные теории с малыми “охватами”, не имеющие в данный момент сколько-нибудь заметного хождения в обществе. В другой части оказались наивные теории с достаточно большими “охватами”, то есть порождающие крупные общности носителей этих теорий. Это множество широкоохватных наивных теорий мы разделим на второй и третий регионы, где второй регион будет состоять из теорий, не актуальных сегодня, не вызывающих особого интереса и переживаний, не порождающих сколько-нибудь интенсивных коммуникаций. В третьем регионе, напротив, сосредоточим широкоохватные наивные теории, присутствующие по тем или иным причинам в фокусе общественного внимания, в актуальной “повестке дня”. Что это за причины – отдельный вопрос: то ли что-то действительно произошло и СМИ “трубят” об этом, то ли СМИ что-то “раздули” и кажется, что это произошло, – сейчас неважно. В любом случае речь идет о наивных теориях, переживаемых в данный момент многими людьми как важные, как значимые. Этот, третий, регион мы называем “регионом общественного мнения”, а совокупность содержащихся в нем теорий – “общественным мнением”.

Например, тема “птичий грипп” актуализировала несколько широкоохватных наивных теорий, в том числе теорию предстоящей эпидемии, теорию конкурентной борьбы между производителями куриного мяса, теорию информационного “пузыря”, надутого из вполне обычного явления, и т. д. Тема замены льгот денежными выплатами вывела на передний план по крайней мере две теории: протестную теорию “не отнимайте льготы!” и более спокойную теорию “давайте деньги”. Из этих примеров очевидно, что наполнение третьего региона в разные моменты времени может меняться, так как актуальные темы и связанные с ними теории приходят и уходят. По мере потери актуальности теории из региона общественного мнения могут переходить во второй регион широкоохватных, но не слишком важных в данный момент теорий (пример – еще недавно так волновавшие массовое поле наивные теории “озоновых дыр”, финансового кризиса, гибели

принцессы Дианы, дефицита соли и т. д.). Если носители наивных теорий постепенно забывают их, то они могут оказаться и в первом регионе массового поля (как, например, наивные теории конца 80-х годов о хозрасчете, кооперативах, выборности руководителей, которые во времена “перестройки” вызывали феноменальный интерес).

Кроме того, что наивные теории региона общественного мнения являются широкоохватными, актуальными и важными, их отличает еще одно свойство, кажущееся иногда почти мистическим: они оказывают на людей принуждающее воздействие, вызывая сильные эмоции, волнения, переживания, и даже иногда толкают к экстраординарным действиям и поступкам. Поэтому, кстати, некоторые исследователи находят мнимые аналогии между общественным мнением и социальными институтами. Под давлением общественного мнения политики уходят в отставку, правительства останавливают реформы, парламенты, сопротивляясь, принимают законы, работодатели идут на уступки профсоюзам и т. д. Как писала знаменитая немецкая основоположница изучения общественного мнения в Европе Элизабет Ноль-Нойман, люди обладают “социальной кожей”, чувствительной к переживаниям других людей, и склонны присоединяться к этим переживаниям. Указанное “мистическое” свойство общественного мнения – результат эмоционального заражения, когда ты начинаешь волноваться о чем-то потому, что это волнует других. Пусть ты вчера даже не думал об этом, но сегодня это стало для тебя актуальным, заставило рассуждать и даже отложить дела, чтобы отправиться, например, на митинг, чтобы протестовать и требовать того, чего требуют многие. Такие ситуации развиваются по принципу положительной обратной связи: чем больше общность носителей ставшей актуальной наивной теории, тем быстрее она прирастает новыми носителями, тем объемнее и интенсивнее коммуникации, в том числе и в СМИ, тем больше людей “заражаются и присоединяются”.

Разделение “широкоохватных” наивных теорий на второй и третий регионы соответствует тому, как Уолтер Липпман (американский мыслитель, который еще в 1922 году издал классическую книгу “Общественное мнение” и ввел в употребле-

ние термин “стереотип”) разделял просто “общественные мнения” и “Общественное Мнение” с большой буквы: *“Характеристики внешнего мира, которые вытекают из поведения других человеческих существ постольку, поскольку это поведение касается нас самих, зависит от нас или интересно нам, мы можем в первом приближении назвать общественными делами (public affairs). Картины в головах этих человеческих существ, образы их самих, других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений – это общественные мнения. Картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп, – это Общественное Мнение с большой буквы”*. (Цитата из книги У. Липпмана, изданной ФОМом в 2004 году).

Выше использовалось сравнение наивных теорий, составляющих массовое поле, с океаном, на поверхности которого – осознаваемые, а в глубинах – доведенные до автоматизма теории. Эту метафору можно продолжить: часть поверхности океана – спокойная, с небольшими волнами (второй регион), а в других местах – штормы, большие волны, ураганы, то есть происходит что-то необычное (третий регион). Из этой картины, кроме всего прочего, видно, насколько непостоянной, зыбкой и условной оказывается

Любая теория требует от своих сторонников так или иначе отстаивать ее, пропагандировать, убеждать, “захватывать”, втягивать в ее орбиту других людей. Так силами своих сторонников теории борются между собой, стремятся расширить свои общности, увеличить свой “охват”

граница между вторым и третьим регионами, то есть между тем, что Липпман обозначал как “общественные мнения” и “Общественное Мнение”. А первый регион с его малоохватными наивными теориями – это прибрежные зоны океана, разнообразные заливы, бухты, лагуны, весьма специфические и прилегающие к берегам продвину- тых, специальных и научных теорий.

Океан наивных теорий – это среда, порождаемая мириадами коммуникаций, либо непосредственно в ходе общения между людьми, либо через посредников: массмедиа, кино, книги, интернет и др. В этой коммуникативной среде наивные теории появляются, распространяются, трансформируются, сменяются другими, исчезают. Она – как воздух, которым мы дышим, и, как воздух, мы безостановочно принимаем в себя и выдаем вовне в ходе коммуникаций порции этой среды. Это не физическая атмосфера, это социальная атмосфера. И мы все чувствуем ее точно так же, как чувствуем воздух, но обычно не отдаем себе в этом отчета. За исключением тех ситуаций, когда имеем дело с наивными теориями третьего региона, то есть с Общественным Мнением с большой буквы. Тогда с нами происходит что-то вроде того, что произошло с Остапом Бендером, который ощутил давление воздушного столба, когда влюбился в Зосю Синицкую.

Специальные и наивные теории опросов. Возвращаясь к опросам, следует еще раз подчеркнуть, что они – всего лишь инструмент наблюдения и фиксации текущего состояния социальной атмосферы, этого вечно меняющегося, многомерного и бесконечно сложного объекта. Поллстеры (от англ. *poll* – “опрос”) – своего рода социальные метеорологи, расставляющие приборы (вопросники) в нужных точках (в репрезентативной вы-

бором респондентов) и снимающие их показания (в ходе интервью с респондентами). Поллстеры разговаривают с респондентами, предполагая, что примерно так люди разговаривали бы, или, может быть, даже разговаривают между собой, обсуждая те или иные аспекты социальной реальности. Но цель состоит не в том, чтобы просто зафиксировать, что говорят люди, обращаясь к тем или

иным темам. На основе опросов выявляются распространенные и актуальные наивные теории, соотношения между их “охватами”, и в конечном счете дается описание текущего состояния коммуникативной среды и ее динамики в терминах “обитающих” в ней в данный момент наивных теорий. Так же точно метеорологи снимают со своих приборов отсчеты температуры, давления, влажности, скорости ветра и др., чтобы рассказать не об этих числах, а о движении циклонов и антициклонов, погодных фронтах и в результате сконструировать картину-описание происходящего в атмосфере и дать кратко- и среднесрочные прогнозы. Поэтому широко распространенная наивная теория, что общественное мнение – это то, что показывают опросы, так же нелепа, как заявление, что показания термометра, барометра и гигрометра – это и есть погода.

Фонд “Общественное мнение” в контексте социальной реальности

Так выглядит теория репрезентативных опросов, к которой склоняется автор. Она по своему типу, безусловно, специальная, и поэтому, кстати, ее так трудно изложить в одной лекции. К научным теориям она, конечно, не относится, потому что таковой она может быть признана, если получит от научного сообщества соответствующий сертификат.

В последних высказываниях неявно подчеркивается, что в ФОМе, кроме проведения опросов, предпринимаются также попытки осмыслить свою деятельность. Весь сегодняшний разговор связан именно с такого рода рефлексией. Постоянно наблюдая состояния массового поля и выявляя распространенные в нем наивные теории, мы отдаем себе отчет в том, что занимаем специфическую позицию наблюдателей, но, конечно, остаемся частью этого поля. Нам не под силу выйти за его пределы, но мы можем попытаться по крайней мере посмотреть на себя со стороны и хотя бы иногда наблюдать за наблюдателем.

Общественное мнение в контексте журнала “Социальная реальность”

С января 2006 года Фонд “Общественное мнение” выпускает ежемесячный журнал “Социальная ре-

Теории силами своих носителей модифицируются, и так как этот процесс влияет на выживание, получается, что в мире происходит эволюция теорий, возникают и исчезают виды теорий, сменяют друг друга исторические эпохи и т. д.

борке респондентов) и снимающие их показания (в ходе интервью с респондентами). Поллстеры разговаривают с респондентами, предполагая, что примерно так люди разговаривали бы, или, может быть, даже разговаривают между собой, обсуждая те или иные аспекты социальной реальности. Но цель состоит не в том, чтобы просто зафиксировать, что говорят люди, обращаясь к тем или

альность”. После всего сказанного его название, наверное, не нуждается в комментариях. Но к нему есть еще и подзаголовок – “Журнал социологических наблюдений и сообщений”. Этим мы сужаем и конкретизируем рамку журнала: в нем описываются наивные теории, выявляемые посредством опросов. Для иллюстрации тематического спектра можно полистать третий и четвертый номера. Вот, например, заголовки: “Межличностное доверие в России”, “Деньги вместо льгот”, “Практика сожительства в России”, “Смертная казнь как норма жизни”. Все это в первом разделе – “Общество”. Всего в журнале три постоянных раздела, есть еще “Форум” и “Мастерская”. В “Мастерской” мы публикуем статьи методического характера (например, “Прогнозирование электропоявления на региональных выборах”) и с методологическим уклоном (“Уолтер Липпман о стереотипах”). Если мы решим опубликовать эту лекцию, то ее место, конечно, в разделе “Мастерская”. В разделе “Форум” – живые голоса тех, кто занимается изучением общественного мнения, пишет об этом и может сказать что-то интересное. Здесь интервью, эссе, круглые столы и т. д. Журнал “Социальная реальность” доступен не только в бумажном виде, но и на нашем сайте www.fom.ru.

Фонд “Общественное мнение” в контексте журнала “Социальная реальность”

Я об этом рассказываю не столько в порядке информации, сколько для иллюстрации того, что сегодняшний разговор неслучаен. Для ФОМа журнал принципиально важен, так как он создает смысловое измерение нашей деятельности. И не только нашей – предполагается, конечно, что в нем будут печатать результаты своих исследований и свои суждения о природе социальной реальности и наши коллеги. Это обсуждается не слишком часто, но не потому, что это неинтересно, а из-за нехватки времени и дефицита места. Так вот, журнал создает такое место и журнал требует – поскольку он существует – времени, чтобы размышлять на такие темы. Спасибо.

Обсуждение

Виталий Лейбин: В Вашей картинке непонятно, как рефлексировать собственный метод, как оценивать то, что Вы вопросами вносите в эту среду. А главное – как понять статус той температуры, которую Вы измеряете. Если бы Вы сказали, что то, что Вы измеряете, дает представление о каких-то существенных для чего-то социальных объектах, из которых будет следовать действие, социальный институт или что-то такое, то это было бы очень сильное высказывание: вот, что-то важное измеряется. И тогда мы бы спросили: а что это? Но Вы сказали, что измеряется набор коллективных представлений в смешанном и бессмысленном виде – и зачем? То есть я понял введенную вами терминологию, но я не понял высказывания – а что Вы, собственно, хотели сказать?

Александр Ослон: Сказать я хотел следующее: чтобы осмысленно говорить об общественном мнении и, следовательно, об опросах общественного мнения, надо иметь “картину мира”, в которую вписаны эти понятия, своего рода базовую метафору. И все, о чем я говорил, – по сути, отказ от уравнивания общественного мнения и опроса, так как оно ведет в позитивистский тупик. Если полагать, что мы измеряем температуру, то немедленно возникает Ваш вопрос: температуру чего? какого объекта? что это за объект? и каким таким образом мы, измерители, оказались вне этого объекта? В рамках инженерной метафоры ответов нет; нет поэтому и внутренней логики в толковании результатов опросов, так как кроме честного ответа “таковы результаты измерения” сказать нечего. Но жизнь заставляет говорить что-то большее – ведь Вы же сами ставите вопрос: что это там такое важное измеряется? Вот в этом месте обычно начинается конструирование интерпретаций, которые в отсутствие продуманной базовой метафоры всегда остаются произвольными артефактами. Поэтому, собственно, интерпретации результатов опросов обычно столь банальны, а небанальные интерпретирующие тексты (такие тоже встречаются) несут на себе печать личностных политических и человеческих пристрастий авторов. Без методологического фундамента в лучших (и потому редких) случаях

могут производиться только впечатляющие интеллектуально-художественные тексты. А для систематической аналитики нужен методологический фундамент, нужна базовая метафора, нужна, в конце концов, теория, конституирующая онтологию употребляемых все понятий. Только после этого могут формулироваться осмысленные исследовательские вопросы к миру, а ответы на них не будут создавать ощущение информационного хаоса. Так, например, в астрофизике только после принятия базовой метафоры расширяющейся вселенной может ставиться вопрос о скорости разбегания галактик, и только в ее рамках имеет смысл “измерение” этой скорости.

Поэтому я оставляю инженерно-измерительную метафору за опросами, которые всего лишь процедуры, термометры, тогда как общественное мнение – феномен (один из!) мира теорий. После пятнадцати лет практики опросов как основного занятия в жизни я утверждаю, что опросы бессмысленны, если они проводятся просто для того, чтобы измерять что-то, что кажется существующим потому, что есть обозначающие это слова. Например, рейтинги политиков, протестные настроения, готовность брать ипотечные кредиты, отношение к Америке или распространенность двоемыслия. Все это конструкты из реальности исследователя и его “тусовки” – то бишь его социального поля. А в социальной реальности респондента, “подвергаемого” опросу, они могут нести совсем иные смыслы или просто быть бессодержательными фикциями.

Елена Гусева: Вы можете в Вашей теории разделить – что объективно, что субъективно?

Александр Ослон: Если подводить черту под сказанным, то суть в том, что субъективное интерпретируется как объективное, объективное предопределяет субъективное. Происходит круговорот субъективного и объективного, и они неразделимы. Мы, люди, считаем объективным то, что мы считаем объективным, – и не более того. Когда я первый раз в жизни трогаю этот стол, то у меня нет уверенности, что он реален, то есть объективен. Может, это мираж, сон, галлюцинация. Но если мы все вместе его потрогаем, все придем к выводу, что он реально существует, и не раз подтвердим это друг другу, то мы тем самым

его объективируем, сделаем бесспорным и несомненным.

Евгений Кисленко: Спасибо за интересный подход. Верно ли я понял: общественное мнение – как комплекс теорий? Это огрубленно.

Александр Ослон: Наивных теорий.

Евгений Кисленко: Комплекс теорий, комплекс наивных теорий – для меня это несколько неожиданно. Тем более что я знаком с вашими исследованиями. Объясню, что меня смущает. Небольшой пример. Когда мне в практической деятельности, в избирательной кампании нужно свалить кандидата Сидорова, я запускаю информацию, что он фашист. Ну, это по Питириму Сорокину: подавление базовых инстинктов, угроза базовым каким-то вещам. Естественно, никто в это не верит – ни до выборов, ни после. Но “болото” (неопределившаяся часть электората, которая составляет до трети) и те, кто пришел на выборы (примерно треть, а то и половина), свое решение принимают в момент, когда ручка занесена над листочком. То есть фактически это составляет до 5%. Избиратель знает, что Сидоров не фашист, он мог бы за него проголосовать – но в последний момент отказывается. И это оказывается решающим для нашей и социальной, и политической, и бытовой даже реальности. Как исследовать в терминах комплекса теорий вот этот импульс? Привычнее исследовать общественное мнение как общественное настроение, чаяния, веяния... Вот в такой раскладке оно более перспективно. В раскладке, где вы имеете дело с отпечатанными кодами это, по-моему, менее продуктивно.

Александр Ослон: Все, что я излагал, – это не единственный взгляд, и он не может обслуживать все ситуации. Ситуация, которую Вы описали, возможно, требует иных подходов, инструментария, иных смысловых построений в методиках и самой работе. Я просто рассказал, что рассказал, без претензии на то, что это полезно и применимо всегда и что с этим надо идти по жизни как с флагом. Я иду с этим флагом, другой – с другим. Политтехнологические работы, о которых Вы сказали, вне наших интересов. Когда кто-то занимается такого рода проектами и ему нужны результаты опросов для его целей, то мы, даже если проводим опрос, никакого отношения к собственно проек-

ту иметь не можем, и это – принципиальная позиция. Дальше, у нас есть инструментарий. Если он адекватен – мы можем получить результат, полезный для проекта, в том числе и для такого. Другое дело, что могут возникнуть соображения, связанные с отношением к проектанту. Если у него есть проект свалить Сидорова и мы идем с ним на контакт, то мы ему даем результат, какой можем дать. Если он говорит: “Это не очень адекватно, это не то”, – мы отвечаем: “Тогда возьми в другом месте другой инструмент”. Бывает, что на контакт не идем, – тогда и говорить не о чем.

Григорий Волчков: Мне бы хотелось понять, как Вы относитесь к паре понятий “представления” – “мнения”? Каким образом Вы рефлексируете свою собственную позицию при составлении вопроса? Существует ли выбор – о чем спрашивать? И здесь полный ли диктат спрашивающего?

Александр Ослон: По первой части: мнения и представления. Когда я говорил о теориях, я имел в виду, что это некоторые идеальные метафизические внечеловеческие сущности, порождающие субъективные представления “в головах” людей. Туда, “в головы”, мы не можем заглядывать, мы можем получить только некоторую вербальную реакцию в той или иной ситуации. В ситуации опроса происходит стимулирование этих реакций вопросами, и поэтому мы изучаем мнения в том смысле, что изучаем произносимые людьми слова. Не представления респондента, которые там, “в голове”, а слова, которые он произносит. Но в интерпретациях мы пытаемся фантазировать: что же за кулисами? Какие факторы, какие представления способствовали тому, что именно данные слова были произнесены? Причем не отдельно взятым человеком, а многими людьми, то есть мы пытаемся типизировать происходящее во многих “головах”. И это типизированное наше представление об их представлениях мы описываем как теорию, которую они, вероятно, разделяют и которая, по сути дела, является фактором того, что мы наблюдаем. Так возникает авторский текст интерпретатора, рассказывающего о социальной реальности, с которой он соприкоснулся через ответы на заданные вопросы.

Теперь о том, что спрашивается в опросах. Во-первых, есть заказчики, которых интересуют оп-

ределенные темы. Иногда они сами формулируют их, иногда с нашей помощью. Что касается вопросов, то это уже наша епархия, хотя бывает, что в процессе участвуют специалисты заказчика. Кроме того, много лет мы проводим опросы по тематике, индуцированной телевизором. Мы идем вслед за актуальной “повесткой дня” и выяс-

Жизнь человека в массовом поле, то есть в мире повседневности – постоянное движение, суть которого – приобретение новых наивных знаний наряду с забыванием старых

няем, что люди говорят о том, о чем говорится в новостях. Эти опросы еженедельно появляются у нас на сайте www.fom.ru в разделе “Доминанты. Поле мнений”.

Когда определяются темы и формулируются вопросы, мы стараемся следовать некоторым простым правилам, чтобы минимизировать наше собственное влияние. Например, мы почти не задаем вопросы с вариантами ответов в виде меню. Мы считаем, что семантические позиции и словесные формулы в такой конструкции навязывают респонденту то, что видит исследователь. В таких ситуациях мы задаем открытые вопросы, хотя их обработка тяжелее и дороже. А закрытые вопросы стараемся делать как можно проще и стандартнее. Они кажутся несколько “туповатыми”, но зато снижается вероятность их неоднозначного восприятия респондентами.

Александр Черкасов: Ваши данные как-то позволяют выходить в полученном результате за рамки тех представлений, которые были заложены? Получаются какие-то неожиданные результаты, выходящие за пределы исходного знания?

Александр Ослон: Исходное знание – это тема, развернутая в вопросах. А то, что люди скажут, мы не знаем. Конечно, мы иногда об этом догадываемся, и опыт прочтения тысяч ответов на сотни вопросов, бывает, подсказывает, каким будет распределение. (Кстати, у нас на сайте есть ФОМ-клуб, где проводятся “конкурсы провидцев”, угадывающих результаты опросов.) Но исходная позиция

состоит в том, что мы не знаем, что получим в опросе, какие настроения, какие наивные теории, какие эмоции сегодня в ходу. Особенно когда тема предлагается впервые. Но и динамика иногда труднопредсказуема. Исходно мы гипотез “не измышляем” – кроме той гипотезы, что на эту тему

Чем больше общность носителей ставшей актуальной наивной теории, тем быстрее она прирастает новыми носителями, тем объемнее и интенсивнее коммуникации, в том числе в СМИ, тем больше людей “заражаются и присоединяются”

стоит разговаривать. Что человек не будет пожимать плечами из-за неактуальности темы. Так что неожиданности бывают часто.

Теперь по поводу интерпретаций. Я много говорил о наивных теориях, которые как бы подталкивают человека к тому или иному ответу. Другое дело – теории анализирующего данные исследователя, который уже владеет такими теориями или формирует их по ходу “разглядывания” данных. Они всегда есть, и в этом смысле аналитический текст – всегда авторский текст. Другое дело – в какой мере теории исследователя довлеют над текстом и в какой мере он осознает их влияние, чтобы дистанцироваться от них и понять, какие наивные теории лежат за ответами респондентов. Стакан, как известно, для кого-то – наполовину пуст, для кого-то – наполовину полон, все зависит от авторской позиции. Для того и нужна теория наивных теорий, чтобы автор понимал свои ограничения и свой произвол.

Есть, впрочем, чисто объективистский взгляд: просто брать данные и выявлять в них методами статистического анализа всевозможные закономерности, корреляции, кластеры, факторы и проч. Иногда это интересно: для меня это моя молодость, когда-то я занимался подобными методами. Но это всегда ведет к мнимой независимости автора и данных. Автор все равно присутствует и в методике анализа, и в аналитическом

тексте. Но для желающих идти по этому пути практически все наши первичные данные в формате SPSS мы готовы передавать. И мы это делаем. Правда очень редко, потому что желающих мало. Это такая иллюзия, что многие только и ждут, чтобы наброситься на данные и начать их анализировать.

Вячеслав Широинин: Есть представление, что мы живем в состоянии афазии – то есть не можем ни понять, ни высказать, что с нами происходит. То есть эти теории – они очень противоречивые, очень наивные, люди это сами чувствуют. Вот мера наивности – она увеличивается или уменьшается? Это состояние безмолвия – с ним что происходит?

Александр Ослон: Ощущение безмолвия может усиливаться на фоне нарастания шума. Такой вот парадокс. Шум нарастает по мере расширения мира теорий, так как в нем доля теорий внятных, порождающих прозрачные высказывания, уменьшается. А доля теорий смутных, неведь откуда возникающих и быстро исчезающих – увеличивается. Нарастание сложности мира теорий привело к ощущению, что что-то качественно изменилось, вероятно, перейден тот порог, после которого заговорили о фрагментарности и неохватности мира, о постмодернизме. Но есть факторы, которые снижают сложность. Один из важнейших факторов такого рода – Джордж Буш. Он и такие, как он, упрощают мир. Кстати, то, что происходит у нас в России, я считаю в значительной мере проекцией того, что происходит там, в Америке. Там упрощение – у нас упрощение, там биржи пошатнулись – у нас пошатнулись. Но в целом, конечно, тенденция – к росту сложности и наивности.

Леонид Пашутин: Мне кажется, что Вы словом “теория” заменили ряд других понятий, которые существовали раньше. Притом, как часто делают социологи, не осознавая, к сожалению, привнесли в теорию оценку. Вы заменили словом “теории” такие понятия, как “эйдосы”, “идеи” – ради бога! Но Вы сразу поставили Печорина выше Максим Максимыча. Когда Вы говорите, что у простых людей есть комплексы теорий, Вы как бы равняете их с экспертами. А почему бы не делать наоборот? Почему бы не равнять экспертов по

тем нормам, которые есть у нормальных носителей культуры? Дело в том, что прежде в истории культуры было именно так. Социологи очень мало используют лингвистическую традицию, что не позволяет им правильно работать с людьми. Потому что они не знают тех норм, тех реакций, которые будут у Максим Максимыча. Они всех равняют по Печорину. У Вас выпадают огромные пласты того, что Вы называете комплексами изначальных, наивных якобы теорий. Я далеко не уверен, что они настолько наивны. Тем более Вы говорите, что реальность ускользает. Почему Вы говорите, что они наивны, почему считаете, что они наивнее Ваших представлений?

Александр Ослон: Слово “теория” – не самое, может быть, подходящее, но говорить, что ответы наших респондентов обусловлены эйдосами, было бы, наверное, еще менее удачно. В определение “наивная” я не вкладываю никакой унижающей оценки, так как не исключаю никого – ни Печорина, ни Максим Максимыча, ни Вас, ни себя – из круга носителей наивных теорий. У каждого или почти у каждого есть в запасе специальные теории, прежде всего профессиональные, но все остальное, то есть основная доля наших знаний о мире, – наивные теории. Так что ровно наоборот: я уравниваю рабочего-токаря и профессора-филолога, когда оба они рассуждают – каждый в своем кругу и на своем языке, – о политике, экономике, юриспруденции, исходя из наивных теорий.

Александр Лямков: Правильно ли я понял, что Вы не занимаетесь измерением социальных полей, но их проекциями в поле полей? Преломлением этих специальных полей?

Александр Ослон: Да. Практически всегда. Если говорить о нашей систематической работе – да.

Вопрос из зала: Если изобразить поля исследователя и поля наивного сознания в виде кругов Эйлера – находится ли первое внутри второго? Какие темы социальной реальности наиболее сложны для получения ответа?

Александр Ослон: Если понимать первый вопрос как вопрос о том, каковы соотношения между специальными и наивными теориями, то, вообще говоря, они не пересекаются. Хотя наивная теория гравитации кажется фрагментом специальной физической теории, невозможно сказать, что она

ее часть, по крайней мере, любой физик откажется это признавать.

Второй вопрос, относительно сложности тем, – очень интересный. Дело в том, что для этого есть хороший индикатор: доля тех, кто затруднился с ответом. И есть закономерности корреляций этого индикатора с социально-демографическими характеристиками респондентов и темами. В одной из работ Георгия Сатарова описано такого рода исследование на базе большого числа массивов опросов, в том числе ФОМовских. Оказывается, есть вопросы, по которым ответ “затрудняюсь ответить” одинаково распределен в разных группах по образованию. А есть такие, где образованные затрудняются гораздо реже, чем необразованные. И он вывел из этого закономерность, что есть темы, которые уже освоены многими, широко разошлись по населению, есть темы, еще никем не освоенные, и есть темы, освоение которых только начинается, причем это происходит в первую очередь среди более молодых, образованных, проживающих в крупных городах, находящихся выше на социальной лестнице. А остальные по таким темам как бы отстают. Такой вот механизм: распространение наивных теорий происходит через наиболее сообразительных, говорливых, развитых.

Если же говорить об эмпирических данных, то по житейским темам – например воспитание детей, семейные отношения, представления о желательном будущем – практически нет проблем с ответами. С политикой – по-разному: есть, например, президент, и вопросы о нем трудностей не вызывают, и есть много известных, казалось бы, людей, часто мелькающих в телевизоре, но относительно них огромная доля затрудняются с ответом.

Ирина Евсева: В результате вашей опросной деятельности возникает еще одна теория о социальной реальности. Насколько она влияет на ваших заказчиков – тех, кто принимает решения?

Александр Ослон: Лица, принимающие решения, как и прочие специалисты, как говорил Козьма Прутков, подобны флюсу. Они заняты своими проектами, поэтому долго говорить с ними на подобные темы невозможно. Но если это удастся, то элементы того мировоззрения, о котором я сегодня рассказывал, все-таки прорастают. ■

А. Ослон

Эксперты на страже социальной реальности

выписки из книги П. Бергера и Т. Лукмана “Социальное конструирование реальности”

Приложение к лекции “Общественное мнение в контексте социальной реальности”

Предварительные замечания

Рассмотренное в лекции различие наивных, продвинутых, специальных и научных теорий основано на традиции, известной как феноменологическая социология знания. Начало этому направлению мысли положила вышедшая в 1966 году и ставшая классической книга Питера Бергера и Томаса Лукмана “Социальное конструирование реальности” (на русском языке она появилась в 1995 году в переводе Е.Д. Руткевич). Следуя идеям Альфреда Шюца, Бергер и Лукман особое внимание уделяют основанному на здравом смысле обыденному, повседневному знанию и описывают механизмы его формирования и распространения.

Одно из центральных понятий для Бергера и Лукмана – “смысловой универсум”, понимаемый как “вселенная”, включающая в себя ВСЕ, что люди различают и чему они придают значение (от лат. *universum* – философский термин, обозначающий “мир как целое” или “все сущее”). Но, как известно, нельзя объять необъятное, и поэтому человеческая популяция сегментирована: люди живут не в тотальном общем универсуме, а в своих “смысловых подуниверсумах”, то есть в ограниченных и зачастую непересекающихся мирах.

Именно эти миры в лекции были названы “социальными реальностями”; утверждалось, что они конституируются, то есть признаются существующими благодаря общим знаниям – теориям, разделяемым общностями “обитателей” каждой социальной реальности, носителей этих теорий. Исходя из такого взгляда, в лекции уста-

навливалось соответствие между “социальной реальностью” и “миром теорий”, и далее основное внимание уделялось “устройству мира теорий”, причем делалось это в значительной мере под влиянием идей Бергера-Лукмана.

Но в лекции совсем немного говорилось еще об одной важной теме книги: каким образом поддерживаются социальные реальности, что собой представляет особый персонал, “мобилизуемый” теориями для исполнения функций сохранения, защиты, передачи и легитимации знаний, составляющих социальную реальность. Бергер и Лукман рассматривают эту тему независимо от того, в форме каких теорий представлены знания социальной реальности: наивных, продвинутых, специальных или научных. Они говорят об общих чертах социальной организации такого рода функций поддержания универсума, а их исполнителей обозначают одним словом – эксперты. Роль экспертов особо важна, так как именно на них ложится основная тяжесть труда по конструированию и поддержанию социальной реальности.

С этой темой связан приведенный ниже фрагмент из книги Бергера-Лукмана – это подраздел в) “Социальная организация поддержания универсума” в разделе “Легитимация” главы II “Общество как объективная реальность”. В исходном виде он представляет собой сплошной текст, но для придания ему большей прозрачности в него введены внутренняя рубрикация, дополнительная разбивка на абзацы и шрифтовые выделения, а также сделаны небольшие кутюры.

Эксперты как особый персонал

Будучи историческими продуктами человеческой деятельности, все социально сконструированные универсумы изменчивы, а изменения привносятся конкретными действиями человеческих существ. Погрузившись в тонкости концептуальных механизмов, поддерживающих универсумы, можно забыть об этом фундаментальном социологическом факте¹.

Реальность является социально определяемой. Но определения всегда воплощены, то есть конкретные индивиды и группы индивидов оказываются теми, кто определяет реальность.

Чтобы понять состояние социально сконструированного универсума в любое данное время или его изменения во времени, следует понять социальную организацию, позволяющую тем, кто определяет реальность, заниматься этим. Грубо говоря, важно передвинуть вопросы об исторически наличных концептуализациях реальности с абстрактного “что?” к социологически конкретному “кто говорит?”

Стадии развития экспертов

Специализация знания и сопутствующая ей организация персонала, управляющего теми или иными специализированными системами знания, развиваются в результате разделения труда.

В качестве ранней ступени такого развития представима ситуация, когда нет конкуренции между различными экспертами. Каждая область экспертизы определяется прагматическим фактом разделения труда.

Эксперт по охоте не претендует на роль эксперта по рыбной ловле, а потому у него нет оснований конкурировать с последним.

С появлением более сложных форм знания и ростом хозяйственных избытков эксперты полностью посвящают себя предмету своей

экспертизы, который вместе с развитием концептуальных механизмов может все более удаляться от прагматических нужд повседневной жизни.

Социальные притязания экспертов

Эксперты по этим утонченным системам знания предъявляют претензии на новый статус. Они выступают не только как эксперты в той или иной области социетального запаса знания, но требуют всей полноты полномочий, распространяющихся на этот запас знания во всей его целостности.

Они оказываются универсальными экспертами в буквальном смысле слова. Это не означает, что они претендуют на всеведение. Скорее они притязают на знание конечного смысла того, что все знают и делают. Другие люди могут по-прежнему помечать вехами свои особые сектора реальности, тогда как они претендуют на экспертизу относительно конечных определений реальности как таковой.

Теоретизирование и традиционализм как следствия статуса экспертов

Эта стадия в развитии знания имеет ряд последствий.

Первое, которое мы уже рассматривали, – возникновение чистой теории.

Так как универсальные эксперты оперируют на уровне существенного абстрагирования от хлопот повседневной жизни, то как другие люди, так и они сами могут сделать вывод, что их теории никак не связаны с преходящей жизнью общества, но существуют наподобие платоновского неба внеисторичных и асоциальных идей. Конечно, это иллюзия, но сама она может обрести огромный социально-исторический потенциал в силу взаимосвязи между процессами определения и производства реальности.

¹ Эта фраза относится к занимающей значительное место в книге Бергера-Лукмана полемике с традиционной социологией знания, направленной главным образом на умозрительно-теоретические, а не на повседневные знания, то есть на “историю идей”, а не на бытование наивных теорий.

Вторым следствием является усиление традиционализма, усиливается внутренне присущая институционализации тенденция к инерции.

Хабитуализация и институционализация² сами по себе ограничивают пластичность человеческих действий. Институты имеют тенденцию сохраняться вплоть до того момента, пока они не станут “проблематичными”. Конечные легитимации неизбежно усиливают эту тенденцию. Чем абстрактнее легитимации, тем маловероятнее их изменение в ответ на переменившиеся прагматические требования.

Вообще, если есть тенденция сохранять все как было, то она может только усиливаться при наличии превосходных обоснований в пользу такого сохранения. Это значит, что институты могут сохраняться даже в том случае, когда для внешнего наблюдателя они утратили свою первоначальную функциональность или практичность.

Некие вещи делаются не потому, что они работают, но потому, что так правильно, а именно потому, что это правильно в терминах предельных определений реальности, провозглашаемых универсальными экспертами. (Именно в этом состоит главная слабость функционалистской интерпретации институтов – она ищет практическое применение тому, чего на деле не существует.)

Конфликт между экспертами и практиками

Появление постоянного персонала по легитимации поддержания универсума дает поводы для социального конфликта. Часть этих конфликтов разыгрывается между экспертами и практиками.

Последние (по причинам, в которые нет нужды вдаваться) могут прийти в негодование

по поводу грандиозных претензий экспертов и сопровождающих оные конкретных социальных привилегий. Особое раздражение вызывают притязания экспертов на то, что они лучше знают конечное значение деятельности практиков, чем сами практики. Такой бунт со стороны “профанов” может вести к появлению соперничающих определений реальности, а иной раз и к возникновению новых экспертов с новыми определениями.

Древняя Индия дает тому превосходные исторические иллюстрации. Брахманам как экспертам по части предельной реальности в огромной степени удалось распространить свои определения реальности на общество в целом. Какими бы ни были ее истоки, кастовая система была за несколько веков распространена на весь индийский субконтинент именно брахманами. Конечно, один правитель за другим приглашал брахманов в качестве “социальных инженеров” для учреждения этой системы на все новых территориях (отчасти потому, что эта система виделась как тождественная высшей цивилизации, отчасти же потому, что правители, без сомнения, видели ее огромные возможности в смысле социального контроля).

Однако в такой ситуации был неизбежен конфликт между теоретиками и практиками власти. Последних представляли кшатрии, военная и княжеская каста. Эпическая литература Древней Индии, “Махабхарата” и “Рамаяна”, красноречиво свидетельствуют об этом конфликте. Не случайно два великих теоретических восстания против универсума брахманов – джайнизм и буддизм – имели свое социальное размещение в касте кшатриев. Разумеется, переопределения реальности джайнистами и буддистами привели к появлению собственного персонала экспертов.

² Эти понятия лежат в самом фундаменте выстраиваемой Бергером и Лукманом теории. Хабитуализация означает опривычивание повторяющихся действий, превращение их в типизированные образцы мышления или поведения. В ходе межличностных коммуникаций и взаимодействий происходят взаимные типизации образцов, наделение их социальными качествами, превращение их в то, что Бергер и Лукман называют институтами. Таким образом, институционализация – это процесс трансформации образцов, возникающих и закрепляющихся в социальных взаимодействиях, в компоненты социальной реальности. В ходе этого процесса они приобретают характер объективности, и за ними признается принуждающая сила. Например, еще в конце 40-х годов XX века движение на дорогах подчинялось указаниям уличных регулировщиков, а не правилам дорожного движения, которые в дальнейшем, пройдя процесс институционализации, быстро превратились в объективную и неотвратимую силу, реализуемую специальным и всем известным персоналом.

Столкновения экспертных теорий

Это приводит нас к другой, столь же важной возможности конфликта между соперничающими группами экспертов.

Выбор из конкурирующих теорий посредством проверки

Пока теории продолжают обладать непосредственной прагматической применимостью, все это соперничество может разрешаться средствами практической проверки.

Это могут быть конкурирующие теории охоты на медведей, где у каждой группы экспертов есть свои собственные интересы. Вопрос может быть решен сравнительно легко: достаточно посмотреть, какая теория приводит к убиению большего числа медведей.

Силовые методы подкрепления аргументации

Такой возможности нет при решении вопроса о правильности, скажем, политеистической или генотеистической теории Вселенной. Теоретики, которые их придерживаются, вынуждены заменять практическую проверку абстрактной аргументацией. По самой своей природе такая аргументация не несет внутренней убежденности в практическом успехе. То, что убедительно для одного, совсем не убеждает другого.

Не следует винить этих теоретиков за то, что они прибегают к различным силовым подкреплениям хрупкой власти простых аргументов — скажем, побуждают правителя использовать военную мощь для навязывания собственных аргументов своим соперникам.

Иными словами, определения реальности могут усиливаться с помощью полиции.

Это, кстати, совсем не означает, что такие определения будут менее убедительными, чем те,

что были приняты “добровольно”, — власть в обществе включает власть над определением того, как будут организованы основные процессы социализации, а тем самым и власть над производством реальности.

Социальные обоснования теорий

В любом случае в высшей степени абстрактные символизации (то есть крайне удаленные от конкретного опыта повседневной жизни теории) обосновываются скорее посредством социального, а не эмпирического подкрепления.

Можно сказать, что тем самым вновь привносится своего рода псевдопрагматизм. Опять можно сказать, что теории убеждают, поскольку они работают — работают в том смысле, что они стали стандартным, само собой разумеющимся знанием в данном обществе.

Конкуренция теорий — это конкуренция групп “носителей”

Это предполагает, что для конкуренции между соперничающими определениями реальности всегда будет некое социально-структурное основание, которое будет воздействовать, если не прямо детерминировать своим развитием исход такого соперничества.

Вполне возможно, что глубокомысленные теоретические формулировки будут сочиняться чуть ли не в полной изоляции от широких движений в социальной структуре. В таком случае конкуренция соперничающих экспертов может происходить в своего рода социальном вакууме.

Например, две группы дервишей-отшельников могут спорить о природе Вселенной посреди пустыни, причем никто, кроме них, ни в малейшей степени не заинтересован в этом диспуте.

Но стоит той или иной точке зрения получить аудиторию в окружающем обществе, и во многом внетеоретические интересы начинают решать,

каким будет исход соперничества. Различные социальные группы будут находить точки соприкосновения с конкурирующими теориями и станут их “носителями”.

Прагматическое превосходство теории “доказывается” не ее внутренними качествами, но ее приложимостью к социальным интересам той группы, которая сделалась “носителем” теории

Так, теория дервишей А может взывать к высшим слоям, а теория В – к средним слоям данного общества – по причинам, которые очень далеки от страстей, воодушевлявших первых изобретателей этих теорий.

Конкурирующие группы экспертов будут связываться с этими группами “носителей”, и последующая их судьба будет зависеть от исхода конфликта, который привел эти группы к принятию соответствующих теорий.

Соперничающие определения реальности, таким образом, получают свое разрешение в сфере соперничающих социальных интересов, которые, в свою очередь, “переводятся” на язык теоретических терминов.

Когда между преданными различным предельным определениям реальности экспертами возникает не только теоретическая, но и практическая конкуренция, теория вновь прагматизируется, но вопрос о прагматическом потенциале данных теорий становится внешним; иначе говоря, прагматическое превосходство теории “доказывается” не ее внутренними качествами, но ее приложимостью к социальным интересам той группы, которая сделалась “носителем” теории.

Результатом этого является огромная историческая изменчивость социальной организации групп теоретических экспертов. Здесь явно невозможна исчерпывающая типология, а потому имеет смысл бросить взгляд на некоторые наиболее общие типы.

Тип 1. Монополия экспертных теорий

Совмещение власти и экспертов

Прежде всего существует парадигматическая возможность того, что универсальные эксперты удерживают действенную монополию на все предельные определения реальности в обществе.

Такую ситуацию можно считать парадигматической, поскольку у нас есть веские основания полагать, что это типично для ранних фаз человеческой истории. Такая монополия означает, что единственная символическая традиция поддерживает данный универсум. Существовать в обществе – значит принимать эту традицию. Эксперты по традиции признаются таковыми практически всеми членами общества, и у них нет действенных конкурентов.

Все эмпирически доступные нашему наблюдению примитивные общества подпадают под этот тип, а с некоторыми модификациями под него подпадает большая часть архаичных цивилизаций. Это не означает, что в таких обществах нет скептиков, что все без исключения полностью интернализовали традицию. Скорее этот скептицизм (каким бы он ни был) не был социально организован, а потому не мог представить вызова для держателей “официальной” традиции.

В подобной ситуации монополистическая традиция и ее эксперты-администраторы поддерживаются унифицированной структурой власти. Те, кто занимает главные позиции во властных структурах, готовы использовать свои полномочия для навязывания традиционных определений реальности всему подвластному им населению.

Ликвидация, поглощение, сегрегация экспертных теорий

Потенциальные конкурирующие концептуализации универсума

- ликвидируются сразу же, стоит им только появиться, – они либо уничтожаются физически (тот, кто не чтит богов, должен умереть);
- либо интегрируются в саму традицию (универсальные эксперты могут доказать, что конкурирующий пантеон Y есть в действительности лишь другой аспект или номенклатура традици-

онного контекста X). В последнем случае, если эксперты преуспевают с такой аргументацией и конкуренция ликвидируется путем “поглощения”, то традиция обогащается и дифференцируется;

- конкуренция может также подвергнуться сегрегации в рамках общества, а тем самым сделаться безвредной. Например, ни один член группы завоевателей или правителей не может поклоняться богам типа Y, но покоренные или низшие слои могут это делать. Та же защитная сегрегация может применяться по отношению к чужестранцам или “гостям”.

Пример: Средневековое христианство

Средневековое христианство (которое никак не назовешь первобытным или архаичным, но которое оставалось обществом с действенной символической монополией) предлагает превосходные примеры всех трех процедур ликвидации.

Открытая ересь уничтожалась физически, будь ее носителем индивид (скажем, ведьма) или коллектив (вроде общины альбигойцев).

В то же самое время церковь как монополичный охранитель христианской традиции была достаточно гибкой во включении в рамки традиции многообразных народных верований и практик, пока они не становились еретическим вызовом христианскому универсуму как таковому. Не так уж важно, если крестьяне возьмут какого-нибудь своего старого божка, “окрестят” его и сделают христианским святым, будут продолжать рассказывать древние истории и отмечать связанные с ними старые празднества.

Иные конкурирующие определения реальности могли даже подвергаться сегрегации в рамках христианства, не считаясь ему угрозой. Наиболее важным случаем тут были, конечно, евреи, хотя сходные ситуации возникали там, где христиане и мусульмане были вынуждены жить бок о бок в мирные времена. Такого рода сегрегация оберегала также универсумы евреев и мусульман от христианского “заражения”.

Отношение к “чужакам”:

либо ликвидация, либо переговоры

Пока конкурирующие определения реальности удастся концептуально и социально подвергнуть

сегрегации как принадлежащие чужакам, а потому к себе не относимые, отношения с этими чужаками могут быть вполне дружественными. Трудности начинаются там, где “чуждость” прорывается и отклоняющийся универсум делается возможным в среде собственного народа.

Тут традиционные эксперты готовы обратиться к огню и мечу, либо, напротив, если огня и меча не наблюдается, они могут вступить в экуменические переговоры с конкурентами.

Связь между монополией экспертов и политическим консерватизмом

Монополистическая ситуация такого рода предполагает высокую степень социально-структурной стабильности, и сама эта монополия играет роль структурной стабилизации.

Традиционные определения реальности сдерживают социальные изменения. И наоборот, разрушение монополии, считающейся само собой разумеющейся, ускоряет социальные изменения. Поэтому нас не должно удивлять, что существует большая связь между теми, чей интерес состоит в поддержании установившихся властных отношений, и персоналом, управляющим монополистической традицией поддержания универсума.

Другими словами, консервативные политические силы склонны поддерживать монополистические притязания универсальных экспертов, чьи монополистические организации в свою очередь являются политически консервативными.

Исторически большая часть этих монополий была, конечно, религиозной. Поэтому можно сказать, что церкви, понимаемые здесь как монополистические объединения экспертов, постоянно занятых религиозным определением реальности, по сути своей консервативны, стоит им преуспеть в установлении монополии в данном обществе. Со своей стороны правящие группы, делающие ставку на поддержание политического status quo, по существу, церковны в своей религиозной ориентации и уже поэтому подозрительны ко всяким нововведениям в религиозной традиции.

Тип 2. Конкуренция экспертных теорий

Монополии трудно устанавливать или поддерживать по ряду исторических причин – как международных, так и “домашних”. Борьба между конкурирующими традициями и их административным персоналом может длиться долгое время.

Понятие идеологии

Когда частное определение реальности соединяется с конкретным властным интересом, его можно назвать идеологией. Следует подчеркнуть, что этот термин мало пользы употреблять по отношению к обсуждавшейся выше монополистической ситуации.

Например, не слишком осмысленно говорить о христианстве как об идеологии в Средние века – несмотря на то, что оно имело явное политическое значение для правящих групп, – по той простой причине, что в христианском универсуме “жили” все члены средневекового общества, будь то крепостные крестьяне или их владельцы. В период, последовавший за индустриальной революцией, однако, возникли некоторые оправдания для того, чтобы именовать христианство буржуазной идеологией, поскольку буржуазия использовала христианскую традицию и ее персонал в борьбе против нового класса промышленных

рабочих, который в большинстве европейских стран уже не мог считаться “населяющим” христианский универсум. Столь же мало смысла использовать термин “идеология”, когда два различных определения реальности сталкиваются друг с другом в борьбе между различными обществами, – например, говорить о “христианской идеологии” крестоносцев и “исламской идеологии” сарацинов.

Отличительные признаки идеологии, скорее, обнаруживаются там, где тот же самый целостный универсум интерпретируется по-разному в зависимости от конкретных интересов в данном обществе.

Социальная группа и идеология

Часто идеология принимается группой, поскольку специфические теоретические элементы идеологии соответствуют ее интересам.

Например, там, где обедневшая группа крестьян ведет борьбу с группой городских купцов, поработившей их с помощью денег, первую группу может сплотить религиозная доктрина, превозносящая добродетели сельской жизни, осуждающая денежную экономику и кредитную систему как нечто аморальное и вообще порицающая роскошь городской жизни. Идеологическая “выигрешность” такой доктрины для крестьян очевидна. Неплохие иллюстрации этого можно найти в истории Древнего Израиля.

Тем не менее было бы ошибочным воображать, будто взаимосвязь между заинтересованной группой и ее идеологией всегда столь логична.

Каждая группа, вовлеченная в социальный конфликт, нуждается в солидарности. Идеологии порождают солидарность.

Выбор конкретной идеологии необязательно основывается на внутренне присущих ей теоретических элементах, он может быть случайным.

Вовсе не так уж ясно, например, какие внутренние элементы христианства сделали его политически “интересным” для определенных групп в век Константина. Скорее христианство (первоначально идеология низшего среднего класса) использовалось властными интересами для политических целей без всякой связи с религиозным содержанием. Ничуть не хуже им могло служить

что-нибудь другое – христианство просто оказалось под рукой в некий решающий момент.

Конечно, стоит идеологии быть принятой данной группой (точнее, стоит конкретной доктрине стать идеологией данной группы), и она изменяется в соответствии с интересами, которые отныне должна легитимировать. Это предполагает процесс отбора и прибавления по отношению к первоначальной системе теоретических утверждений.

Но нет оснований считать эти видоизменения воздействующими на принятую доктрину в целом. В идеологии могут быть и такие элементы, которые никак не связаны с легитимируемыми интересами. Эти элементы энергично утверждаются группой “носителей” просто потому, что она предана этой идеологии.

На практике это может приводить к тому, что властители будут поддерживать своих идеологических экспертов в теоретических перебранках, которые вообще не имеют ни малейшего отношения к их интересам.

Хорошим примером тому может служить вовлечение Константина в христологические контроверзы того времени.

Тип 3. Сосуществование экспертных теорий

Центральный и частные универсумы

Важно помнить о том, что большинство современных обществ являются плюралистическими. Это означает, что в них есть некий центральный универсум, считающийся само собой разумеющимся в качестве такового, и различные частные универсумы, сосуществующие друг с другом и находящиеся в состоянии взаимного приспособления.

Вероятно, последние также имеют некие идеологические функции, но прямой конфликт между идеологиями тут был бы заменен различной степенью терпимостью и даже кооперацией.

Демонополизация экспертов

Такая ситуация, вызванная сочетанием нетеоретических факторов, сталкивает традиционных экспертов с непростыми теоретическими проблемами.

Осуществляя руководство традицией с многовековыми монополистическими претензиями, они вынуждены искать способы теоретической легитимации происшедшей демонополизации.

Иногда они выбирают продолжение старых тоталитарных притязаний, словно ничего не произошло, но очень немногие люди готовы принять эти притязания всерьез.

Что бы ни делали эксперты, плюралистическая ситуация изменяет не только социальное положение традиционных определений реальности, но и тот способ, коим они удерживаются в сознании индивидов.

Социальные условия и последствия плюрализма

Плюралистическая ситуация предполагает городское общество с сильно развитым разделением труда, сопутствующей высокой дифференциацией социальной структуры и большими экономическими излишками. Эти условия, явно преобладающие в современном индустриальном обществе, существовали и ранее, по крайней мере, в отдельных областях предшествовавших обществ.

Плюралистическая ситуация приходит вместе с условиями быстрого социального изменения, и сам плюрализм является фактором ускорения именно потому, что способствует подрыву традиционных определений реальности, сопротивляющихся эффективному изменению.

Плюрализм способствует как скептицизму, так и нововведениям, по сути своей он имеет подрывной характер для само собой разумеющейся реальности традиционного status quo.

Можно даже посочувствовать экспертам по части традиционных определений реальности, ностальгически вспоминающих прошлые времена, когда эти определения имели монополию в своей области.

Фигура интеллектуала и ее социальная роль

Один из исторически важных типов экспертов, который в принципе возможен в любой из только что рассматривавшихся ситуаций, – это интеллектуал.

Интеллектуал как контр-эксперт и маргинал

Его мы можем определить как эксперта, экспертиза которого не является желательной для общества в целом. Это предполагает переопределение знания vis-a-vis к “официальному” учению, то есть это нечто большее, чем просто отклонение в интерпретации последнего.

Поэтому интеллектуал по определению оказывается маргинальным типом. Был ли он сначала маргиналом, чтобы затем сделаться интеллектуалом (как это было в случае со многими еврейскими интеллектуалами на современном Западе), либо его маргинальность была прямым следствием интеллектуальных aberrаций (как в случае подвергнутого остракизму еретика) – нас сейчас не интересует.

В любом случае его социальная маргинальность выражает отсутствующую теоретическую интеграцию в универсум его общества.

Он оказывается контр-экспертом в деле определения реальности. Подобно “официальному” эксперту, он делает проект общества в целом. Но если первый делает это в соответствии с институциональными программами и его проект служит их теоретической легитимации, то проект интеллектуала существует в институциональном вакууме, его социальная объективация в лучшем случае происходит в подобестве таких же интеллектуалов.

Подобно тому как удаляющийся от общества интеллектуал нуждается в других для помощи в поддержании его девиантных определений реальности в качестве реальности, так и революционному интеллектуалу требуются другие для подкрепления его девиантных концепций

Насколько такое подобство способно к выживанию, зависит, конечно, от структурных конфигураций общества в целом. Можно прямо сказать, что необходимым условием здесь является некая степень плюрализма.

Линии социального поведения интеллектуала

Интеллектуал в такой ситуации располагает рядом исторически интересных альтернатив.

Замыкание в подобестве

Он может удалиться в интеллектуальное подобство, которое может служить ему эмоциональным прибежищем и (что более важно) социальным базисом его девиантных определений реальности.

Другими словами, интеллектуал может чувствовать себя “как дома” в подобестве, в отличие от всего общества, и в то же самое время он может субъективно поддерживать свои девиантные концепции, которые отвергаются обществом в целом.

В подобестве же он находит других, которые рассматривают его концепции в качестве реальности.

Затем он разрабатывает различные процедуры защиты этой хрупкой реальности подобства от угроз ее уничтожения извне.

На теоретическом уровне эти процедуры включают терапевтические средства защиты, которые мы обсуждали ранее. Практически самой важной процедурой будет ограничение всех значимых взаимоотношений членов этого подобства с аутсайдерами, которые всегда несут угрозу уничтожения.

Религиозная секта может служить прототипом такого рода подобства. Под покровом сектантской общины даже самые дикие девиантные концепции обретают характер объективной реальности. И наоборот, уход в секту типичен для ситуаций, когда прежние объективированные определения реальности распадаются, то есть утрачивают объективность в большом обществе.

Детали этого процесса относятся к исторической социологии религии, и к ним можно добавить различные секуляризованные формы сектантства, которые являются ключевой характеристикой интеллектуалов в современном плюралистическом обществе.

Революция

Очень важной исторической альтернативой является, конечно, революция. Тут интеллектуал де-

ляет ставку на реализацию своего проекта общества в обществе.

У нас нет возможности обсуждать здесь различные формы такого исторического выбора, но следует сделать одно важное теоретическое замечание. Подобно тому как удаляющийся от общества интеллигент нуждается в других для помощи в поддержании его девиантных определенных реальности в качестве реальности, так и революционному интеллигенту требуются другие для подкрепления его девиантных концепций.

Это требование гораздо фундаментальнее того очевидного факта, что ни один заговор не может удалиться без организации. Интеллигент-революционер должен располагать другими, которые просто поддерживают для него реальность (то есть субъективную достоверность в его собственном сознании) революционной идеологии.

Все социально осмысленные определения реальности должны объективироваться в социальном процессе. Следовательно, подуниверсумы требуют подобеств в качестве их базиса объективации, а контр-определения реальности требуют контр-обществ.

Разумеется, всякий практический успех революционной идеологии укрепит ее реальность в рамках подобщества и в сознании его членов. Ее реальность обретает огромные пропорции, когда целые социальные слои делают ее “носителями”.

История современных революционных движений дает множество примеров превращения революционных интеллигентов в “официальных” легитиматоров после победы такого движения. Это говорит не только о значительном историческом многообразии социальных карьер интеллигентов-революционеров, но также о том, что различные акты выбора и комбинации могут происходить в рамках индивидуальной биографии.

Диалектика поддержания универсума

Ранее мы подчеркивали структурные аспекты социального существования поддерживающего универсум персонала. Институты и смысловые универсумы легитимируются живыми индивидами с конкретным местоположением в обществе и с конкретными социальными интересами. Ис-

тория легитимирующих теорий всегда есть часть истории общества в целом. Ни одна история идей невозможна в изоляции от пота и крови общей истории.

Но снова нужно подчеркнуть, что из этого не следует, будто теории суть только отражения “базисных” процессов: взаимосвязь между “идеями” и социальными процессами всегда является диалектической.

Определения реальности имеют потенциал самоосуществления. Теории могут реализовываться в истории — даже в высшей степени глубокомысленные теории, каковыми они были в то время, когда впервые обдумывались их изобретателями

Правильно было бы сказать, что теории сочиняются для легитимации уже существующих социальных институтов. Но случается и так, что социальные институты изменяются для того, чтобы они соответствовали уже существующим теориям, дабы сделать их еще “легитимнее”.

Эксперты от легитимации могут действовать как теоретики, оправдывающие status quo; но они могут оказаться и идеологами революции. Определения реальности имеют потенциал самоосуществления. Теории могут реализовываться в истории – даже в высшей степени глубокомысленные теории, каковыми они были в то время, когда впервые обдумывались их изобретателями.

Карл Маркс, размышляющий в библиотеке Британского музея, вошел в пословицу как пример такой исторической возможности.

Следовательно, социальное изменение всегда следует понимать в диалектической взаимосвязи с “историей идей”. Как “идеалистические”, так и “материалистические” способы понимания упускают из вида эту диалектику, а тем самым искажают историю.

Для социологии существенно признание того, что все универсумы и все легитимации – человеческие творения; их существование имеет свой фундамент в жизни конкретных индивидов и вне этих жизней не имеет никакого эмпирического статуса. ■

Авторы номера...

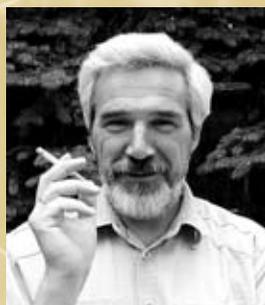
Елена Вовк
Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”

**Константин
Банников**
Кандидат
исторических наук,
докторант Института
этнологии и
антропологии РАН

Александр Ослоп
Кандидат технических
наук. Президент Фонда
“Общественное мнение”.
Профессор Высшей школы
экономики

Григорий Кертман
Кандидат исторических
наук. Заведующий
аналитическим отделом
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Анатолий Черняков
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Лариса Паутова
Кандидат
социологических
наук, доцент кафедры
социологии Омского
государственного
университета